ЗАКОН СТОИМОСТИ И ЕГО РОЛЬ при СОЦИАЛИЗМЕ

Госполитиздат

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
*КАФЕДРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА*

ЗАКОН СТОИМОСТИ И ЕГО РОЛЬ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

*Вступительная статья
и редакция*
проф. Н. А. Цаголова

ГОСПЛАНИЗДАТ
Москва — 1959

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Дискуссия о товарном производстве и законе стоимости при социализме, начавшаяся около двух лет тому назад, становится все более оживленной. В ее орбиту вовлекаются все возрастающие круги теоретиков и практиков-экономистов.

Какими реальными причинами вызвана эта дискуссия, которая на первый взгляд может представляться чисто академической? Вокруг чего она вращается? Ответить на эти вопросы нетрудно. При всей пестроте аспектов, выдвигаемых отдельными участниками дискуссии, при всех порой отвлеченных от жизни поворотах и зигзагах мысли в ней все же явственно выступает реальный предмет исканий и споров. Закон стоимости есть прежде всего закон цен. И споры вокруг закона стоимости при социализме — это так или иначе споры о том, какова объективная основа политики цен и как должна быть построена система цен в социалистической экономике.

Исключительная важность и актуальность этой проблемы очевидна. Можно по-разному подходить к пониманию вопроса о закономерностях ценообразования при социализме, но нет человека, который стал бы отрицать огромное народнохозяйственное и политическое значение данной проблемы. С политикой цен неразрывно связаны все важнейшие проблемы коммунистического строительства: вопросы правильного построения основных экономических взаимоотношений между классами социалистического общества, между городом и деревней, проблемы соотношения между накоплением и потреблением, распределения и перераспределения национального дохода, распределения трудовых и материальных ресурсов между различными отраслями народного хозяйства и различными районами страны,

проблемы хозрасчета и использования могучего стимула материальной заинтересованности.

За последние годы партия смело и решительно вскрыла крупные недостатки в действовавшей ранее системе цен и осуществила в этой области ряд важнейших, далеко идущих мероприятий. Достаточно напомнить в этой связи осуществленный партией коренной пересмотр системы цен на продукты сельского хозяйства, завершенный решениями июньского (1958 г.) Пленума ЦК КПСС «Об отмене обязательных поставок и натуроплаты за работы МТС, о новом порядке, ценах и условиях заготовок сельскохозяйственных продуктов».

Вопросы совершенствования системы цен во всех сферах народного хозяйства находятся ныне наряду с другими ключевыми проблемами коммунистического строительства в центре внимания партии и правительства.

И совершенно естественно, что проблематика ценообразования и связанных с ней теоретических вопросов товарно-денежных отношений в нашей стране приковала к себе внимание как научных, так и партийных и советских работников.

Учитывая огромное практическое значение и большую теоретическую сложность этих вопросов, кафедра политической экономии экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова организовала широкую, открытую дискуссию экономистов, посвященную теоретическим и практическим проблемам товарного производства, закона стоимости и ценообразования, рентабельности и хозрасчета, продолжавшуюся с 20 по 23 января 1958 г. Организуя научную конференцию — дискуссию, мы, разумеется, не льстили себя надеждой, что она сразу приведет к единодушному и окончательному решению всех поставленных на ней спорных вопросов. Мы ожидали от нее прежде всего более четкого выявления основных аргументов по коренным вопросам, связанным с законом стоимости в социалистической экономике. Эти ожидания в значительной степени оправдались. И, что особенно ценно, на дискуссии были выдвинуты некоторые веские, вполне заслуживающие внимания и изучения теоретические и практические предложения, относящиеся к вопросам ценообразова-

ния, контроля за эффективностью использования основных и оборотных фондов и укрепления системы хозрасчета.

В настоящем сборнике мы предлагаем вниманию читателей доклады и выступления, состоявшиеся на конференции.

* * *

Экономическая природа товарного производства и роль закона стоимости в социалистической экономике — таков первый круг проблем, подвергшихся обсуждению на конференции.

Не подлежит сомнению, что товарное производство при социализме коренным образом отличается от товарного производства при капитализме. Не подлежит сомнению и то, что социалистическая система производственных отношений придает закону стоимости — закону товарных отношений — кардинальные особенности, коренным образом отличающие его от «классического» закона стоимости, действующего при капитализме. Глубочайшим образом изменилась историческая среда, социальная арена действия закона стоимости и вместе с ней и формы его проявления; совсем иной по сравнению с капитализмом стала его сила, его воздействие на экономику. Искаженным отражением этих особых черт небывалого в истории типа товарных отношений является пропагандируемое некоторыми из наших экономистов воззрение, сводящееся к отрицанию товарной природы продуктов труда при социализме. Эти экономисты утверждают, что продукты труда при социализме только по форме являются товарами и что закон стоимости, поскольку он перестал быть регулятором распределения общественного труда между разными сферами производства, не действует при социализме вообще, ни в чем себя не проявляет. Этот «нигилистический» мотив, явственно прозвучавший в некоторых выступлениях, не встретил сочувствия у подавляющего большинства участников конференции. В связи с критикой этого воззрения был высказан ряд интересных и плодотворных мыслей, касающихся исторического развития товарного производства. Докапиталистические товарные отношения обладали весьма важными и весьма существенными особенностями по сравнению с

теми всеобъемлющими, всепроникающими, «классическими» товарными отношениями, которые присущи капитализму. В этом широком аспекте становится ясным, что отрицание товарной природы денежно-стоимостных отношений при социализме всего лишь на том основании, что они глубоко отличаются от капиталистических, заключает в себе не только ложное понимание экономики социализма (в ее отличии от коммунизма), но и ложное понимание многих важных черт докапиталистических стадий экономического развития.

Товарное производство существовало до капитализма. Историческим опытом доказано, что оно существует и после ликвидации капитализма — при социализме. Но, хотя внешняя форма товарных отношений во всех общественно-экономических формациях в основном одна и та же, содержание, границы и роль товарных отношений подвергаются существеннейшим изменениям в зависимости от способа производства, при котором они существуют. И не следует, конечно, упускать из виду ту совершенно новую историческую роль и тенденцию развития, которую социалистический способ производства придает товарно-денежным отношениям. Полное развитие всех свойств и потенций, заключенных в социалистическом способе производства, базирующемся на общественной собственности на средства производства, с неизбежностью ведет к отмиранию товарно-денежных отношений. Но это отмирание есть длительный процесс превращения товара в нетовар.

Товарные отношения при социализме не являются простой видимостью, они так или иначе воздействуют на процесс производства. Бесспорные трудности теоретического анализа товара и стоимости при социализме не должны толкать нас на легкий путь догматического утверждения, что они лишены самостоятельного экономического содержания и что система планирования народного хозяйства рублем ничем принципиально не отличается от других форм планирования. Усилия теоретиков должны быть направлены не на то, чтобы в тысячу первый раз описывать давно изученные свойства «классического» товара и победоносно вещать о том, что в наших условиях товар — это «совсем не то»; их усилия должны быть направлены на то, чтобы творчески объяснить природу и необходимость сохранения товарно-

денежных отношений в условиях господства общественной собственности.

Со времени выхода в свет «Экономических проблем социализма в СССР» И. В. Сталина и до XX съезда партии у нас безраздельно господствовало воззрение, что единственной причиной сохранения товарных отношений является существование при социализме наряду с общенародной государственной формой собственности колхозно-кооперативной формы собственности. За последнее время эта концепция утеряла свое монопольное положение. И. И. Козодоев, защищавший в своем докладе эту точку зрения, не получил поддержки со стороны большинства участников дискуссии. Никто не спорил против того, что среди причин сохранения товарно-денежных отношений наиболее очевидной, наиболее понятной является факт существования двух разных форм социалистической собственности и тем самым разных собственников продуктов труда, хозяйствующих в условиях общественного разделения труда. Но означает ли это, что существование двух форм собственности является единственной причиной сохранения товарно-денежных отношений? Все большее распространение получает та точка зрения, что внутри каждого сектора социалистического производства также имеются экономические факторы, требующие сохранения товарно-денежных отношений. Каждая из форм социалистической собственности находится на такой ступени своего развития, когда она не может обойтись без товарно-денежной формы экономических отношений и связей.

В связи с вопросом о необходимости сохранения товарного производства при социализме широкому обсуждению подверглась проблема непосредственно общественного труда при социализме. Было отмечено, что понятие непосредственно общественного труда при социализме не исчерпывается тем, что разные виды конкретного труда в прямой форме и планомерно выступают как звенья совокупного общественно-разделенного труда; что это понятие включает в себя также определенную форму вменения отдельному работнику его доли в совокупном общественном продукте. Это вменение осуществляется на данной стадии развития не непосредственно по рабочему времени, а через продукт труда. Указывалось, что развитие социализма означает и раз-

витие, повышение степение зрелости непосредственно общественного характера труда и в отношении методов планомерного включения конкретных видов труда в систему общественно-разделенного труда, и в смысле постепенного изменения механизма определения доли каждого отдельного работника в совокупном общественном продукте.

Сравнительно много внимания было уделено на дискуссии вопросу о границах товарного производства и товарных отношений. Общеизвестно, что многие объекты товарного обмена при капитализме теряют товарный характер и выпадают из товарного оборота при социализме (рабочая сила, земля и т. д.). Сфера товарных отношений суживается. Но не об этих бесспорных явлениях шла речь на дискуссии. Спор вращался вокруг широко известного утверждения И. В. Сталина, что средства производства при социализме не являются товарами и что сфера товарного производства ограничена здесь в основном сферой производства предметов потребления.

Это воззрение, в защиту которого выступал один из докладчиков на конференции — И. И. Козодоев, подверглось критике со стороны большинства участников дискуссии, выступавших по его докладу, несмотря на то, что И. И. Козодоев ввел в эту концепцию новый момент. Он утверждает, что средства производства, не будучи товарами, все же обладают стоимостью. Выступавшие с критикой доклада И. И. Козодоева указывали, что попытки доказать возможность существования продуктов, обладающих стоимостью, но не являющихся товарами, не базируются на сколько-нибудь убедительных аргументах. Отмечалось также, что отрицание товарного характера средств производства находится в противоречии с фактом единства социалистической экономики.

Можно, в общем, считать, что в результате дискуссии вопрос о товарном характере средств производства стал менее спорным, чем он был до этого.

Не являлся предметом споров вопрос о том, какой закон является в условиях социализма, при сохранении товарного производства, регулятором распределения общественного труда. Не подвергалось сомнению, что закон планомерного развития и диктуемые основным экономическим законом пропорции развития

народного хозяйства регулируют распределение общественного труда. Однако при этом все же остается нерешенным вопрос о том, каково же воздействие закона стоимости: воздействует ли он только на отношения обмена или также на процесс производства?

Указывалось, что формы действия и степень воздействия закона стоимости различны для разных видов социалистического производства.

Следует отметить, что вопрос о формах воздействия закона стоимости на процесс производства в общенародном секторе производства не получил на конференции достаточно развернутого освещения.

* * *

Вопрос о соотношении цены и стоимости в товарном производстве при социализме является одним из наиболее сложных. Формула о том, что цена есть денежное выражение стоимости, сохраняет свою силу и для эпохи социализма. Однако количественное несовпадение цены и стоимости, которое в условиях капитализма уравнивалось колебательными движениями цены вверх и вниз по отношению к стоимости, в условиях социализма может принимать устойчивый характер. Долговременные отклонения цен от стоимости могут при социализме стать нормой. Однако и при социализме отклонения эти имеют свои границы. На дискуссии достаточно ясно проводилась мысль о том, что отклонения цен от стоимости не должны во всяком случае быть такими значительными, чтобы цена оказывалась ниже себестоимости, так как такие отклонения находятся в противоречии с требованиями хозрасчета и принципа материальной заинтересованности.

Вопрос о том, что цена может быть ниже себестоимости лишь в краткие периоды освоения новой продукции, не стал предметом обсуждения, так как не вызывал сомнений. Предметом весьма оживленных дискуссий явился вопрос о величине разрыва между ценой и себестоимостью и о принципах, которыми необходимо пользоваться при установлении цен на товары.

* * *

Вопрос о фактическом и желательном соотношении между ценой и стоимостью в отраслях, производящих средства производства, и в отраслях, производящих пред-

меты потребления, не подвергался на конференции подробному обсуждению, хотя и были высказаны соображения в пользу того, чтобы не осуществлять какой-либо крутой ломки сложившихся уровней цен в этих сферах общественного производства. Но вопрос о принципах построения цен в связи с проблемой рентабельности и хозрасчета был предметом весьма оживленной дискуссии.

По вопросу о принципах определения рентабельности в основном соперничали две концепции. Одна из них сводится к тому, что рентабельность предприятия должна определяться путем отнесения прибыли предприятия к совокупной себестоимости продукции. Против этого метода определения рентабельности выдвигалось то соображение, что он не способствует бережливому отношению к основным фондам. В связи с этим докладчиком З. В. Атласом была развита аргументация в пользу другого метода определения рентабельности — путем отнесения прибыли к фондам, находящимся в распоряжении предприятий. Вместе с этим естественно возникал вопрос об уровне цен. Было предложено устанавливать цены, руководствуясь не непосредственно стоимостью, а величиной, обеспечивающей возмещение издержек производства плюс средняя прибыль на все фонды предприятия. Преимущество такого метода построения цены защитники его видят в том, что он обеспечивает возможность контроля за использованием фондов предприятия.

Этот метод встретил возражения, сводящиеся к тому, что степень использования фондов может контролироваться другими не менее точными методами и что не обязательно оценивать работу предприятия только по одному показателю. Другое возражение, выдвинутое против такого метода ценообразования и связанного с ним принципа определения рентабельности, сводилось к тому, что цена, определяемая как сумма себестоимости и прибыли, исчисленной по отношению ко всем фондам, представляет собой копию капиталистической цены производства.

Вопросы, связанные с таким принципом ценообразования, не получили исчерпывающего освещения. Однако аргумент, что этот метод определения цены и рентабельности аналогичен капиталистической цене производства, выглядит неубедительно.

Во-первых, цена производства при капитализме устанавливается стихийно. Она связана с конкурентной борьбой между капиталистами разных сфер производства. Ее полное действие предполагает свободную конкуренцию, т. е. свободный анархический перелив капиталов из отрасли в отрасль. Механизм установления средней прибыли и «цены производства», предложенной с целью воздействия на использование фондов при социализме, должен быть, очевидно, отнюдь не стихийным, а плановым. Таким образом, между этими двумя механизмами имеется коренное принципиальное различие. Если форма прибыли, форма себестоимости и ряд других экономических форм используются в социалистической экономике, хотя и содержат в себе принципиально иное социальное содержание, то не может быть признано убедительным доказательство непригодности метода установления «цены производства» только потому, что такая категория известна из политической экономии капитализма.

Речь идет не о подчинении социалистической экономики тому или иному стихийному закону капитализма — закону ли стоимости в его первоначальной форме, закону ли стоимости в его модифицированной форме цены производства. А речь идет исключительно о целесообразности использования того или иного механизма ценообразования с точки зрения достижения наибольшей экономии и живого и овеществленного труда.

Цена всегда, до тех пор пока она существует, является могущественным экономическим рычагом, при помощи которого могут решаться важные задачи перераспределения народного дохода, стимулирования производства тех или иных видов продукции, стимулирования или ограничения потребления различных видов товаров.

Использование закона стоимости отнюдь не означает равенства цен и стоимости. Совпадение цены со стоимостью не является идеалом плановой политики цен. Закон стоимости не допускает без ущерба для производства длительного несоответствия цены и стоимости. Но совпадение цены и стоимости и соответствие цены стоимости — это разные вещи.

Выбор той или иной нормативной цены не требует предварительно ответа на вопрос, какая величина

цены, соответствующая стоимости или цене производства, ближе к основам социализма. Новая общественно-экономическая формация, возникающая после ликвидации капитализма, сама по себе не порождает товарно-стоимостных отношений, и из ее развитой природы нельзя вывести ни закона стоимости, ни закона цены производства.

Для успехов хозрасчета, для борьбы за экономию овеществленного и живого труда цена должна во всяком случае возмещать затраты средств производства и оплату живого труда — таково общее элементарное требование, вытекающее и из закона стоимости в его первоначальной форме и из закона стоимости в модифицированном виде — в виде цены производства.

Вопрос же о том, по какому принципу будет входить прибавочный продукт в качестве компонента цены,— это вопрос, который должен решаться с учетом всей совокупности экономических условий и требований, вытекающих из хозрасчетных отношений и из требований поощрения или ограничения потребления (производительного или личного) тех или иных товаров и т. д. и т. п. Этот последний круг вопросов не был предметом специального обсуждения на конференции. Он требует еще дальнейшего изучения. Но и имевший место оживленный диспут по принципиальным вопросам ценообразования и рентабельности помог уяснить, каковы реальные различия между отдельными принципами ценообразования.

Из практических вопросов ценообразования на конференции подверглись обсуждению вопросы цен на сельскохозяйственную продукцию. Участники конференции говорили о необходимости установления единых цен на сельскохозяйственные продукты, заготавливаемые государством. Как известно, июньский (1958 г.) Пленум ЦК КПСС ввел новый порядок заготовок и новые цены на сельскохозяйственные продукты, которые варьируются только по зонам. В качестве базиса при определении закупочных цен Пленумом установлена себестоимость соответствующей продукции в совхозах. Таким образом найдена определенная экономическая мера для установления цен на сельскохозяйственные продукты.

Поиски решения вопроса о ценообразовании сельскохозяйственных продуктов отдельными участниками конференции развертывались в общем в том направлении, которое соответствовало задачам подъема сельскохозяйственного производства в свете решений партии со времени сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС.

* * *

Ликвидация разрыва между теорией и практикой является одним из решающих условий преодоления того отставания экономической науки, о котором говорилось с трибуны XX съезда партии. Не может быть более плодотворного способа решения самых абстрактных теоретических вопросов проблемы товарных отношений и закона стоимости при социализме, чем всестороннее и глубокое изучение конкретных фактов и противоречий товарного производства в промышленности и в сельском хозяйстве, в государственном общенародном секторе производства и в кооперативно-колхозном. Именно обобщение фактов, взятых из самой гущи практики социалистической экономики, является единственной надежной основой такой теории, которая обогащает науку и может быть практически использована в деле коммунистического строительства.

Задача научной конференции заключалась именно в том, чтобы поднять и осветить целый комплекс вопросов, связанных внутренним единством, в котором теоретические проблемы были бы необходимой основой для разрешения практических вопросов использования закона стоимости в социалистической экономике.

Действия закона стоимости еще не достаточно изучены, в связи с чем и проблема сознательного его использования не подверглась необходимому освещению. В этом ярко сказывается отставание экономической науки от запросов практики коммунистического строительства. Но и сама практика ценообразования, находившаяся на отдельных участках народного хозяйства до сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС в противоречии с требованиями закона стоимости, тормозила теоретическую работу по изучению вопросов использования закона стоимости.

* * *

Опыт социалистического строительства показывает, что планомерное развитие народного хозяйства и сохранение товарного производства не вступают в безысходный конфликт. Успехи планового развития народного хозяйства, грандиозная программа развернутого строительства коммунистического общества, содержащаяся в тезисах Н. С. Хрущева о семилетнем плане, требуют еще более пристального внимания к действиям закона стоимости и сознательного их использования для максимального выявления и приведения в движение всех резервов социалистической экономики.

Поэтому важной задачей экономической науки остается исследование форм действия закона стоимости, процесса ценообразования, методов его совершенствования, способов использования закона стоимости. Материалы конференции, которые найдет читатель в данной книге, бесспорно, помогут дальнейшей разработке этих актуальных вопросов социалистической экономики и дальнейшему развитию политической экономии социализма.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕОБХОДИМОСТЬ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНА СТОИМОСТИ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

И. И. КОЗОДОЕВ

НЕОБХОДИМОСТЬ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ЗАКОНА СТОИМОСТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

(*доклад на конференции*)

Вопрос о товарном производстве и законе стоимости при социализме имеет огромное теоретическое, политическое и практическое значение. Многие проблемы товарно-денежных отношений являются предметом дискуссий среди советских экономистов. Наиболее спорным остается вопрос о причинах сохранения товарного производства и закона стоимости при социализме.

История экономического развития показывает, что товарное производство существовало в различных общественно-экономических формациях.

С превращением продукта труда в товар возникает общественное свойство товара — стоимость. Вещественным носителем стоимости является другое свойство товара — потребительная стоимость.

Товарная форма продукта исторически возникла раньше стоимостной формы продукта.

По мере развития обмена неизбежно появляется стоимостная форма продукта и сам товар приобретает такое свойство, как стоимость.

То общее, что присуще закону стоимости, независимо от формы общества, где он действует, состоит в измерении затрат труда косвенным путем (в продукте, но не в часах) и в той или иной мере в регулировании производства и обращения (или же только обращения).

При переходе продукта путем купли-продажи из собственности одного товаропроизводителя в собственность другого продавец должен получить от покупателя его продукта другой продукт, в котором воплощено столько же труда, сколько воплощено в отчуждаемом товаре.

Обязательным условием для существования товарного производства любой разновидности является общественное разделение труда. Общественное разделение труда является непременной основой товарного производства. Однако общественное разделение труда всегда будет иметь место. Оно останется и при полном коммунизме и поднимется на еще более высокую ступень. Товарное же производство ограничено определенными историческими рамками.

Причина, порождающая необходимость существования товарной формы продукта, заложена не в общественном разделении труда и не в обособленности производителей, а в отношениях собственности.

Социальное содержание товара определяется формой собственности на средства производства. Социальное содержание, например, товарного производства, основанного на капиталистических производственных отношениях, определяется частной, капиталистической формой собственности. Природа товарного производства в условиях социализма определяется социалистической собственностью на средства производства.

Экономистов, отрицающих товарное производство при социализме и рассматривающих стоимость лишь как удобное средство калькуляции затрат, у нас очень мало. Зато экономисты, трактующие все социалистическое производство как товарное, причем товарное по существу, а не только формально, составляют значительную группу. И, наконец, есть немало экономистов, которые товарным считают лишь часть социалистического производства. Причем среди этих экономистов одни считают, что закон стоимости действует только в той части социалистического производства, которая является товарной, а другие считают, что закон стоимости действует во всем социалистическом производстве.

Такое расхождение во взглядах объясняется главным образом тем, что еще не выработалось единое мнение по вопросу о необходимости товарного производства и действия закона стоимости при социализме.

Научное решение этой проблемы возможно лишь на основе правильного применения принципов марксистско-ленинской методологии.

Прежде всего следует различать субъективное и объективное. Привнесение субъективного начала в объяснение объективного нетерпимо и исключает возможность получения правильных научных выводов.

Только забвением этого методологического принципа можно объяснить попытки некоторых товарищей выводить необходимость товарного производства при социализме из нашей неспособности исчислять затраты труда непосредственно в часах рабочего времени.

Сторонники этой позиции считают, что раз люди не в состоянии исчислять затраты труда в часах, то именно поэтому им требуется стоимостная форма учета труда. Отсюда якобы и вытекает необходимость товарного производства в условиях социализма. Сторонники этой концепции идут от стоимости к товару. Между тем анализ товарно-денежных отношений в условиях любого социально-экономического организма, где эти отношения существуют, надо начинать не со стоимости, а с товара. Следует прежде всего установить, все ли продукты социалистического производства или только какая-то часть из них имеют товарную природу, и лишь после этого правомерно переходить к выяснению свойств товара — потребительной стоимости и стоимости.

Изложенная концепция, получившая наименование «учетно-статистической», выражает собой субъективный подход к объяснению причин товарного производства. Она подвергалась резкой критике, но еще не преодолена.

Некоторые наши экономисты объясняют существование товарного производства самим фактом существования денег. Они рассуждают так: если есть деньги, значит есть купля и продажа, есть и товар, есть, следовательно, и товарное производство. Это явно выраженный эмпиризм. Часть экономистов считает, что товарная форма производства при социализме является следствием двух причин. А. В. Бачурин такими двумя причинами считает наличие двух форм собственности и уровень развития общественного труда, являющегося при социализме средством для жизни. К. В. Островитянов насчитывает четыре причины существования товарного производства при социализме: две формы собственности на средства

производства, личная собственность, материальная заинтересованность работников и коллективов, эквивалентное возмещение трудовых затрат каждого предприятия. Г. А. Козлов насчитывает шесть причин товарной формы производства при социализме: две формы собственности, характер труда, личная собственность, материальное стимулирование, распределение по труду, отсутствие идеальной торговли. Все эти шесть причин объединяются в одну; таковой является состояние производственных отношений. Состояние же производственных отношений зависит от уровня развития производительных сил.

Подавляющее большинство экономистов усматривает причину товарного производства в производственных отношениях, что на наш взгляд является подлинно марксистским методологическим подходом. Но вопрос заключается в том, правомерно ли усматривать причину существования товарного производства при социализме во всей совокупности производственных отношений.

Вместе с тем некоторые товарищи склонны усматривать непосредственную причину товарного производства в производительных силах, в уровне их развития. Другими словами, непосредственную причину, порождающую необходимость товарного производства при социализме, некоторые экономисты усматривают в отношениях людей к природе, а не во взаимоотношениях людей в процессе производства, т. е. не в форме собственности. Не подлежит сомнению, что в конечном счете все упирается в уровень развития производительных сил, в их характер. Даже любое надстроечное явление и то в конце концов обязано своим происхождением состоянию производительных сил. Конечно, при коммунистическом изобилии продуктов, при распределении по потребностям, не может быть речи о товарном производстве. Но поставим вопрос так: коммунистического изобилия материальных благ еще нет, распределение еще осуществляется по труду, но существует лишь одна форма собственности на все средства производства — всенародная собственность. Сохраняется ли в этом случае необходимость существования товарного производства?

Научный подход требует, чтобы проблема необходимости товарного производства была первоначально решена для такого социалистического строя, при котором

все средства производства являются всенародной государственной собственностью, т. е. отвлекаясь от колхозной формы производства.

Почему необходима такая абстракция, правильна ли она? Социализм с одной всенародной формой собственности практически возможен и теоретически мыслим. Такой социализм практически возможен, например, в Англии, когда английский народ после социалистической революции решит задачи переходного периода от капитализма к социализму.

Социализм с одной — всенародной — формой собственности возможен и в Советском Союзе. Эта возможность вытекает из могучего технического прогресса, из роста индустриальной базы сельскохозяйственного производства. Технический прогресс может на определенном этапе развития социалистической экономики сделать возможным и необходимым подъем колхозной собственности до уровня всенародной еще до построения полного коммунизма. Перспектива эта, конечно, не ближайшая. Такая возможность если и возникнет, то в сравнительно отдаленном будущем.

Но если даже такого социализма практически ни в одной стране и не будет, все же первоначальный анализ социализма, основанного только на одной всенародной форме собственности, вполне правомерен и даже необходим. Такое теоретическое допущение диктуется ролью и значением всенародной государственной формы собственности.

При капитализме возникает необходимость во всенародной форме социалистической собственности на средства производства. Эта необходимость вытекает из противоречия между общественным характером процесса производства и частнокапиталистической формой присвоения. Социалистическая революция осуществляет эту необходимость. Диктатура пролетариата, выполняя свою историческую миссию, обобществляет производство, создает всенародный государственный сектор производства. Государственный социалистический сектор с момента своего возникновения выступает как ведущий по отношению к другим экономическим укладам переходного периода. Для понимания взаимодействия экономических укладов, процесса преобразования несоциалистических укладов в социалистическое производство

требуется знание и понимание законов социалистических производственных отношений.

Капиталистический способ производства не порождает необходимости групповой колхозной формы социалистической собственности. Эта необходимость возникает после социалистической революции.

Реорганизация индивидуально-крестьянского хозяйственного строя в кооперативный строй возможна лишь при ведущей и руководящей роли всенародной формы собственности.

Более того, диктатура пролетариата и государственная всенародная собственность определяют собой и социалистическую природу колхозов. Все специфические экономические законы социализма порождаются всенародной формой социалистической собственности. Колхозный же строй ни одного специфического экономического закона социализма не порождает.

Из всего сказанного и вытекает возможность и необходимость анализировать экономику социализма, исходя первоначально из социализма, основанного на одной всенародной форме производства с последующим включением в анализ факта наличия двух форм социалистической собственности. Такая абстракция дает возможность решить проблему необходимости товарного производства, как и некоторые другие проблемы.

Итак, сначала необходимо исходить из социализма, основанного только на всенародной форме собственности, и решить вопрос, необходима ли товарная форма производства в условиях такого социализма.

Некоторые экономисты считают, что внутри госсектора существуют причины, диктующие необходимость товарного производства. Этими причинами, по их мнению, являются материальное стимулирование и хозрасчет. Но необходимость хозрасчета вытекает из действия закона стоимости, а не наоборот. Что же касается материальной заинтересованности, то она может вполне осуществляться и без денежной формы. Мощные, вполне достаточные материальные стимулы можно создать, не прибегая к услугам денег.

При наличии одной всенародной формы собственности на средства производства и всю продукцию не может возникнуть экономической потребности в товарообмене, так как все производители материальных цен-

ностей трудятся при таких отношениях, когда все средства производства и вся продукция имеют одного хозяина — социалистическое государство. А переход предметов личного потребления из всенародной собственности в личную собственность граждан не требует при этом условии сохранения товарного производства и денежного хозяйства. Люди в состоянии исчислять затраты в единицах рабочего времени, и если нет объективной необходимости в купле-продаже средств производства, в товарном производстве, то в этом случае трудоемкость будет единственным показателем деятельности той или иной хозяйственной единицы.

Если сделать анархо-синдикалистское допущение, что в социалистическом обществе собственником заводов, фабрик, рудников и т. п. является не государство, а коллективы трудящихся этих предприятий, то в этом случае все производство будет товарным, все продукты примут товарную форму, а закон стоимости станет выполнять роль регулятора не только обращения, но и производства. Но такого рода коллективная собственность может насаждаться лишь искусственно, наперекор необходимости, так как она несовместима с общественным характером процесса производства, который требует всенародной формы собственности на средства производства и создаваемую продукцию. Всенародная же форма собственности сама по себе, по своей внутренней сущности, не требует товарного производства и денежного хозяйства.

К. Маркс (см. «Критика Готской программы»), Ф. Энгельс (см. «Анти-Дюринг»), В. И. Ленин (см. «Государство и революция») писали о том, что в социалистическом обществе с одной всенародной формой собственности не будет необходимости в товарном производстве и деньгах и что переход предметов потребления из всенародной собственности в личную собственность работника будет осуществляться посредством квитанций, удостоверяющих количество труда (за соответствующими вычетами), затраченного работником для общества. Это положение классиков марксизма-ленинизма является логическим выводом из их анализа исторического развития товарного производства с древних времен вплоть до его высшей формы — капиталистической.

Некоторые из наших экономистов, однако, считают, что эти выводы классиков марксизма-ленинизма неприменимы к нашим нынешним условиям. К. В. Островитянов считает, что Маркс говорил об отсутствии товарного производства при социализме, исходя из положения об одновременной победе социализма во всех цивилизованных странах.

Однако вопрос об одновременной победе социализма во всех странах здесь не при чем. Маркс сделал этот вывод, исходя из социализма с одной всенародной формой собственности, при которой движение продукта труда в процессе воспроизводства не будет связано со сменой собственника на этот продукт.

У нас нет оснований пересматривать положение Маркса о судьбах товарного производства при социализме с одной всенародной формой собственности. Всенародная форма собственности исключает смену собственника на средства производства. Известно и отношение В. И. Ленина к этому вопросу. Ленин в полном согласии с Марксом также писал, что при одной всенародной форме собственности товарного производства не будет и деньги будут не нужны — будут удостоверения. Ленинский термин «удостоверение» даже точнее, чем Марксов термин «квитанция», потому что назначение этой квитанции заключается именно в том, чтобы удостоверить, какое количество труда затратил данный член коллектива, на какое количество продукта он может претендовать (с учетом необходимых вычетов).

Если же вывод и прогноз основоположников марксизма насчет того, что всенародная форма собственности не требует товарной формы производства, неправильны, то пусть это докажут те товарищи, которые считают, что социалистическое производство в любой «планомерной и сознательной ассоциации» (кроме, конечно, полного коммунизма) должно быть товарным. Этим товарищам придется попутно доказать: а) что причина возникновения товарного производства в далеком докапиталистическом прошлом заложена не в отношениях между первобытными общинами, как об этом писал Маркс, а в неспособности людей исчислять затраты в единицах рабочего времени; б) что анализ капиталистического товарного производства надо начинать не с товара, как это сделал Маркс, а со стоимости.

Следует добавить, что переход предметов потребления в личную собственность сам по себе также не требует товарной формы производства и товарного обмена. И хотя между общественной и личной собственностью есть противоречие, для движения этого противоречия в условиях существования одной всенародной формы собственности совершенно не требуется, однако, товарной формы продукта.

Это противоречие может разрешаться путем измерения затрат труда непосредственно в часах рабочего времени. Именно путем исчисления в часах можно осуществлять закон распределения по труду. Каждый из работников получал бы квитанцию, удостоверение, где фиксировалось бы количество часов общественно необходимого труда, затраченного им в социалистическом производстве. Количество часов труда, заносимого в удостоверение отдельного работника, создавшего в течение отработанного времени такое количество изделий, которое меньше нормативного, или создавшего изделия худшего качества, соответственно уменьшалось бы — и наоборот. Квитанция предполагает сведение сложного труда к простому, сведение различных видов труда к единой мере. Во всяком случае стоимостная оценка труда здесь не имела бы места.

Итак, всенародная форма собственности сама по себе не порождает необходимости товарного производства. Это признают и акад. Островитянов, и проф. Козлов, и другие экономисты, которые необходимость товарного производства объясняют несколькими причинами. Что же вызывает необходимость товарного производства при социализме?

В. И. Ленин ясно и совершенно определенно показал, что в переходный период от капитализма к социализму необходимость существования товарного производства обусловлена наличием единоличных крестьянских хозяйств и что устранить товарное производство в условиях существования единоличного крестьянского хозяйственного строя было бы равносильно самоубийству. И вот спрашивается: с реорганизацией индивидуально-крестьянского строя в строй кооперативно-колхозный необходимость товарного производства сохраняется или исчезает?

Внутри колхоза отношения между колхозниками и колхозом не требуют непременного существования товарно-денежных форм. Отношения же между государством как собственником продукта и колхозами как групповыми собственниками продукта не могут не порождать необходимости в товарном производстве.

Итак, причина существования товарного производства при социализме заключена в наличии наряду с таким собственником, как государство, более или менее многочисленных собственников в лице колхозов.

Колхозная продукция, заготовляемая в различных формах государством, а также реализуемая на колхозном рынке, и все продукты, продаваемые государством колхозами, и вообще все предметы народного потребления, поступающие в продажу, приобретают форму товара, а труд, воплощенный в них, приобретает стоимостную форму продукта.

Средства же производства, обращающиеся внутри государственного сектора, не являются реальными товарами, так как их движение, их экономический оборот не связан со сменой собственника. Там же, где нет перехода продукта труда из рук одного собственника в руки другого, товарного производства по существу нет.

В. И. Ленин, исследуя империализм, сделал вывод, что на стадии монополистического капитализма товарное производство уже на деле подорвано. Этот подрыв, указывает Ленин, вызывается гигантским обобществлением труда, гигантской концентрацией производства. С возникновением же в результате социалистической революции всенародного государственного сектора общественного производства этот подрыв завершается, и те средства производства, которые стали государственной собственностью и обращаются внутри государственного сектора, уже не являются реальными товарами.

Защитники точки зрения, что все средства производства являются у нас товарами по существу, должны утверждать, что появление государственного социалистического сектора не завершает, а ликвидирует подрыв товарного производства, который происходит на стадии империализма, и на деле полностью восстанавливает эту форму производства. Восстанавливает потому, что в государственном секторе социалистического производства заложена якобы внутренняя необходимость сущест-

вования товарного производства, вследствие чего средства производства, обращающиеся внутри государственного сектора, являются товарами по существу. Но такого прямого вывода никто из указанных экономистов не делает; они предпочитают замалчивать ленинское положение о подрыве товарного производства в эпоху империализма.

Какие продукты социалистического производства перестают быть товарами и почему перестают — все это сказано в классической формуле В. И. Ленина. Напомним эту формулу: «...государственный продукт — продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром...»[1].

Из этой формулы В. И. Ленина мы должны сделать такой важнейший вывод: если государственные продукты, приобретаемые крестьянами в порядке продуктообмена, перестают быть товарами, то продукты, реализуемые внутри государственного сектора, тем более не являются товарами.

Однако эта формула В. И. Ленина сейчас подвергается самым различным толкованиям. Одни говорят, что положение о том, что продукт перестает быть товаром и уже не является товаром, надо понимать только в том смысле, что нет капиталистической эксплуатации. Другие говорят, что эта формула относится только к продуктообмену, и поскольку продуктообмен не получил развития и мы перешли к купле-продаже (при государственном регулировании), то формула эта утратила свою силу. И те, и другие не отваживаются прямо сказать, что эта формула Ленина устарела, что она не имеет силы. Они предпочитают искусственно подгонять эту ленинскую формулу под свое понимание товарного производства.

Некоторые товарищи говорят, что цитированные строки были написаны Лениным тогда, когда необходимость сохранения товарного производства была неясна, и что будто бы к пониманию необходимости у нас товарного производства Ленин пришел после того, как продуктообмен не оправдал себя, т. е. осенью 1921 г.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 362.

Но это неверно. Необходимость товарного производства для переходного периода отражена в программе партии, принятой на VIII съезде в 1919 г. В 1921 г. происходил крутой поворот от военного коммунизма к нэпу, и, чтобы не сорваться на этом повороте, В. И. Ленин сначала провозгласил переход к продуктообмену. Но делать из этого вывод, что Ленин постиг необходимость товарного производства только тогда, когда продуктообмен не получил развития, совершенно неправильно.

Установив причину существования товарного производства при социализме, выяснив далее, что средства производства, обращающиеся внутри государственного сектора, не являются реальными товарами и что в качестве товаров выступает лишь часть продуктов производства (некоторая доля продукции I подразделения и вся продукция II подразделения), мы должны теперь выяснить, действует ли закон стоимости только в той сфере производства, продукты которой имеют товарную природу, или же закон стоимости действует во всем социалистическом производстве.

Все экономисты сходятся на том, что закон стоимости не играет в социалистической экономике роль регулятора. Но почему? В силу какой причины? — В силу той причины, что средства производства, обращающиеся внутри государственного сектора, не имеют товарной природы. Товарищи, отрицающие роль закона стоимости как регулятора производства и одновременно толкующие о товарной природе обращающихся внутри всенародного сектора средств производства, попадают в явное противоречие. Разве закон стоимости мог бы утратить роль регулятора, если бы все социалистическое производство было бы товарным? В этом случае не было бы оснований утверждать, что закон стоимости перестал быть регулятором производства.

Закон стоимости есть закон товарного производства. Но если средства производства, реализуемые внутри государственного сектора, перестали быть реальными товарами, то отсюда вовсе не следует, что в их создании закон стоимости утратил силу. Форму товара принимают не все продукты; товарную форму принимают лишь те средства производства, которые поступают в продажу колхозам и за границу, и все предметы личного потребления, между тем как форму стоимости принима-

ют все продукты, созданные социалистически организованным трудом. Стоимостную форму принимают и те средства производства, которые реальными товарами не являются. Иначе говоря, закон стоимости действует во всем социалистическом производстве.

Помимо выяснения причины необходимости существования товарного производства при социализме, требуется отдельно еще выяснить и причину действия закона стоимости при социализме. В отношении капитализма такой проблемы как самостоятельной проблемы не существует; в отношении социализма такая проблема существует. Методологическое решение этого вопроса мы находим в трудах Маркса. Дело в том, что надо различать товарную форму продукта и стоимостную форму продукта; надо различать реальный товар и формальный товар. В преподавании политической экономии капитализма мы это различие опускаем. В этом особой беды нет. Но при выяснении необходимости товарного производства и закона стоимости при социализме это различие приобретает значение одного из важнейших методологических принципов анализа. Некоторые экономисты считают такое различие неправомерным. Между тем это различие присуще объективной экономической действительности; без этого разграничения невозможно полностью понять диалектику товара и действие закона стоимости. Формула Сталина — товар по существу и товар формальный — тождественна формуле Маркса — реальный товар и формальный товар. Реальный товар — это продукт, переданный из рук одного собственника в руки другого собственника путем купли-продажи. С формальным же товаром мы имеем дело тогда, когда продукт не поступает в продажу, потребляется в том же предприятии, где он создан, но вместе с тем обладает свойством стоимости. В «Теориях прибавочной стоимости», в параграфе, посвященном доказательству несостоятельности положения Робертуса об отсутствии в земледелии стоимости сырого материала, мы читаем: «Чем большего развития достигло земледелие, тем в большей степени все его элементы входят в него в качестве товаров, не только формально, но и реально» [1]. И далее: «...в той мере, в какой земледелие

[1] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. II, Госполитиздат, 1957, стр. 44.

производит на рынок, производит *товары,* предметы для продажи, а не для собственного потребления, — в такой же самой мере земледелие учитывает свои затраты и каждую их статью рассматривает как товар, независимо от того, покупает ли оно данный предмет у себя самого (т. е. в своем *производстве*) или у третьего лица... и фермер был бы круглым дураком, если бы не умел пользоваться деньгами как счетными деньгами»[1].

А когда Маркс анализирует происхождение товара, он указывает, что раз вещи превратились в товар, то в результате обратного действия и те вещи, которые в продажу не поступают, являются товарами, если не реально, то формально. Как понимать это обратное действие? Что здесь обратно действует? Те продукты, которые продаются на рынке, создаются в производстве уже как товар и приобретают свойство стоимости. Но в силу обратного действия закона стоимости стоимостную форму приобретают и те продукты, которые в продажу не поступают и товарную форму по существу не принимают. Сфера действия закона стоимости шире той сферы, где продукт приобретает непосредственную и реальную товарную форму.

При социализме различие между товарной и стоимостной формами продукта труда приобретает неизмеримо большее значение. Учитывая это различие, учитывая, следовательно, обратное действие закона стоимости на средства производства, обращающиеся внутри государственного сектора, мы и приходим к выводу, что эти средства производства, не будучи реально товарами, все равно обладают стоимостью, т. е. формально являются товарами. Это отраженное свойство средства производства имеют потому, что в социалистической экономике действует закон стоимости. В силу обратного действия закона стоимости сфера его действия не ограничивается только рамками товарного производства, а охватывает все социалистическое производство.

И. В. Сталин, опираясь на положение Маркса об обратном действии закона стоимости, показал, что в условиях социалистического производства это обратное действие происходит через заработную плату.

---

[1] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. II, Госполитиздат, 1957, стр. 51.

Работники социалистического производства приобретают необходимые им предметы потребления только как товары и за деньги. Следовательно, они должны получать не квитанцию, а деньги. А заработная плата является одним из элементов издержек производства. Но возможно ли такое явление, чтобы труд для себя измерялся косвенным путем, т. е. получал денежную оценку, а другая часть живого труда (труд для общества) и прошлый труд, воплощенный в сырье и т. д., измерялся бы непосредственно в часах? Это сделало бы невозможным сопоставление затрат и борьбу за экономию затрат. Если труд работника для себя по необходимости оплачивается в деньгах, то тем самым труд, воплощенный в других элементах издержек производства, должен неизбежно иметь стоимостную форму, т. е. измеряться косвенным путем. Вот почему те средства производства, которые не являются реальными товарами, имеют стоимость, т. е. труд, в них воплощенный, имеет стоимостную форму продукта.

Средства труда во всем социалистическом производстве не потому имеют стоимость, что люди якобы не в состоянии исчислять затраты труда в часах. Такая возможность отнюдь не исключена. Наряду с себестоимостью на многих предприятиях исчисляется и трудоемкость, причем трудоемкость является более точным показателем достигнутой экономии времени, нежели себестоимость. Причина неизбежности действия закона стоимости во всем социалистическом производстве состоит в том, что поскольку продукты II подразделения и некоторая доля продуктов I подразделения принимают форму реального товара, постольку стоимостную форму продукта неизбежно принимает **весь** труд, воплощенный **во всех** продуктах социалистического производства, и тем самым действие закона стоимости распространяется на все социалистическое производство.

Закон стоимости не только закон обмена, но и закон производства. Процесс воспроизводства во всех его фазах и звеньях является **единым**, и это единство объективно исключает такое положение вещей, чтобы закон стоимости действовал в сфере обращения и не действовал в производстве, чтобы он действовал в производстве предметов личного потребления и не действовал в производстве средств производства, чтобы он

действовал в колхозном секторе и не действовал в государственном секторе.

Если всенародная собственность станет единственной формой собственности еще до того, как станет осуществляться распределение по потребностям, то тем самым исчезнет товарная природа продукта. Но сохранит ли при этом труд стоимостную форму продукта? Деньги, очевидно, останутся до тех пор, пока не осуществится распределение всех предметов народного потребления по потребностям, но в рамках единой всенародной собственности они будут постепенно утрачивать роль всеобщего эквивалента, не будут представителями третьего продукта (золота), а станут по сути дела, по своему экономическому значению, расчетными знаками, будут приближаться к квитанциям, к удостоверениям.

Товарная форма продукта исторически возникла раньше, чем стоимостная; и исчезнет товарная форма продукта раньше, чем исчезнет стоимостная форма.

Стоимостные формы — это инструменты. Строители социализма во всех странах социализма с успехом используют эти инструменты в интересах общества. И чем лучше социалистические страны учитывают действие закона стоимости, чем искуснее они применяют стоимостные формы, тем бóльшая достигается экономия, тем больше удешевляется производство, тем успешнее осуществляется весь процесс расширенного социалистического воспроизводства в целом. Но все же не следует идеализировать и абсолютизировать стоимостные формы. Требуется все же и учет трудоемкости. При полном коммунизме последняя станет единственным показателем эффективности затрат в каждой хозяйственной единице.

* * *

До недавнего времени широкое распространение имело воззрение, что средства производства, обращающиеся в государственном секторе, не имеют стоимости и находятся вне сферы действия закона стоимости. Считалось, что в отношении этих средств производства категории стоимости, цены, себестоимости являются лишь категориями учета, инструментом калькуляции и т. д. Но спрашивается, как можно использовать стоимость в качестве меры учета в отношении предметов, не

имеющих стоимости? Такое представление о реальной действительности является ложным и, конечно, приносит вред социалистической практике, мешает достаточно полному эффективному использованию стоимостных отношений в строительстве коммунизма. Отправляясь от этого воззрения, некоторые экономисты пришли к выводу, что во внутреннем хозяйственном обороте первого подразделения деньги якобы перестали быть всеобщим эквивалентом, утратили роль экономической категории и превратились в «расчетные знаки».

Отрицание стоимости средств производства ориентировало на ослабление хозяйственного расчета, порождало волюнтаристское отношение к категории цены и вело к произволу в такой жизненно важной сфере, как ценообразование.

Так как часть социалистического производства является товарным производством особого рода, то свойство товара — стоимость неизбежно имеет любое орудие труда и любой продукт социалистического производства, так что закон стоимости действует во всем социалистическом производстве. И задача состоит в том, чтобы изучить функции и механизм действия закона стоимости в условиях социалистической экономики с тем, чтобы использовать в коммунистическом строительстве этот экономический рычаг возможно полнее.

Ф. П. КОШЕЛЕВ

«ЧИСТЫЙ» СОЦИАЛИЗМ — НЕОБОСНОВАННАЯ АБСТРАКЦИЯ, ВЕДУЩАЯ К ЗАБЛУЖДЕНИЯМ

В основе социализма, в отличие от коммунизма, лежат две формы общественной собственности. Несостоятельность представления, будто причина товарного производства при социализме заключена только в наличии колхозного производства. В социалистическом хозяйстве все продукты являются товарами, но товарами особого рода.

В докладе т. Козодоева большое место заняла характеристика чистого, бесклассового социализма с одной — общенародной формой собственности. Он считает необходимым прежде всего охарактеризовать этот чистый, бесклассовый социализм, раскрыть содержание экономических законов при таком социализме и уже после этого рассматривать конкретный социализм, существующий в нашей стране, экономической основой которого являются две формы социалистической собственности — государственная всенародная и кооперативно-колхозная.

Тов. Козодоев решил действовать при анализе социализма так, как действовал Маркс при анализе капитализма. Но у Маркса при анализе капитализма было полное основание для применения такого метода, между тем как при анализе социализма оснований для применения подобного метода, подобного логического приема не существует. Когда Маркс анализировал закономерности развития капиталистического общества, он брал действительно чистый капитализм. Он выделял его из конкретно существующего капиталистического общества, в котором существовали (и существуют) различные уклады хозяйства, различные типы производствен-

ных отношений, различные экономические закономерности. Выделение чистого капитализма из многообразной системы производственных отношений буржуазного общества, абстрагирование от всех тех форм хозяйства, которые преобразуются капитализмом, но не составляют основы его существования, являлось обязательным методологическим приемом исследования, без которого невозможно было бы открыть экономические законы капитализма, показать исторически преходящий характер капиталистического способа производства, объективную необходимость перехода общества от капитализма к социализму.

А как действует т. Козодоев? Он пытается выделить чистый социализм с одной государственной всенародной формой собственности из нашего советского социалистического общества, экономической основой которого является не одна форма общественной собственности, а две формы общественной социалистической собственности.

Правомерно ли это? Нет, не правомерно. Попытка выделения чистого социализма из конкретно существующего социалистического общества, закономерности которого выявлены и научно обоснованы марксистско-ленинской наукой, не может привести к положительным результатам. Почему? Потому, что нельзя рассматривать общенародную собственность в нашей стране изолированно от кооперативной собственности. Две формы социалистической собственности неразрывно связаны между собой, находятся во взаимодействии друг с другом, и обе они образуют экономическую основу социалистического общества.

Выделение социализма с одной всенародной формой собственности из системы социалистического общества неизбежно ведет к противопоставлению одной формы социалистической собственности другой ее форме. Такое противопоставление двух форм единой социалистической собственности противоречит требованиям марксистско-ленинской науки. Задача экономической науки состоит не в том, чтобы противопоставлять одну форму собственности другой, а в том, чтобы раскрывать их единство, их общую экономическую основу, их общее развитие в направлении к единой всенародной форме коммунистической собственности. Если т. Козодоев счи-

тает возможным выделить из социалистического общества социализм с одной государственной всенародной формой собственности, то с тем же основанием можно было бы построить схему социализма с одной кооперативно-колхозной формой социалистической собственности. И что будет представлять собой это «абстрактное» социалистическое общество?

Надо всегда учитывать то обстоятельство, что наше социалистическое общество имеет в основе своих производственных отношений две формы социалистической собственности. И это обстоятельство лишает познавательной ценности абстрактную модель социалистического способа производства на базе одной из этих двух форм собственности.

При господстве этих двух форм собственности средства производства и продукты общественного производства принадлежат самим трудящимся, здесь отсутствует эксплуатация человека человеком, быстрыми темпами растут производительные силы общества, отсутствуют экономические кризисы и безработица, неуклонно повышается жизненный уровень народа. Построенный в Советском Союзе на базе двух форм общественной собственности социализм является типичной, классической формой социализма. Такой социализм строится во всех странах народной демократии. Выдумывать чистый социализм и изучать закономерности его развития — значит стоять в стороне от тех задач, которые решает наше общество на этапе постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Изучая конкретно существующий в нашей стране социализм, имеющий две формы единой социалистической собственности, нельзя забывать и те различия, которые существуют между всенародной и колхозно-кооперативной формами собственности, между классами социалистического общества, которые развиваются на базе двух форм социалистической собственности.

Когда мы говорим о кооперативно-колхозной собственности, то имеем в виду прежде всего ту собственность, которая связана с классом колхозного крестьянства. Это — групповая социалистическая форма собственности. Она характеризует развитие колхозного крестьянства в условиях социализма. Когда же мы говорим о государственной всенародной форме собственности, то

мы не должны забывать наличие в ней классовых признаков, ее связей с классами и прослойками социалистического общества — с классом рабочих, классом крестьян, интеллигенцией. Все классы и социальные прослойки социалистического общества имеют прямое, непосредственное отношение к государственной, всенародной форме собственности. Они являются ее совладельцами. Народ при социализме, как и всенародная форма собственности, несет в себе классовые признаки, классовые черты. Мы не можем сказать, что государственная собственность при социализме не имеет никаких классовых признаков. Такая оценка государственной собственности при социализме была бы неправильной. Дав такую оценку этой собственности, мы ликвидировали бы всякое различие между общенародной собственностью при социализме и общенародной собственностью при коммунизме, которая должна быть создана в процессе постепенного перехода от социализма к коммунизму. Построение общества с одной всенародной формой собственности будет означать переход общества от социализма к коммунизму. Единая всенародная форма собственности будет существовать только при коммунизме. В эту форму собственности перерастут две существующие формы социалистической собственности.

Позиция т. Козодоева допускает существование двух фаз в развитии социалистического общества: первой фазы, характеризуемой наличием двух форм собственности (государственной, кооперативно-колхозной), и второй фазы, характеризуемой наличием одной лишь всенародной формы собственности. Хочет ли этого т. Козодоев или не хочет, но у него получаются две фазы социализма, два социализма: один менее зрелый, другой более зрелый (так называемый «чистый» социализм).

Тов. Козодоев правильно говорит, что товарное производство в нашей стране связано с наличием двух форм собственности. Но наличие двух форм собственности не выступает в качестве единственной причины существования товарного производства и действия закона стоимости при социализме. Есть и другие очень важные причины, которые вызывают необходимость товарного производства и действия закона стоимости. Обоснование необходимости товарного производства и

действия закона стоимости при социализме требует учета всех экономических факторов, всех экономических условий, характеризующих особенности развития социалистической фазы коммунистического общества.

Тов. Козодоев усматривает причины сохранения товарного производства при социализме не во внутренних особенностях каждой формы социалистической собственности, а лишь в сфере взаимоотношений колхозной собственности с государственной. Он утверждает, что государственная собственность, даже в том виде, в каком она существует теперь в нашей стране, исключает товарное производство. Он ограничивает сферу товарного производства сферой колхозного производства.

До сих пор считалось аксиомой, что товарное производство распространяется на производство всех предметов потребления, производимых как в колхозном, так и в государственном секторах народного хозяйства. По мнению же т. Козодоева, предметы потребления, создаваемые в государственном секторе, уже не товары. Тов. Козодоев, следуя своей концепции, исключает из сферы товарного производства и те средства производства, которые поступают из государственного сектора народного хозяйства в колхозы и в другие государства в порядке продажи.

Такую позицию т. Козодоева нельзя считать правильной. Товарного производства и действия закона стоимости требует не только колхозная собственность, но и государственная всенародная собственность. Если бы государственная форма собственности не требовала товарного производства, то было бы непонятно, почему на государственных предприятиях распределение по труду осуществляется в форме денежной заработной платы. Заработная плата рабочих и служащих является одним из ярких показателей товарно-денежных отношений в государственном секторе народного хозяйства.

Товарные отношения в государственном секторе народного хозяйства получили на современном этапе большее развитие, чем в кооперативном секторе производства. Это говорит о том, что не только кооперативно-колхозная, но и государственная форма собственности требует товарного производства и действия закона стоимости, что при социализме необходимо всемерно разви-

вать и совершенствовать систему товарного производства, более рационально использовать действие закона стоимости.

Одной из главных причин, требующих товарного производства и действия закона стоимости при социализме, служит наличие в нашей стране двух форм собственности. Однако нельзя игнорировать другие экономические факторы, которые требуют товарного производства и действия закона стоимости. Но тов. Козодоев с этим положением не согласен. Он не берет в расчет другие факторы, а берет один только фактор — наличие двух форм собственности — и рассматривает его при этом односторонне.

Необходимость товарного производства и действия закона стоимости при социализме зависит не только от двух форм собственности, но и от уровня производительных сил, от разделения труда, от обособления предприятий и производителей. Все эти факторы неразрывно связаны между собой, находятся во взаимодействии, оказывают друг на друга определенное влияние. На любую форму собственности все эти факторы оказывают влияние. Они определяют, в конечном счете, ее социальную природу, закономерности ее развития. Нет такой формы собственности, которая бы развивалась в отрыве от этих факторов. В свою очередь собственность оказывает влияние на эти факторы, видоизменяя их характер, формы их проявления.

Возьмем в качестве иллюстрации такой фактор, как разделение труда. Можно ли исключить этот фактор из системы причин, вызывающих необходимость товарного производства и действия закона стоимости при социализме? Конечно, нельзя. Уместно будет в этой связи привести известное положение Ленина, гласящее: «Основой товарного хозяйства является общественное разделение труда»[1].

У нас, при социализме, существует общественное разделение труда, связанное с отделением обрабатывающей промышленности от добывающей, с увеличением числа отдельных и самостоятельных отраслей промышленности, с выделением в особые отрасли не только процессов производства отдельных продуктов, но и отдельных ча-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 15.

стей продуктов, отдельных операций по изготовлению продуктов.

Общественное разделение труда в том виде, в каком оно существует в настоящее время, требует товарного производства и действия закона стоимости. Конечно, общественное разделение труда будет существовать и при коммунизме, но будущее, коммунистическое разделение труда будет свободно от многих отрицательных сторон, свойственных ему на современном этапе. При капитализме общественное разделение труда порабощает человека. При капитализме разделение труда связано с развитием противоположности между городом и деревней, с отделением промышленного труда от сельскохозяйственного труда, умственного труда от физического, с развитием между ними антагонистических противоречий. Правда, в нашей стране ликвидирована противоположность между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Но у нас еще сохраняются существенные различия между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Все это не может не требовать товарного производства и действия закона стоимости.

Существующий уровень производительности труда при социализме таков, что он требует товарного производства и действия закона стоимости. Он не позволяет вести учет затрат труда на производство материальных благ непосредственно в рабочих часах, а позволяет вести этот учет только косвенно, при помощи стоимости.

Тов. Козодоев утверждает, что социалистическое общество может вести учет затрат труда в рабочих часах. Но он не показал, к каким результатам это может привести, и не сказал, каким образом можно обеспечить учет затрат труда в часах в подсобном хозяйстве колхозников. Конечно, все затраты труда при социализме можно учитывать в рабочих часах, но как обеспечить при таком учете эквивалентность не только в каждом отдельном случае, но и в среднем при распределении материальных благ по труду? Тов. Козодоев не дает и не может дать правильного ответа на этот весьма важный вопрос.

Проблема обособленности социалистических предприятий тоже должна учитываться при выяснении причин необходимости товарного производства при социа-

лизме. Обособленность производителей возникает не только на базе частной собственности. Она развивается и в условиях социалистического производства. И это проявляется не только в том, что при социализме существуют обособленные кооперативно-колхозные предприятия; обособленность существует и по линии государственных предприятий. Каждое государственное предприятие представляет собой обособленную от других государственных предприятий общественную единицу. С этой обособленностью приходится считаться, а не игнорировать ее. Она тоже требует товарного производства и действия закона стоимости.

Мы не можем здесь подвергнуть все эти факторы подробному анализу. Одно ясно, что все они, вместе взятые, требуют товарного производства и действия закона стоимости в обоих секторах народного хозяйства, распространения товарного производства не только на предметы потребления, но и на средства производства, и не только на те средства производства, которые продаются и покупаются, но и на те, которые распределяются внутри государственного сектора.

Продукция государственных предприятий рассматривается т. Козодоевым как продукция, лишенная товарной сущности, как продукция, которую нельзя рассматривать как товар. В качестве доказательства «истинности» своего тезиса он приводит известное положение Ленина о том, что государственный продукт — продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром.

Но это положение Ленина искусственно отрывается т. Козодоевым от многих других положений Ленина, в которых он требует развития товарно-денежных отношений между городом и деревней. И само это положение Ленина не отрицает товарного производства при социализме; оно говорит только о том, что товарное производство при социализме есть товарное производство особого рода, а не обычное товарное производство.

Раскрыть содержание товарного производства при социализме как товарного производства особого рода, раскрыть содержание товара как товара особого рода, показать их специфику — важнейшая задача советских

экономистов. Эта задача требует, чтобы мы раскрывали не то общее, что исторически связывает наше товарное производство с товарным производством предшествующих экономических эпох, а его специфические черты и особенности.

Вызывает удивление позиция т. Козодоева в отношении стоимости продуктов труда при социализме. Продукты государственных предприятий он не считает товарами, но вместе с тем заявляет, что они имеют стоимость. Тов. Козодоев «открыл» удивительный закон стоимости, который действует без товаров, распространяет свое действие просто на продукты труда. Он ограничил сферу товарного производства сферой колхозного производства, а действие закона стоимости расширил путем распространения стоимости и на те продукты труда, которые, по его мнению, не превращаются в товары.

М. В. КОЛГАНОВ

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ТРУДУ СОЗДАЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ ЭКВИВАЛЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ

Вопрос о необходимости товарных отношений при социализме имеет огромное значение — не только теоретическое, но и политическое. В основе распределения по труду лежит приравнивание труда, овеществленного в одном продукте, к труду, овеществленному в другом продукте. Измерение различных видов труда в единицах времени принципиально невозможно.

Некоторые товарищи полагают, что вопрос о причинах существования товарных отношений при социализме нужно снять с повестки дня научных дискуссий. Это соображение мотивируется тем, что говорилось на эту тему слишком много, объяснений удовлетворительных не дали, а потому и не стоит продолжать эти разговоры, а необходимо ограничиться изучением конкретных проблем, связанных с использованием закона стоимости в практике нашего социалистического хозяйства.

Такое мнение высказывалось А. И. Пашковым на дискуссии по вопросу о ценообразовании в Институте экономики АН СССР, состоявшейся в 1957 г. Мы полагаем, что это мнение А. И. Пашкова неправильно.

Классики марксизма в своих работах говорили о том, что при социализме товарных отношений не будет.

Имеем ли мы право уклоняться от ответа на вопрос, который естественно возникает у массового читателя произведений классиков марксизма, на вопрос о том, почему классики говорили, что товарных отношений при социализме не будет, а на самом деле эти товарные отношения сохраняются? Не вправе мы, коммунисты, марксисты, научные работники, пройти мимо вопроса о необходимости товарных отношений. Если мы не дадим удовлет-

ворительного решения этого вопроса, то его дадут другие, его постараются дать наши враги, и, конечно, не нам на пользу будет этот ответ.

Есть еще одна причина, побуждающая нас заниматься этим вопросом. В капиталистических условиях у народных масс, естественно, формируется ненависть к товарным отношениям и особенно к деньгам. В народном сознании деньги искони выступают как воплощение всех зол и язв капитализма. Вечный недостаток денег закрывает народным массам доступ к материальным и духовным благам. И четкое, научно правильное разъяснение причин сохранения товарно-денежных отношений в социалистической экономике, их новой роли и нового социального назначения является поэтому непременным и важным моментом коммунистического просвещения трудящихся масс капиталистических стран и стран социализма.

Тов. Козодоев выдвинул в докладе совершенно правильное и всеми разделяемое положение, что если мы ставим вопрос о необходимости существования формы стоимости, то мы в первую очередь должны объяснить, почему в условиях социализма продукт принимает форму товара. Это бесспорно. Но, как здесь правильно отметил т. Кошелев, т. Козодоев явно не сводит концы с концами: в других местах своего доклада он решительно отказывается от этого правильного положения. Он утверждает, что в государственном секторе существует стоимость, но не существует товара. Получается, следовательно, что стоимость может существовать и без товара. Допустим на минуту, что это так. Тогда зачем же убеждал нас тот же докладчик, что для объяснения причин существования в нашей экономике стоимости требуется вначале объяснить существование товара? Здесь явное противоречие, очевидная неувязка.

Как объясняет т. Козодоев необходимость существования товарных отношений в условиях социалистического хозяйства? Он утверждает, что в этой области нужно исходить из формы собственности. Сейчас многие выдвигают этот тезис. Но в формулировке т. Козодоева все дело сводится к повторению старого положения, высказанного И. В. Сталиным, а до него — многими экономистами: причиной существования товарных отношений является существование двух форм собственности.

Правильно ли это положение? Конечно, оно правильно. В каком смысле? В том смысле, что если существуют две формы собственности, то товарные отношения не могут не существовать.

Но в чем недостаток этого положения? В том, что оно не дает полного ответа на вопрос о необходимости существования товарных отношений после социалистической революции.

Необходимость товарного обмена в переходный период от капитализма к социализму, когда рядом с государственным социалистическим хозяйством продолжают существовать мелкотоварное и капиталистическое производство, не нуждается в объяснении.

Понятна и необходимость обмена как формы связи между двумя формами социалистической собственности и на стадии социализма. Но при социализме товарные отношения продолжают оставаться, как мы знаем, необходимой формой связи не только между государственными и колхозно-кооперативными предприятиями, но и между государственными предприятиями и населением при распределении средств потребления, они используются также как инструмент в организации управления социалистическими предприятиями на основе хозяйственного расчета. Это указывает на то, что социалистическая организация производства и распределения продуктов даже в своей наиболее высокоразвитой и последовательной форме не может обходиться без товарных отношений.

Чем же вызывается необходимость товарных отношений для государственно-социалистического хозяйства? Они обусловлены самой природой организации социалистического производства на основе общественной собственности на средства производства и организации распределения в соответствии с принципом «каждому по его труду»; они обусловлены характером труда на стадии социализма, не ставшего еще первой жизненной потребностью и потому предполагающего наличие материальных стимулов; они обусловлены общественным разделением труда и, в конечном счете, уровнем развития производительных сил общества.

Чем же вызывается стоимостная форма оплаты труда в эпоху социализма? Она вызывается, во-первых, тем, что работник государственно-социалистического пред-

приятия не присваивает созданный им продукт (или часть его) для удовлетворения своих потребностей, а производит продукт непосредственно для общества и взамен этого присваивает другой общественный продукт. Между работниками социалистического общества сохраняется общественное разделение труда и своеобразная форма обмена продуктами, о которой будет сказано дальше.

Она вызывается, во-вторых, тем, что принцип социалистического распределения по труду предполагает учет труда и установление соответствия между затраченным трудом и количеством продуктов, получаемых каждым отдельным работником за свой труд.

Если бы труд каждого отдельного работника учитывался индивидуально в часах (как это предполагали социалисты в прошлом веке) и работник получал бы свою долю в общественном фонде потребления всего лишь по количеству отработанных им часов или дней, то никакой закон стоимости в социалистическом обществе не действовал бы. В этом смысле они были безусловно правы. Но они исходили из того, что труд должен учитываться в часах и оплачиваться только в зависимости от своей продолжительности. Различие профессии, тяжести, условий труда, квалификации не должно было, по их мнению, учитываться.

На практике же такой способ учета труда и распределения продуктов неизбежно приводит к уравниловке, а последняя к «текучке», к падению производственной дисциплины и снижению производительности труда. Метод оплаты труда в зависимости от количества проработанных часов не может оправдать себя не только в отношении работников различных профессий и разной квалификации, но и как метод учета и оплаты труда работников одной и той же профессии и квалификации.

Например, если два работника одной и той же специальности, одной и той же квалификации проработали бы одно и то же количество рабочего времени, то при учете труда в часах они должны были бы получить за равное количество отработанного рабочего времени одинаковое количество продуктов. Между тем оказалось бы, что производительность труда обоих работников различна. Чтобы не нарушить принцип распределения по коли-

честву и качеству труда, пришлось бы сделать поправку на разницу в производительности труда.

Но внося такого рода поправку, мы в сущности стали бы уже сравнивать не живой труд обоих работников, учтенный в часах, с трудом, овеществленным в продуктах, которые они получают за свой труд, а труд, овеществленный в созданных ими продуктах, с трудом, овеществленным в продуктах, которые они получают за свой труд, т. е. устанавливали бы равенство между продуктами различных работ. И мы это действительно делаем при существующих в нашем социалистическом обществе формах оплаты труда, используя в качестве инструмента деньги и торговлю.

К этому надо добавить то крайне важное обстоятельство, что, как оказалось на практике, измерить различные виды труда в часах — дело невозможное. Условием всякого измерения является тождество между единицей и объектом измерения. Мерой пространства может быть только пространство, мерой тяжести — только тяжесть, мерой времени — только время; точно так же и мерой труда может быть только труд. Время не может быть мерилом различных видов труда, оно может лишь быть мерилом продолжительности какого-нибудь одного, качественно однородного вида труда.

Например, два часа труда кузнеца представляют в два раза больше труда, чем один час. То же самое можно сказать и об измерении одинакового общественного труда.

Маркс писал: «Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем...» [1]. Но о каком труде идет в данном случае речь? О труде, «который образует субстанцию стоимостей...» (там же), т. е. об одинаковом, абстрактном труде. Час абстрактного труда, а не час как единица времени является масштабом общественного труда. Можно было бы измерять временем и труд всех членов общества, если бы не было различия между трудом простым и сложным и все виды труда выступали бы как различные виды простого труда. Но этой предпосылки, из которой исходили когда-то социалисты, в реальном социалистическом обществе не существует.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, 1955, стр. 45.

Учет труда кардинально отличается от измерения пространства. Он представляет не технический, а общественный процесс. Измерить труд можно потому, что все виды труда, несмотря на все их особые качества и различия, имеют то общее, что они являются затратами одной и той же человеческой энергии. Но процесс измерения труда связан с общественным признанием данного труда, с признанием того, что он является полезным не только для того, кто им занимается, но и для всего общества; обществу же надлежит установить и его количественную величину. Следовательно, труд может быть измерен лишь в результате всесторонних общественных отношений людей.

Труд одного вида может быть соизмерен с трудом другого вида не иначе, как путем сопоставления результатов одного вида труда с результатами другого вида труда или приравнивания различных видов труда к продукту одного какого-либо труда, но приравнивания не путем их физического сопоставления, а обмена.

Измерение и учет труда осуществляются в товарном обществе не посредством приравнивания живого труда, а путем приравнивания продуктов труда различных производителей в обмене. При таком измерении и учете труда последний выступает с неизбежностью как вещественное качество продукта, как его стоимость. Социалисты в прошлом связывали существование обмена с частной собственностью. Теперь мы знаем, что социалистическая собственность также не исключает обмена. Последний вовсе не заключается только в обмене одного товара на другой товар или в купле и продаже товара за деньги. Уже при капитализме обмен имеет более сложные формы. Что же касается социалистического общества, то здесь формы обмена совсем не похожи на его элементарные формы в простом товарном хозяйстве. В основе социалистического принципа распределения по труду лежит тот же принцип, что и при обмене одного товара на другой, на что, как известно, еще указывал Маркс.

В самом деле, разве не методами обмена пользуемся мы при учете и оплате труда в государственных предприятиях? Фактически мы оплачиваем не время, проработанное тем или другим работником, а результаты его труда, продукт его труда, и, если отвлечься от опосред-

ствующей роли денег, производим эту оплату продуктом общественного труда, т. е. мы устанавливаем равенство между продуктом, произведенным данным рабочим (минус вычеты в общественные фонды), и общественным продуктом, который он получает за свою работу, а не между временем, которое он проработал, и продуктом, который он получил за свою работу. Живой труд вообще несопоставим с продуктом какого-либо другого труда.

При таком методе учета общественного труда, который одновременно представляет собой и метод распределения общественного продукта, труд, овеществленный в продукте, с необходимостью выступает как его стоимость.

В чем преимущества этого метода учета труда и распределения продукта? В том, что здесь улавливается качество труда, его производительность. И этим создается стимул к повышению производительности труда.

Одним из наиболее ярких примеров сознательного использования закона стоимости в условиях социализма является сдельная оплата труда рабочих на предприятиях. При сдельной оплате мы учитываем не количество затраченной тем или иным работником энергии, не живой труд, а результаты труда, количество произведенных продуктов. Но это означает, что не его живым индивидуальным трудом, а овеществленным в созданных им продуктах трудом определяется его доля в общественном фонде предметов потребления. Мы имеем здесь явную форму приравнивания труда, овеществленного в одних продуктах, к труду, овеществленному в других продуктах. Учитывать результаты труда — это и означает осуществлять распределение не по живому, а по овеществленному труду.

Измерение труда может осуществляться и путем приравнивания различных видов живого труда к одному какому-либо виду живого труда. Именно такой способ измерения труда применяется у нас при исчислении трудодней в колхозах за работу членам артели. При таком измерении труда нет обмена продуктов, нет приравнивания одного продукта труда к другому. Но такой метод измерения труда является менее совершенным, и мы вынуждены постоянно вносить в него коррективы, устанавливать дополнительную оплату труда за перевыполне-

ние плана по урожайности и продуктивности, т. е. за высокую производительность труда. Всякие поправки, вносимые в систему начисления трудодней с целью учесть различия в производительности труда, направлены объективно к тому, чтобы приравнивать не живой труд к живому труду, а одни продукты к другим.

Работники государственных предприятий не присваивают продуктов своего труда и потому не вступают друг с другом непосредственно в обмен продуктами своего труда. Но распределение по труду, поскольку в его основе лежит приравнивание труда, овеществленного в одном продукте, к труду, овеществленному в другом продукте, делает необходимым наличие эквивалентных отношений между государственными предприятиями. Именно потому, что сами работники не могут обменивать продукты своего труда, обмен осуществляется как обмен между предприятиями, хотя такой обмен, казалось бы, не должен был бы иметь место, поскольку все предприятия принадлежат одному собственнику.

Мы сталкиваемся в данном случае опять-таки с совершенно новым и своеобразным явлением. Все предприятия принадлежат одному собственнику, и тем не менее каждое из них может передавать свой продукт другому лишь в порядке купли-продажи.

Эквивалентные отношения между государственными предприятиями отличаются по своей природе от товарных отношений между частными собственниками. В отличие от последних это — хозрасчетные отношения. Хозрасчет есть не что иное, как использование товарных отношений для организации управления предприятиями, принадлежащими одному собственнику — социалистическому государству.

Связь между денежной оплатой труда рабочего на социалистическом предприятии и хозрасчетными отношениями между предприятиями — полная. Достаточно перейти от денежной оплаты труда рабочего к распределению продуктов в натуре, чтобы сделать излишней всю систему хозрасчетных отношений между государственными предприятиями.

Использование в социалистическом хозяйстве закона стоимости связано, таким образом, с осуществлением социалистического принципа распределения по труду. Одно неразрывно связано с другим. Там, где труд яв-

ляется источником существования, там труд не может не регулировать обмен между обществом и природой, а также обмен благ между людьми в процессе общественного распределения продуктов.

Использование закона стоимости при социализме является важным рычагом в повышении производительности общественного труда, ибо это использование в конечном счете означает не что иное, как такую организацию общественного труда, которая более всего отвечает интересам каждого отдельного работника и общества в целом.

Н. В. ХЕССИН

СЛЕДУЕТ ГОВОРИТЬ НЕ О НЕОБХОДИМОСТИ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ, А О НЕОБХОДИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ФОРМ

К вопросу о правильном толковании ленинского тезиса о подрыве товарного производства при империализме. Неправильность терминов «социалистическое товарное производство», «социалистический товар». Процесс превращения товара в нетовар типичен для всех продуктов социалистического производства, но степень развития этого процесса различна. Планирование цен в соответствии с затратами общественного труда выражает требование социалистического закона планомерного развития.

Практика коммунистического строительства убедительно показывает, что развитие социалистической экономики с объективной необходимостью требует активного использования товарно-денежных форм. Поэтому научный анализ природы товарно-денежных форм при социализме имеет большое практическое значение.

Такие важные народнохозяйственные проблемы, как проблема цен, себестоимости, рентабельности, прибыли, материального стимулирования и т. д., могут быть правильно решены лишь на основе выяснения природы товарно-денежных форм и их роли в развитии социалистического способа производства.

Если раньше многие экономисты считали, что сфера товарно-денежных отношений ограничивается у нас по существу сферой производства и обмена предметов потребления, то в настоящее время подавляющее большинство экономистов справедливо исходит из того, что товарно-денежные отношения распространяются при социализме не на какую-то одну из сфер производства, а на все народное хозяйство страны в целом.

В ходе обсуждений и дискуссий выявилось наличие различных подходов к вопросу о природе товарно-денежных отношений при социализме.

В сборнике «Закон стоимости в социалистическом обществе», подготовленном коллективом преподавателей политической экономии г. Ярославля, выдвигается тезис о том, что В. И. Ленин теоретически обосновал необходимость товарного производства не только для переходного периода, но и для социализма. В. И. Ленин доказал объективную необходимость товарного производства, его международное значение как в переходный период от капитализма к социализму, так и при социализме.

Приписывание Ленину особого учения о товарном производстве при социализме является, на наш взгляд, необоснованным. Ленин действительно дал гениальную постановку и решение вопроса об использовании товарно-денежных отношений в переходный период. Это учение В. И. Ленина, безусловно, имеет огромное международное значение. Если авторы хотят сказать, что ряд положений, развитых Лениным в отношении переходного периода, сохраняет свою силу и для социализма, с ними можно и нужно было бы согласиться. Но нельзя говорить о том, что Ленин разработал «учение о товарном производстве при социализме».

О природе товарного производства и его развитии в различных общественно-экономических условиях Ленин писал неоднократно. Особый интерес представляет для нас данная им оценка товарного производства в эпоху капитализма, при империализме, в переходный период и при социализме. Из высказываний Ленина следует, что он считал классической формой товарного производства то товарное производство, которое имеет место при капитализме с его свободной конкуренцией. Предшествовавшие капитализму виды товарного производства он рассматривал как низшие, неразвитые формы, неразрывно связанные с системой натурального хозяйства. При этих формах внутренние законы товарного производства еще не получают своего полного и всестороннего развития. Лишь капитализм свободной конкуренции представляет собой ту систему, при которой товарное производство функционирует в наиболее полной, развитой форме, со всеми внутренне присущими ему закономерностями.

Высшая стадия капитализма — империализм, характеризующаяся сменой свободной конкуренции монополией, не означает шага вперед в развитии товарного производства. Наоборот, монополистическая стадия капитализма порождает ряд таких условий, которые приводят к подрыву товарного производства. В товары превращаются и здесь не только продукты труда, но и рабочая сила, причем в возрастающих масштабах. Тем не менее Ленин писал: «...развитие капитализма дошло до того, что, хотя товарное производство попрежнему «царит» и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано...» [1].

Этому высказыванию Ленина часто не придают должного значения. Между тем оно не является случайной обмолвкой, а представляет собой обобщающий вывод из ленинского анализа экономической сущности империализма.

Ленин связывает свой тезис о подрыве товарного производства при империализме с тезисом о смене свободной конкуренции монополией. Товарное производство в своей **классической** форме обязательно предполагает господство свободной конкуренции. Только свободная конкуренция обеспечивает действие **всех** внутренних законов товарного производства и прежде всего закона стоимости как закона движения этой формы производства. И Маркс также прямо писал об этом: «...закон стоимости,— читаем мы в «К критике политической экономии»,— для своего полного развития предполагает общество с крупным промышленным производством и свободной конкуренцией...» [2].

Товарное производство обязательно предполагает конкуренцию как форму своего движения, и лишенное этой формы оно не может нормально развиваться. Вот почему смена свободной конкуренции монополией и означает подрыв товарного производства. Это еще не ликвидация товарного производства,— ибо и при империализме сохраняется частная собственность и конкуренция в новых формах. Но это именно подрыв его.

Монополизация средств производства, рабочей силы, источников сырья, средств обращения и транспорта,

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 195.

[2] К. Маркс, К критике политической экономии, 1949, стр. 50.

внутреннего и внешнего рынков и т. д. в руках крупнейших монополистических союзов затрудняет свободный перелив капиталов, свободную игру цен на рынке. Обмен товарами осуществляется на базе монопольных цен. Разумеется, это не означает, что закон стоимости перестает совсем действовать. Но действие закона стоимости значительно видоизменяется, он наталкивается на препятствия и определенные ограничения. Во всяком случае, характеризуя закон стоимости при империализме, нельзя трактовать его точно так же, как в эпоху капитализма свободной конкуренции.

Тезис Ленина о подрыве товарного производства при империализме имеет серьезное методологическое значение. Ленин учит нас за сходством внешних форм видеть существенные различия. Он учит нас за внешней формой искать более глубокое внутреннее содержание.

Эти методологические принципы Ленин применял и при характеристике товарно-денежных отношений в переходный период от капитализма к социализму.

Принципиальная позиция Ленина по вопросу о судьбах товарного производства в переходный период и при социализме выражена в его замечаниях на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода». Переходный период от капитализма к социализму Ленин характеризует как период борьбы между планомерно развивающимся социалистическим сектором и стихийно, анархично развивающимся товарно-капиталистическим сектором. Одну из существенных черт переходного периода он видит в процессе превращения товарного производства в нетоварное.

Исключительно важное значение имеет общеизвестное утверждение Ленина, содержащееся в «Наказе» от СТО, о том, что государственный продукт — продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром. Это положение было выдвинуто в 1921 г. после того, как уже было принято решение о переходе к новой экономической политике. Оно непосредственно перекликается с идеями Ленина, что в переходный период будет происходить превращение товарного производства в нетоварное.

Этот знаменитый ленинский тезис говорит нам о необходимости отличать политико-экономическое, научное понимание товара от его обыденного, житейского понимания, о необходимости различать сущность товара и его внешнюю форму.

К сожалению, эти важные ленинские методологические указания слабо используются в нашей литературе. Более того, получают распространение точки зрения, которые исходят не из научного, а из поверхностного понимания товара.

Одним из распространенных способов доказательства товарной природы продукта социалистического производства является следующее рассуждение: практика и факты показывают, что при социализме большинство продуктов труда имеют цены. Но если продукт труда имеет цену, значит он имеет и стоимость, ибо цена есть не что иное, как денежное выражение стоимости. А если это так, то, следовательно, продукт труда является товаром, ибо товар есть единство потребительной стоимости и стоимости.

Внешне это рассуждение выглядит очень убедительно. Здесь как будто имеется и связь теории с практикой, и марксистское понимание товара. Но при ближайшем рассмотрении подобное доказательство оказывается недостаточным.

Справедливо то, что большинство продуктов социалистического производства имеет форму цены, что общественный продукт при социализме имеет натуральную и ценностную форму. Больше того: политика цен играет огромную роль в развитии социалистического способа производства, в цене выражаются классовые отношения социалистического общества.

Но на том основании, что та или иная вещь имеет цену, можно ли в любом случае сделать вывод, что она имеет стоимость? Безоговорочный утвердительный ответ на этот вопрос равнозначен отождествлению цены со стоимостью.

Исторически деньги и форма цены действительно возникают как результат развития внутренних противоречий товара, как форма выражения стоимости. Поэтому Маркс и говорит, что цена есть стоимость, выраженная в деньгах. Но он не останавливается на этом. Он подвергает форму цены дальнейшему исследованию.

В результате этого анализа оказывается, что форма цены приобретает относительную самостоятельность. Эта самостоятельность имеет количественную и качественную характеристику. Количественно она выражается в том, что цена может отклоняться и даже обязательно отклоняется от стоимости. Качественно она выражается в том, что форму цены могут приобретать вещи, которые стоимости не имеют. Иначе говоря, форма цены не всегда и не во всех случаях есть денежное выражение стоимости. Уже при капитализме это явление имеет место.

«Но форма цены, — писал по этому поводу Маркс,— не только допускает возможность количественного несовпадения между величиною стоимости и ценой, т. е. между величиной стоимости и ее собственным денежным выражением, — она может скрывать в себе качественное противоречие, вследствие чего цена вообще перестает быть выражением стоимости, хотя деньги представляют собою лишь форму стоимости товаров. Вещи, которые сами по себе не являются товарами, напр. совесть, честь и т. д., могут стать для своих владельцев предметом продажи и, таким образом, благодаря своей цене приобрести товарную форму. Следовательно, вещь формально может иметь цену, не имея стоимости» [1].

Стало быть, форма цены может и не быть выражением стоимости; вещь, получившая цену, приобретает тем самым форму товара, но она еще не становится от этого товаром по своему содержанию.

Вот почему логический переход от цены сразу к стоимости неправомерен. Чтобы доказать, что продукты социалистического производства являются товарами, недостаточно сослаться на наличие цены. Дополнительная ссылка на то, что продукты социалистического производства являются товарами потому, что они продаются и покупаются, тоже недостаточна, ибо форма купли-продажи применима как к товарам, так и к нетоварам. Это тоже внешняя форма товара, а не его внутренняя сущность. Не решает дела и ссылка на акт смены собственников. Смена собственников, переход продукта из одних рук в другие — это тоже чисто внешнее, юридическое выражение товарного отношения, не раскры-

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, 1955, стр. 109.

вающее его политико-экономической сущности. Переход продукта из рук одного собственника в руки другого собственника имел место во всех общественно-экономических формациях. Но сам по себе этот переход не делает продукты труда товарами. Даже в том случае, когда переход продукта труда от одного собственника к другому совершается при посредстве денег в форме купли-продажи, мы не имеем достаточных оснований для заключений о товарной природе продукта труда. В данном случае мы можем сказать лишь то, что имеет место **форма** товарного отношения, но ничего определенного о существе этого отношения сказать не можем.

Следовательно, сама по себе констатация факта, что продукты социалистического производства имеют цену, продаются и покупаются и что при этом имеет место смена собственников, еще недостаточна для обоснования утверждения, что они по своей политико-экономической сущности являются товарами.

В товаре выражена совершенно определенная система производственных отношений. Коренная черта этой системы — частное производство на базе общественного разделения труда. Там, где существует эта коренная предпосылка, там неизбежно превращение продуктов труда в товары.

Частное производство на базе общественного разделения труда неизбежно требует производства и обмена товаров, как единственно возможной формы связи. Труд здесь носит скрыто-общественный характер, и, чтобы доказать свою общественную значимость, он должен быть овеществлен в товаре. Только через обмен товаров обнаруживается общественная природа труда, затраченного частным производителем на производство того или иного вида товаров.

Из самой структуры производства, характеризующейся частным производством на базе общественного разделения труда, неизбежно вытекают следующие отличительные черты: конкуренция и анархия, стихийность развития, свободный перелив труда и средств производства из одной отрасли в другую, свободная игра цен на рынке. Все эти черты содержатся уже в самом понятии частного производства на базе общественного разделения труда.

Они не являются чем-то внешним по отношению к этой коренной особенности. Они представляют собой лишь ее конкретизацию. Частное производство на базе общественного разделения труда немыслимо без этих черт. Они могут быть слабо или сильно развиты, находиться в зародышевом или развитом состоянии, но в любом случае, раз существует частное производство на базе общественного разделения труда, оно неизбежно требует для своего нормального функционирования всех этих условий.

Неотъемлемой чертой товарного производства является овеществление производственных отношений и вытекающее отсюда господство вещей над людьми. Движение товаров на рынке, осуществляемое на базе закона стоимости, обусловливает и соответствующее распределение труда и средств производства по различным отраслям. Товары, поскольку они выступают как стоимости, управляют движением людей, определяют их судьбы, уровень жизни, характер деятельности и т. д.

Если мы имеем систему производства, при которой продукт труда не властвует над людьми и люди сами контролируют и регулируют движение вещей, то эта система производства уже не может быть, очевидно, охарактеризована как система товарного производства.

Социалистическая система производства и является такой системой. Социалистическая общественная собственность, планомерность развития и вытекающий отсюда непосредственно общественный характер труда дают нам совершенно новый тип общественной организации производства.

И с этой точки зрения неправильными в политико-экономическом смысле являются встречающиеся в литературе определения «социалистическое товарное производство», «социалистический товар», «социалистический закон стоимости». В таких определениях объединены совершенно противоположные и исключающие друг друга понятия.

Следовательно, правильная теоретическая постановка вопроса на наш взгляд должна заключаться в том, чтобы показать процесс превращения товарного производства в нетоварное и соответственно объяснить, как, почему, в силу каких причин социалистический способ производства активно использует и будет использовать

вплоть до полной победы коммунизма товарно-денежные формы. Иначе говоря, мы должны ставить вопрос не о необходимости товарного производства, а о необходимости использования товарно-денежных форм в практике коммунистического строительства.

Диалектический процесс превращения товара в нетовар начинается не с изменения внешней формы товара, а с изменения его коренного содержания. Внешняя форма может сохраняться и тогда, когда в содержании уже произошли существенные изменения, она может обслуживать это изменившееся содержание.

Процесс развития и расширения сферы использования товарно-денежных форм в практике коммунистического строительства происходит одновременно с завершением процесса превращения товарного производства в нетоварное.

Процесс превращения товара в нетовар типичен для всех продуктов социалистического производства, производимых государственным и кооперативно-колхозным секторами. Степень завершенности этого процесса различна в различных секторах и для различных видов продуктов.

При производстве средств производства государство в состоянии довольно точно учесть объем потребностей в них, существующий в различных отраслях и предприятиях. Основная и решающая часть предметов потребления тоже производится в соответствии с плановым учетом потребностей общества. Однако плановый учет всех потребностей общества в тех или иных видах предметов потребления не может быть таким же точным, как при учете потребностей общества в средствах производства. Практически учесть все разнообразие вкусов и потребностей советских людей на данном этапе невозможно. Какая-то часть произведенных предметов потребления может не найти должного спроса, и получится избыток товаров. Другая часть, наоборот, может быть произведена в недостаточном количестве, и это вызовет усиление спроса, возможность возникновения спекулятивных тенденций и т. д. При производстве предметов потребления общественный труд неизбежно будет содержать в себе элемент скрыто-общественного труда. Для того чтобы доказать свою общественную значимость, предметы потребления должны обязательно пройти рыночную проверку. Через

советскую торговлю обнаруживается, какой вид продуктов произведен в данный период в соответствии с потребностями и какой — без учета этих потребностей. Таким образом, в сфере производства предметов потребления труд в основном носит непосредственно общественный характер, но здесь неизбежны и элементы скрыто-общественного труда. Движение продуктов труда в сфере торговли оказывает определенное влияние на структуру II подразделения общественного производства. Продукт труда в какой-то мере регулирует здесь движение производства, и с этой точки зрения обладает какими-то элементами товарной природы.

Еще сильнее элементы товарной природы выражены в определенной части продукции колхозного производства. Речь идет не о той части, которая в плановом порядке поступает государству (труд, затраченный на производство этой части, с самого начала выступает как непосредственно общественный труд, а результат этого труда по своей природе уже не есть товар, хотя может иметь товарную форму), а о той части, которая реализуется колхозами и колхозниками на неорганизованном рынке. Общественная значимость этой части продуктов должна быть подтверждена рынком. Только на рынке можно точно узнать, нужен ли этот вид продуктов обществу или нет. Общественная природа труда, затраченного на производство данных продуктов, может обнаружиться только на рынке. Следовательно, труд выступает в данном случае как скрыто-общественный труд.

На неорганизованном рынке имеют место колебания цен, элементы конкуренции, стихийности, господства продукта над людьми. Эти элементы слабо развиты и не могут по-настоящему развиться в условиях господства социалистической общественной собственности, но они имеют место. В реальной действительности мы можем встретить такие факты, когда отдельные колхозники под влиянием складывающихся на рынке цен на их продукты несколько изменяют характер и специализацию своих личных подсобных хозяйств. Иногда и целые колхозы могут под влиянием рынка изменить специализацию производства, ориентируясь на рыночные условия. Здесь, следовательно, сильнее, чем в какой-либо другой сфере социалистической экономики, выражено влияние вещей на людей, а следовательно, и товарная природа продук-

та труда. В элементарной, зачаточной, неразвитой форме мы имеем здесь все наиболее характерные признаки товара. И тем не менее экономическое благосостояние колхозов и колхозников, характер и направление их производственной деятельности зависят в целом не от поведения их продуктов на рынке, а от планомерной организации производства и распределения. Специализация колхозного производства планируется прежде всего не на основе требований рынка, а на основе учета общегосударственных интересов. Движение цен на колхозном рынке находится в целом под регулирующим воздействием государственного сектора и плановых цен.

Таким образом, ни в одной из сфер социалистической экономики мы не встретим товара в точном политико-экономическом значении этого слова. Ближе всего к этому понятию подходят продукты колхозного производства и приусадебных участков колхозников, реализуемые на неорганизованном рынке, а также, в известной мере, предметы потребления, производимые в государственном секторе.

Сказанное выше не отрицает, однако, объективной необходимости и принципиальной важности использования товарно-денежных форм вплоть до полной победы коммунизма. Использование товарно-денежных форм является характерным моментом для данного этапа развития социалистического способа производства **во всем народном хозяйстве,** а не в каких-то отдельных секторах.

Весьма распространенная в настоящее время точка зрения, что существование товарного производства вытекает из наличия двух форм собственности и что наличие товарного обмена между этими двумя формами собственности является причиной распространения товарных отношений на все народное хозяйство, не дает нам всей истины. В ней игнорируется тот бесспорный факт, что если бы на данном этапе существовала лишь одна форма собственности, то и в этом случае использование товарно-денежных форм во всем народном хозяйстве являлось бы объективной необходимостью. Причина существования товарных отношений заключена не в наличии двух форм собственности, а в том, что использование товарно-денежных форм является на данном этапе объективной необходимостью не для каких-то отдельных секторов, а для всего народного хозяйства в целом. Не

потому используются товарно-денежные формы, что они необходимы для связи государственного сектора с колхозным, а, наоборот, связь между государственным и колхозным секторами принимает товарную форму потому, что последняя объективно необходима во всем народном хозяйстве.

В происходящих дискуссиях и обсуждениях значительное внимание уделяется проблеме использования закона стоимости при социализме. В ходе дискуссий среди известной части экономистов обнаружилась тенденция к идеализации закона стоимости, приукрашиванию его достоинств. В самой общей форме эта идеализация выражается в утверждениях, что основные недостатки в развитии нашей экономики вызываются нарушением требований закона стоимости. Идеализация закона стоимости выражается также в предложениях планировать цены в точном соответствии со стоимостью.

Другая группа экономистов, чувствуя, что отождествление требований закона стоимости с требованиями законов социализма неправомерно и необоснованно, становится на несколько иной путь: старается доказать, что существуют два закона стоимости — один капиталистический, другой — социалистический.

Некоторые из этих экономистов прямо говорят о «социалистическом законе стоимости», другие поступают более осторожно, заявляя, что при социализме закон стоимости действует не так, как он действует при капитализме. При более конкретной расшифровке этой формулы оказывается, что если при капитализме закон стоимости является регулятором производства, то при социализме он таковым не является; если при капитализме он ведет к разорению одних и обогащению других, то при социализме он к этому не приводит; если при капитализме закон стоимости предполагает анархию и диспропорциональности, то при социализме он этого не предполагает, и т. д. Иначе говоря, раскрывая специфику действия закона стоимости при социализме, защитники указанной формулы по существу лишают этот закон самых коренных и существенных его функций. Получается какой-то подкрашенный, преобразованный, очищенный от всех дурных сторон закон стоимости. При этом делаются ссылки на то, что закон стоимости действует при различных формациях и что его

действие модифицируется господствующей в данной формации системой производственных отношений. В общей форме это совершенно правильное положение. Но, когда при конкретной характеристике закона стоимости при социализме «модификация» его действия доводится до того, что он не выполняет ни одной из своих существенных функций, тогда правомерно спросить, что же осталось от этого закона после всех модификаций? Не скрывается ли за термином «модификация закона стоимости» констатация того факта, что он вообще не действует или что вместо него действует какой-то новый закон, никак не умещающийся в рамки определений закона стоимости и являющийся по своему существу чисто социалистическим законом? И действительно, если мы присмотримся внимательно к тому, что понимается в настоящее время под законом стоимости и его использованием при социализме, то увидим, что речь идет о совершенно новых процессах, присущих только социалистическому способу производства.

Кое-кто понимает под стоимостью затраты труда. Вносятся предложения «подсчитать стоимость» при помощи электронных машин. Такое натуралистическое понимание стоимости, выхолащивающее из нее социально-экономическое содержание, прямо противоречит теории стоимости Маркса. Игнорируются ясные высказывания Маркса о том, что стоимость это не труд, а определенное общественное отношение, определенный общественный способ выражения затрат труда на производство товаров. Природа стоимости такова, что она не может быть планово подсчитана, что она сама себя подсчитывает.

Во всех общественно-экономических формациях на производство тех или иных продуктов затрачивался труд. Но это отнюдь не значит, что эти продукты труда имели стоимость.

Когда наши экономисты говорят о необходимости планировать цены в соответствии со стоимостью, то речь идет у них фактически о том, чтобы цены планировались в соответствии с затратами общественного труда. Но планирование цен в соответствии с затратами общественного труда — это уже нечто иное по сравнению с законом стоимости, это уже нечто такое, что присуще только социалистическому способу производства и невозможно в капиталистических странах. Здесь в сущности

идет речь об использовании закона планомерного пропорционального развития, одной из коренных функций которого является учет, измерение и распределение общественного труда. За призывом об использовании закона стоимости скрывается в данном случае призыв использовать специфически-социалистические законы развития общественного производства. Социалистическое государство действительно имеет возможность учесть затраты общественного труда на производство того или иного продукта и установить цену в соответствии с этими затратами. Но это уже будет не установление цен в соответствии с требованиями закона стоимости, а принципиально новая система цен, соответствующая законам развития социализма. Правильный учет затрат общественного труда действительно позволит установить такие цены, которые будут удовлетворять требованиям всех законов социализма и создадут наиболее благоприятные условия для развития всего народного хозяйства.

Фактически и в настоящее время политика цен базируется на учете требований всех законов социализма. Она будет совершенствоваться и в дальнейшем. Но единственно научной основой цен при социализме является учет затрат общественного труда на производство продуктов. Разумеется, в интересах развития народного хозяйства цены на отдельные виды продуктов могут быть выше или ниже действительных затрат общественного труда, но это не является выражением типичного для товарного производства отклонения цен от стоимости. Здесь имеет место уже принципиально иная основа для этих отклонений, вызываемая интересами планомерного развития всего социалистического производства. Отклонение цен от стоимости, имеющее место в товарном хозяйстве, является выражением анархии и диспропорциональности развития, в то время как то или иное отклонение цен от затрат общественного труда при социализме является одной из форм планомерного распределения труда по различным производственным сферам, орудием планового воздействия на развитие экономики.

К. В. ОСТРОВИТЯНОВ

ПРОТИВ АНТИИСТОРИЧЕСКОГО, ДОГМАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

В каждой общественно-экономической формации товарное производство имело свои особенности. Больше всего изменений в товарные отношения внес социалистический способ производства, но это не дает оснований отрицать самый факт существования товарного производства при социализме. Догматическое толкование высказываний Маркса, Энгельса и Ленина для доказательства мнимого преодоления товарного производства при социализме. При объяснении причин существования товарного производства нельзя абстрагироваться от наличия двух форм собственности, составляющих специфическую особенность социализма в отличие от коммунизма. Несостоятельность представления, будто средства производства, создаваемые государственным сектором и в нем обращающиеся, не являются товарами. О стоимости без товара, придуманной т. Козодоевым. Коренные причины существования товарного производства при социализме: общественное разделение труда и наличие разных форм собственности. Не характер труда определяет формы собственности, а формы собственности определяют характер труда.

Когда я слушал т. Хессина, а перед тем т. Колганова, то мне вспомнилась экономическая дискуссия 1951 г. и мне показалось, что «воз и ныне там». А я думал было, что версия, отрицающая товарное производство и закон стоимости в советском хозяйстве, имевшая у нас хождение до 1941 г., так же как и учетно-распределенческая концепция объяснения товарного производства, которая одно время у нас господствовала, давно сданы в архив истории.

Прежде всего я остановлюсь на вопросе об отрицании товарного производства при социализме. Мы живем в социалистическом обществе, где имеется развитая система товарно-денежных отношений, охватывающая все наше хозяйство, сферу производства и обращения как средств производства, так и предметов потребления. Эта система включает все институты товарно-денежных отношений: банки, кредит, финансы и т. д. Между тем т. Хессин пытается убедить нас, что это какие-то призраки, какие-то обманчивые формы, за которыми скрывается нечто прямо противоположное товарно-денежным отношениям.

Каков метод доказательств т. Хессина? В своем выступлении он добросовестно изложил хорошо известное всем нам марксистское учение о товарном производстве при капитализме и сделал вывод, что если у нас нет в точности, во всех деталях, такого товарного производства, которое существует при капитализме, то, значит, нет и товарного производства.

Тов. Хессин обнаружил антиисторический подход к проблеме товарного производства. Товарное производство прежде всего прошло период своего становления, возникновения в недрах разлагающегося первобытнообщинного строя. Если рассматривать развитие форм стоимости, как они даны в «Капитале», то в простой, развернутой и всеобщей формах стоимости мы не найдем многих признаков, которые присущи более развитой форме стоимости — денежной. Сама денежная форма в развитом капиталистическом хозяйстве имеет существенные черты отличия от денежной формы в докапиталистических формациях.

Тов. Хессин говорил, что если закон стоимости не разоряет товаропроизводителей, то это не закон стоимости. Однако и в этом отношении роль закона стоимости различна в докапиталистических формациях и при капитализме, не говоря уже о социализме. В условиях рабовладельческого производства закон стоимости действовал в ограниченном виде. Он способствовал усилению дифференциации ремесленников, разорению крестьян, но не мог привести к возникновению капиталистических отношений. В условиях рабства рабочая сила не могла быть превращена в товар, так как рабовладелец был ее полным собственником. Различно было действие за-

кона стоимости. В каждой общественной формации товарное производство имело свои специфические особенности, которые определялись производственными отношениями этой формации и на разных стадиях развития феодализма.

Раз в докапиталистических формациях сфера товарного производства и действие закона стоимости были сильно ограничены и в них не хватило многих черт, которые возникли в условиях капитализма, то, по логике т. Хессина, надо отрицать наличие товарно-денежных отношений и в формациях, предшествовавших капитализму. Это находится в полном противоречии с историческим подходом, которому нас учили Маркс, Энгельс и Ленин. Наличие особенностей в денежной форме стоимости и в других категориях товарного производства в разных общественных формациях не дает никаких оснований для отрицания товарного производства. Наряду с этими особенностями имеются общие черты, присущие товарному производству во всех общественных формациях.

Роль товарного производства и действие закона стоимости менялись и на разных этапах развития капитализма. Сам т. Хессин вынужден был признать, что на стадии монополистического капитализма действие закона стоимости подвергается известным ограничениям по сравнению с его действием при домонополистическом капитализме, когда господствует свобода конкуренции. Эти вопросы были подвергнуты глубокому анализу в трудах Ленина. Тов. Хессин старается Ленина истолковать на свой манер. Он доказывает, что уже на стадии монополистического капитализма происходит отмирание закона стоимости. Но разве можно так трактовать высказывания Владимира Ильича Ленина о монополистическом капитализме? Разве Владимир Ильич монополию понимал в духе отрицания конкуренции? Наоборот, он говорил, что для империализма характерно именно сочетание монополий с обострением конкуренции. В этом он видел специфическую черту монополистического капитализма, источник острых противоречий, которые ведут в конце концов к гибели капитализма.

Если рабовладельческий, феодальный и капиталистический способы производства накладывали свой от-

печаток на товарно-денежные отношения, то тем в большей степени это относится к социалистическому способу производства, представляющему собой коренной переворот в жизни общества.

Отрицание т. Хессиным товарного производства и действия закона стоимости при социализме базируется на догматическом понимании высказываний классиков марксизма-ленинизма. Классики марксизма и вслед за ними все марксисты до Октябрьской революции считали, что с переходом средств производства в руки общества отомрет товарное производство и прекратится действие закона стоимости. Маркс и Энгельс не могли за десятки лет до Октябрьской революции во всех деталях предвидеть конкретные пути революционного преобразования общества на началах социализма. Они ставили вопрос об отмирании товарно-денежных категорий лишь в общей перспективе. Их прогноз является правильным в отношении высшей фазы коммунизма, но он не оправдался в отношении социалистической стадии развития.

Маркс и Энгельс связывали отмирание товарно-денежных отношений с переходом средств производства в руки общества, но ставя вопрос в такой общей форме, они не включали в поле своего зрения возможность существования при социализме двух форм собственности и некоторых других моментов, вызывающих необходимость сохранения товарного производства и действия закона стоимости. Как же рассуждает т. Хессин? Раз действительный ход развития социалистической экономики пошел несколько иным путем, чем это казалось в дальней перспективе Марксу и Энгельсу, раз факты нашей социалистической действительности противоречат некоторым устаревшим положениям классиков марксизма, то тем хуже для фактов. Давайте оставаться на старых позициях и не видеть того нового, что совершается у нас перед глазами. Такая позиция ничего общего с творческим пониманием марксизма не имеет.

Такой же антиисторический, догматический подход обнаруживает т. Хессин и в отношении высказываний В. И. Ленина. Ленин в проекте Наказа Совета Труда и Обороны местным советским учреждениям писал, что «...государственный продукт — продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продо-

вольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром...»[1]. Тов. Хессин ссылается на эти слова Ленина в подтверждение своей позиции отрицания товарного производства при социализме. Нужно сказать, что и т. Козодоев эти слова Ленина трактует не исторически, а догматически. Как известно, Ленин, выдвигая вопрос о переходе к новой экономической политике, первоначально ставил вопрос о разрешении торговли только в пределах местного оборота и рассматривал продовольственный налог как переход от военного коммунизма к социалистическому продуктообмену. Эта установка и нашла свое отражение в приведенной выше цитате. Но вскоре Ленин убедился в необходимости развернутой торговли как необходимого условия установления правильного взаимоотношения промышленности и земледелия и основы правильно действующей денежной системы.

В докладе о новой экономической политике на II Всероссийском съезде политпросветов в октябре 1921 г. Ленин говорил: «...мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам,— и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»[2].

Отсюда ясно, что неправильно ссылаться на цитату Ленина о товаре из проекта «Наказа» от СТО местным советским учреждениям в доказательство того, что в социалистическом хозяйстве отсутствуют товары в политико-экономическом смысле. Вместе с тем необходимо со всей силой подчеркнуть, что постановка вопроса Лениным о диалектике превращения товара в продукт, данная им в указанном документе, в высшей степени плодотворна в научном отношении, она указывает правильный путь эволюции товара в продукт при переходе от социализма к высшей фазе коммунизма.

Нужно отказаться от догматического и антиисторического подхода к высказываниям классиков марксиз-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 362.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 40.

ма-ленинизма. Нельзя требовать от классиков марксизма-ленинизма, чтобы они во всех деталях предвидели пути общественного развития вплоть до высшей фазы коммунизма. Задача заключается в том, чтобы творчески применять и развивать учение марксизма-ленинизма на основе обобщения новых явлений, возникающих в практике коммунистического строительства, не останавливаясь перед пересмотром в прошлом правильных, но затем устаревших положений.

Однако в одном я должен согласиться с т. Хессиным, что у нас сейчас начинают создавать такую концепцию товарного производства, которая почти ничего не имеет общего с методологией марксизма-ленинизма. Это в известной степени имеет отношение и к докладу т. Козодоева. Тов. Козодоев утверждает, что непосредственная необходимость в товаре возникает не из определенного уровня производительных сил, не из общественного разделения труда и не из обособленности производителей, а из отношений определенной формы собственности.

Как же можно утверждать, что уровень производительных сил не имеет отношения к товарному производству, когда в первобытнообщинном строе не было товарных отношений именно вследствие низкого уровня производительных сил. Уровень производительных сил оказывал решающее влияние на степень развития товарно-денежных отношений во всех общественных формациях. Наконец, классики марксизма-ленинизма связывают отмирание товарно-денежных отношений на высшей фазе коммунизма с таким высоким уровнем производительных сил, который обеспечит переход к единой коммунистической собственности и изобилие продуктов, необходимое для осуществления коммунистического принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Неправ также т. Козодоев, утверждая, что нельзя выводить товарное производство из общественного разделения труда. Вместе с тем т. Козодоев как будто согласен, что общественное разделение труда не только предпосылка возникновения товарного производства, но и основа его развития.

Маркс считал, что общественное разделение труда возможно без товарного производства, но товарное про-

изводство невозможно без общественного разделения труда. Маркс далее указывал, что в совокупности разнородных потребительных стоимостей и многообразных конкретных видов полезных работ проявляется общественное разделение труда. Это означает, что общественное разделение является одним из факторов, лежащих в основе двойственного характера товара и труда, его создающего.

В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» обосновал положение, что «разделение труда — основа товарного производства». Он подчеркивал, что процесс разделения труда бесконечен, что всякое производство разделяется на все новые и новые виды и подвиды.

Теперь в отношении форм собственности. Одного общественного разделения труда недостаточно для возникновения и развития товарного производства. Помимо общественного разделения труда, для этого необходимо наличие определенных форм собственности на средства производства и продукты труда.

Тов. Хессин, исходя из условий капитализма, объясняет необходимость товарного производства наличием частной собственности на средства производства. Однако исторически товарные отношения возникли не на базе частной собственности, а на базе общинной собственности. Маркс в «Капитале» писал, что обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами. Но раз вещи превратились в товары во внешних отношениях, то путем обратного действия они становятся товарами и внутри общины.

Тов. Козодоев предлагает при анализе товарного производства в социалистическом хозяйстве абстрагироваться от двух форм социалистической собственности и исходить из одной государственной (общенародной) собственности на средства производства. Такой методологический подход является в корне неправильным. Нельзя абстрагироваться от того, что составляет одну из основных специфических особенностей социализма, отличающую его от высшей фазы коммунизма, где не будет уже двух форм собственности, а установится господство единой коммунистической собственности.

Тов. Козодоев предлагает нам изучать товарное про-

изводство и закон стоимости, исходя из условий, которых нет ни в одной социалистической стране и, наверное, никогда не будет.

В обоснование такого методологического подхода обычно ссылаются на Англию. Однако и в Англии существует мелкое фермерское крестьянское хозяйство. Причем, как показывает практика, в развитых капиталистических странах крестьянство в большой мере заражено частнособственническими предрассудками, чувствует бóльшую приверженность к частной собственности на землю, чем в отсталых странах с большим удельным весом феодально-крепостнических пережитков. Поэтому и в Англии придется постепенно через кооперацию вовлекать крестьянство на социалистический путь развития.

Но если бы даже в силу какого-то чуда в Англии установилось господство одной государственной (общенародной) собственности, то и в этом случае нельзя игнорировать тот факт, что экономика Англии в огромной степени зависит от внешней торговли. Вследствие этого Англия не может существовать без товарного производства и обмена. В данном случае необходимость товарно-денежных отношений вытекала бы из международного разделения труда и взаимосвязи государственной собственности с различными видами собственности, существующими в тех зарубежных странах, с которыми Англия ведет торговлю.

Тов. Козодоев утверждает, что средства производства не являются товарами, но имеют стоимость. До сих пор мы знали, что продукт может принимать товарную форму, не имея стоимости. Так, земля не является продуктом труда и не имеет стоимости, но в условиях капитализма она принимает товарную форму и имеет цену. Цена земли представляет собой капитализированную ренту.

Однако такой категории, как стоимость без товара, еще не было в человеческой истории. Классики марксизма-ленинизма не знали такой категории. Она выдумана т. Козодоевым. Причем он сам, по-видимому, не отдает себе отчета, как эта его выдумка может далеко увести от марксистской теории товара и стоимости.

Как известно, стоимость — это одна из сторон товара, противоположная его потребительной стоимости.

Следовательно, она не может существовать без товара. Если стоимость оторвать от товара, то невольно придется прийти к пресловутому закону трудовых затрат, который существует во всех общественных формациях, меняя лишь форму проявления.

В самом деле, если стоимость может существовать без товарного производства при наличии одной общенародной собственности, то почему она должна отмереть при коммунизме? С позиций т. Козодоева нельзя это объяснить. Он должен либо отказаться от своей концепции, либо пойти на пересмотр положения классиков марксизма-ленинизма об отмирании закона стоимости при коммунизме.

В обоснование того, что средства производства, создаваемые и обращающиеся внутри государственного сектора, не являясь товарами, имеют стоимость, т. Козодоев ссылается на единство социалистической экономики, требующей всеобщего использования стоимостных форм. Но спрашивается: почему это можно применить к стоимости, а нельзя применить к товару? Товарный характер средств производства государственных предприятий как раз и вытекает из единства социалистической экономики, из взаимосвязи государственной собственности с другими формами собственности, существующими как внутри страны социализма, так и в зарубежных странах, с которыми она поддерживает экономические и торговые отношения.

Тов. Бачурин при объяснении товарного характера средств производства возвращает нас к той формулировке, которая была дана мною в статьях сначала в «Плановом хозяйстве» (1946), а затем в «Вопросах экономики» — это объяснение, исходящее из двух форм собственности и характера труда.

В результате экономической дискуссии 1951 г. я убедился, что методологически неправильно привлекать характер труда для обоснования необходимости товарного производства.

У Маркса характер труда занимает важное место при анализе товарного производства, но не как причина, а как следствие товарного производства. Особенности двойственного характера труда вытекают из особенностей товарного производства, а не наоборот. Маркс сначала анализирует двойственный характер товара как

стоимости и потребительной стоимости, затем переходит к двойственному характеру труда, создающего товар. После этого он рассматривает развитие форм стоимости, начиная с простой и кончая денежной. В результате Маркс приходит к выводу, что в основе двойственного характера товара и труда, его создающего, в основе развития форм стоимости лежит противоречие между частным и общественным трудом. Но что такое противоречие между частным и общественным трудом? Это противоречия между частной собственностью на средства производства и общественным разделением труда. Благодаря общественному разделению труда товаропроизводители связаны друг с другом, работают друг на друга и труд их носит общественный характер. В силу частной собственности на средства производства труд товаропроизводителей оказывается обособленным, раздробленным, носит характер частного труда. Отсюда и вытекает скрыто-общественный характер труда товаропроизводителей. Он возникает на базе общественного разделения труда и частной собственности на средства производства.

Тов. Бачурин утверждает, будто бы я тоже в конце концов вывожу товарный характер средств производства из характера труда. Против этого я должен протестовать самым решительным образом. Я вывожу товарный характер средств производства из единства социалистической экономики и взаимосвязи государственной собственности с другими формами собственности.

При этом в совокупность отношений собственности, существующих внутри данной страны социализма, я включаю и личную собственность на предметы потребления. Когда рабочие и служащие приобретают потребительские товары, произведенные государственными предприятиями или колхозами, то совершается переход товаров из государственной или кооперативно-колхозной собственности в личную собственность рабочего и служащего. Это — типичные товарные отношения. Почему же мы должны личную собственность игнорировать при объяснении товарного характера предметов потребления? Говорят, что личная собственность будет существовать на высшей фазе коммунизма. Но на высшей фазе коммунизма личная собственность будет существо-

Следовательно, она не может существовать без товара. Если стоимость оторвать от товара, то невольно придется прийти к пресловутому закону трудовых затрат, который существует во всех общественных формациях, меняя лишь форму проявления.

В самом деле, если стоимость может существовать без товарного производства при наличии одной общенародной собственности, то почему она должна отмереть при коммунизме? С позиций т. Козодоева нельзя это объяснить. Он должен либо отказаться от своей концепции, либо пойти на пересмотр положения классиков марксизма-ленинизма об отмирании закона стоимости при коммунизме.

В обоснование того, что средства производства, создаваемые и обращающиеся внутри государственного сектора, не являясь товарами, имеют стоимость, т. Козодоев ссылается на единство социалистической экономики, требующей всеобщего использования стоимостных форм. Но спрашивается: почему это можно применить к стоимости, а нельзя применить к товару? Товарный характер средств производства государственных предприятий как раз и вытекает из единства социалистической экономики, из взаимосвязи государственной собственности с другими формами собственности, существующими как внутри страны социализма, так и в зарубежных странах, с которыми она поддерживает экономические и торговые отношения.

Тов. Бачурин при объяснении товарного характера средств производства возвращает нас к той формулировке, которая была дана мною в статьях сначала в «Плановом хозяйстве» (1946), а затем в «Вопросах экономики» — это объяснение, исходящее из двух форм собственности и характера труда.

В результате экономической дискуссии 1951 г. я убедился, что методологически неправильно привлекать характер труда для обоснования необходимости товарного производства.

У Маркса характер труда занимает важное место при анализе товарного производства, но не как причина, а как следствие товарного производства. Особенности двойственного характера труда вытекают из особенностей товарного производства, а не наоборот. Маркс сначала анализирует двойственный характер товара как

стоимости и потребительной стоимости, затем переходит к двойственному характеру труда, создающего товар. После этого он рассматривает развитие форм стоимости, начиная с простой и кончая денежной. В результате Маркс приходит к выводу, что в основе двойственного характера товара и труда, его создающего, в основе развития форм стоимости лежит противоречие между частным и общественным трудом. Но что такое противоречие между частным и общественным трудом? Это противоречия между частной собственностью на средства производства и общественным разделением труда. Благодаря общественному разделению труда товаропроизводители связаны друг с другом, работают друг на друга и труд их носит общественный характер. В силу частной собственности на средства производства труд товаропроизводителей оказывается обособленным, раздробленным, носит характер частного труда. Отсюда и вытекает скрыто-общественный характер труда товаропроизводителей. Он возникает на базе общественного разделения труда и частной собственности на средства производства.

Тов. Бачурин утверждает, будто бы я тоже в конце концов вывожу товарный характер средств производства из характера труда. Против этого я должен протестовать самым решительным образом. Я вывожу товарный характер средств производства из единства социалистической экономики и взаимосвязи государственной собственности с другими формами собственности.

При этом в совокупность отношений собственности, существующих внутри данной страны социализма, я включаю и личную собственность на предметы потребления. Когда рабочие и служащие приобретают потребительские товары, произведенные государственными предприятиями или колхозами, то совершается переход товаров из государственной или кооперативно-колхозной собственности в личную собственность рабочего и служащего. Это — типичные товарные отношения. Почему же мы должны личную собственность игнорировать при объяснении товарного характера предметов потребления? Говорят, что личная собственность будет существовать на высшей фазе коммунизма. Но на высшей фазе коммунизма личная собственность будет существо-

вать в других условиях, когда не будет двух форм социалистической собственности и не будет товарных отношений.

Итак, основная причина товарного характера средств производства коренится в единстве социалистической экономики и взаимосвязи государственной собственности с другими формами собственности. Но товарный характер средств производства вытекает на стадии социализма и из потребностей развития самой государственной собственности. Государственная собственность предполагает такой способ соединения рабочей силы со средствами производства, который порождает материальную заинтересованность работников в результатах своего труда. В государственных предприятиях работники заинтересованы в результатах своего труда в силу того, что они работают не на эксплуататоров, а на себя и на все общество, целью которого является возможно более полное удовлетворение растущих потребностей народа. С другой стороны, труд на стадии социализма не стал еще для всех первой жизненной потребностью и нуждается в материальном стимулировании.

Материальная заинтересованность работников в результатах своего труда является одной из решающих движущих сил развития социалистического производства. Она требует, чтобы взаимоотношения между государством и принадлежащими ему предприятиями, а также взаимоотношения между государственными предприятиями строились на основе принципа эквивалентного возмещения каждому предприятию затрат овеществленного и живого труда. А это эквивалентное возмещение затрат труда в условиях товарного производства и обращения осуществляется в товарно-денежной форме.

Если бы на стадии социализма не было условий, порождающих товарно-денежные отношения, то принцип материальной заинтересованности мог бы осуществляться и в натуральной форме. Маркс в «Критике Готской программы» исходит из того, что принцип распределения по труду на стадии социализма будет осуществляться без товарно-денежных отношений, в натуральной форме. Ленин в проекте «Наказа от СТО местным советским учреждениям», относящемся к маю 1921 г., большое внимание уделяет вопросу о натуральном премирова-

нии. В колхозах распределение доходов по труду осуществляется в значительной своей части в натуральной форме. Однако в условиях товарного производства и обращения экономической формой, наиболее способствующей использованию фактора материальной заинтересованности как в производственной деятельности государственных предприятий, так и в осуществлении распределения по труду, является товарно-денежная форма.

При этом следует заметить, что проблема товарных отношений между предприятиями, принадлежащими одному собственнику, не возникла впервые при социализме, она существовала и существует и в условиях капитализма. Многие монополистические организации капиталистов — акционерные компании, тресты, концерны — имеют большое количество предприятий как внутри страны, так и в других странах. Так, концерн «Дженерал Моторс» имеет в настоящее время 102 завода в США и 33 завода в других странах. Все эти заводы принадлежат одному собственнику и между ними существуют товарно-денежные отношения.

Теперь я хотел бы остановиться на попытках вывести необходимость товарного производства из характера труда. Существуют различные версии выведения товарного производства из характера труда. Самая распространенная заключается в том, что при социализме имеются существенные различия между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, между трудом различной квалификации, различной тяжести, технической вооруженности и т. д. Вследствие этого нельзя учесть труд непосредственно в рабочем времени. Отсюда — необходимость стоимостного учета и товарного производства.

Но когда мы говорим о сведении различных конкретных видов труда к абстрактному, разве мы имеем в виду только эти виды конкретного труда? Все виды конкретного труда в условиях товарного производства нуждаются в сведении к абстрактному труду, а они чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Какие же имеются основания для того, чтобы связывать объяснение товарного производства только с различиями между умственным и физическим трудом, городом и деревней и т. п.? Только потому, что они будут преодолены при коммунизме? Но и на высшей фазе коммунизма будут-

преодолены только существенные различия между этими видами труда, а несущественные останутся. Если из этих различий в характере труда выводить необходимость товарного производства, то придется прийти к выводу, что и на высшей фазе коммунизма сохранится какое-то несущественное товарное производство.

Нельзя также выводить необходимость товарного производства из невозможности учета труда непосредственно в рабочем времени. Наряду со стоимостным учетом труд учитывается на предприятиях и непосредственно в рабочем времени как в условиях капитализма, так и при социализме.

Ставится вопрос: можно ли учесть труд непосредственно в рабочем времени в масштабах народного хозяйства? Мне кажется, при наличии современных счетных электронных машин возможно осуществить учет труда, затрачиваемого на производство продукции, непосредственно в рабочем времени. Но это не устраняет необходимости стоимостного учета. Не стоимостный учет порождает товарное производство, а товарное производство порождает необходимость в стоимостном учете. Обычно с осуществлением учета труда в рабочем времени связывают пересмотр политики цен. Однако проблема цен — это не учетно-счетная, а социально-экономическая проблема. Мы знаем, что цены на средства производства у нас ниже стоимости, а цены на предметы потребления выше стоимости. Но если бы мы в настоящих условиях осуществили массовое повышение цен на средства производства и массовое снижение цен на предметы потребления, то создали бы огромную диспропорцию между денежными доходами и товарным обеспечением этих денежных доходов и сорвали бы грандиозные планы подъема социалистического производства и повышения на этой основе народного благосостояния.

Тов. Хессин выражал сомнение в объективном существовании товарно-денежных категорий в социалистическом хозяйстве. Однако они не только существуют объективно, но и требуют, чтобы с ними считались и чтобы их учитывали в практике планового руководства народным хозяйством. Возьмем товарное обращение. При социализме через товарное обращение осуществляется дополнительная проверка того, в какой мере план рас-

пределения труда и средств производства между отраслями, в особенности в части производства предметов потребления, соответствует потребностям общества.

Общественно необходимое время также существует при социализме как объективная категория. Мы стараемся воздействовать на общественно необходимое время в плановом порядке в целях его снижения при помощи прогрессивных норм. Когда прогрессивные нормы начинают совпадать с общественно необходимым временем, они перестают играть прогрессивную роль, двигать вперед производительность труда, и возникает необходимость в установлении новых норм.

То же самое относится и к абстрактному труду. Он находит свое выражение в стоимости. У нас цены на товары не соответствуют полностью стоимости, но это не значит, что не действует закон стоимости. Себестоимость товара составляет часть его стоимости. Уклонения от стоимости происходят за счет перераспределения чистого дохода. Следовательно, большая доля издержек производства и в случае отклонения цен от стоимости определяется стоимостью. Но и в условиях капитализма цены, как правило, не совпадают со стоимостью.

То что мы сознательно допускаем отклонения цен от стоимости, исходя из народнохозяйственных соображений, а при капитализме это происходит стихийно, — это является нашим преимуществом.

В заключение мне хотелось бы отметить, что доклады тт. Бачурина и Козодоева ставят важные вопросы и представляют безусловный интерес. Дискуссия поможет более глубокому изучению вопросов товарного производства при социализме.

Э. Я. БРЕГЕЛЬ

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СМЕНА СОБСТВЕННИКА НЕПРЕМЕННЫМ ПРИЗНАКОМ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ?

Несостоятельность единственного доказательства, приводимого в пользу концепции, отрицающей товарную природу средств производства, производимых и потребляемых внутри государственного сектора. Необходимость товарного производства вытекает как из наличия двух форм социалистической собственности, так и из исторических особенностей всенародной собственности на первой фазе коммунизма.

После опубликования работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» в нашей литературе, как известно, в течение нескольких лет господствовала определенная концепция по вопросу о товарном производстве при социализме, характерными чертами которой являлись следующие положения.

Во-первых, необходимость товарного производства при социализме объяснялась исключительно наличием двух форм социалистической собственности.

Во-вторых, признавалось, что сфера товарного производства ограничивается в основном производством предметов потребления. Что же касается средств производства, производимых и потребляемых внутри государственного сектора народного хозяйства, то их товарный характер отрицался.

В-третьих, утверждалось, что действие закона стоимости также ограничивается производством предметов потребления и не распространяется на производство средств производства.

За последние годы эти положения подверглись критическому пересмотру, который шел в следующих направлениях.

Во-первых, многие наши экономисты пришли к выводу, что необходимость товарного производства при социализме объясняется не исключительно лишь наличием двух форм социалистической собственности.

Во-вторых, пришли к выводу, что товарным производством является не только производство предметов личного потребления, но и производство средств производства.

В-третьих, большинство наших экономистов пришло к выводу, что действие закона стоимости распространяется на все общественное производство, т. е. не только на второе подразделение, но и на первое.

Что касается концепции, выдвинутой т. Козодоевым, то она имеет две характерные особенности.

Одна ее особенность состоит в том, что она представляет собой возврат к положениям «Экономических проблем» по вопросам о необходимости товарного производства и его границах, ибо первые два из перечисленных выше положений «Экономических проблем» т. Козодоев полностью признает. Он объясняет товарное производство только наличием двух форм социалистической собственности и категорически отрицает товарный характер средств производства.

Однако концепция докладчика имеет и другую особенность, что отличает ее от «Экономических проблем». Тов. Козодоев утверждает, что сфера товарного производства при социализме ограничена только производством предметов потребления; несмотря на это, действие закона стоимости распространяется, по его мнению, на все общественное производство, в том числе и на производство средств производства.

Эта концепция является логически непоследовательной, противоречивой и совершенно неприемлемой.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что т. Козодоев выдвигает два противоречащих друг другу положения: во-первых, положение, что средства производства при социализме не являются товарами, и, во-вторых, что средства производства тем не менее имеют стоимость и подвержены действию закона стоимости.

Здесь, естественно, встает вопрос: что же представляет собой стоимость по мнению докладчика? В первом тезисе своего доклада т. Козодоев говорит, что

«стоимость есть свойство товара». Вместе с тем он утверждает, что средства производства имеют стоимость. Итак, стоимость — есть свойство товара, средства производства — не товар и средства производства имеют стоимость. Получается явное противоречие, а именно — утверждение, что вещи, не являющиеся товаром, имеют свойства товаров.

Впрочем, здесь возникает другой вопрос. Ведь свойство свойству рознь. Может быть, по т. Козодоеву стоимость — это такое свойство, которое присуще и товарам и нетоварам? Но коль скоро стоимость есть не просто свойство товара, а **специфическое** свойство товара, т. е. свойство, присущее **только товару**, то при таком понимании вопроса — а именно оно соответствует марксистской теории — эта концепция т. Козодоева оказывается противоречивой.

Что такое стоимость по Марксу? Это не просто труд, не всякий труд. Стоимость — это общественный труд, овеществленный в товаре и находящий свое выражение косвенным путем, посредством обмена товаров. Если исходить из такого понимания стоимости, как овеществленного в товарах общественного труда, выражающегося посредством обмена товаров, то ясно, что стоимость является **специфическим** свойством товара, присущим только товару. Между тем у т. Козодоева получается, что стоимость есть свойство, присущее как товарам, так и продуктам труда, которые не являются товарами. Но, спрашивается, что же, по мнению т. Козодоева, имеется **общего между тем, что является, и тем, что не является** товаром, притом такого общего, что это позволяет распространить категорию стоимости и на средства производства, хотя они якобы не являются товарами? По-видимому, общее состоит в том, что и в тех и в других воплощен труд. Но если это так, то получается, что **стоимость** в трактовке т. Козодоева отождествляется с **трудовыми затратами.** Конечно, если отождествлять стоимость с трудовыми затратами как таковыми, то получится, что стоимостью обладают и такие вещи, которые не являются товаром. Однако отсюда в конечном счете (разумеется, если быть логически последовательным) надо прийти к **увековечению стоимости,** к выводу, будто стоимость присуща всем формам производства, поскольку везде продукты полу-

чаются не в виде манны небесной, а в результате затрат труда. Но едва ли надо доказывать, что такое понимание стоимости не имеет ничего общего с пониманием Марксом этой категории как исторической категории товарного производства.

Таким образом, получается, что если т. Козодоев будет последовательным, то он придет к таким выводам, с которыми он сам едва ли захочет согласиться. А если он все же не приходит к таким выводам, то только в результате своей непоследовательности.

Но, может быть, т. Козодоев скажет, что он не отождествляет стоимость с трудовыми затратами, а понимает под стоимостью такой труд, который получает косвенное выражение, и что на этом основании он распространяет категорию стоимости также и на средства производства, хотя они, с его точки зрения, не являются товарами. Однако, мне кажется, что и это его не спасет.

Как понимать, что стоимость есть общественный труд, получающий косвенное выражение? Это равносильно тому, что стоимость представляет собой такой общественный труд, который выражается посредством приравнивания товаров, посредством обмена товаров друг на друга или на деньги. Поэтому, если быть последовательным, то вместе с признанием стоимости общественным трудом, получающим косвенное выражение, надо признать, что стоимость обязательно предполагает наличие товара, что стоимость есть свойство товара и только товара, а поэтому вся концепция т. Козодоева нелогична, противоречива, в ней не сведены концы с концами.

Но, может быть, т. Козодоев выдвигает какие-нибудь аргументы по существу против признания товарного характера средств производства? Единственным аргументом, который он выдвигает против этого и в пользу своего тезиса, является известная ссылка на отсутствие смены собственника при переходе средств производства от одних предприятий к другим в рамках государственного сектора социалистического народного хозяйства.

Но откуда взялось утверждение, которое принимается т. Козодоевым, по-видимому, за аксиому, что товарные отношения тождественны со сменой собственника

и обязательно предполагают эту смену. Здесь т. Козодоев принимает некоторую догму за аксиому. Даже при капитализме не при всех товарно-денежных отношениях имеется налицо смена собственника. Ведь может отчуждаться не собственность, а только пользование вещью. Например, аренда, передача земли или дома в аренду за соответствующую оплату — какие это отношения в условиях капитализма — товарно-денежные или не товарно-денежные? Бесспорно, товарно-денежные, хотя здесь не происходит смены собственника, а собственник передает только пользование принадлежащей ему вещью на определенный срок. Значит, и при капитализме не всегда и не везде, где имеются налицо товарные отношения, имеется налицо смена собственника. Почему же положение, что товарные отношения обязательно характеризуются сменой собственника, принимать за некую аксиому, как это делает т. Козодоев?

Кроме того, уместно поставить и другой вопрос. Допустим, что при капитализме товарно-денежные отношения всегда включают в себя смену собственника, хотя это неверно, как я уже показал на примере. Спрашивается: а почему все черты товарных отношений капитализма должны быть присущи товарным отношениям при социализме? Ведь товарное производство при социализме есть, как все признают, товарное производство своеобразное, особого рода; значит, и товар при социализме есть товар своеобразный, а отсутствие смены собственника у средств производства вовсе еще не лишает их характера товара.

Таким образом, я не вижу никакой серьезной научной аргументации у т. Козодоева в доказательство утверждения, будто средства производства при социализме не являются товаром, кроме единственного аргумента, который нельзя признать аргументом,— ссылки на отсутствие смены собственника.

У т. Козодоева, впрочем, есть еще несколько цитатных псевдоаргументов против признания средств производства товарами при социализме. В качестве «тяжелой артиллерии» он выдвигает две цитаты из работ В. И. Ленина — одну из работы «Империализм, как высшая стадия капитализма» насчет подрыва товарного производства при империализме и другую из извест-

ного «Наказа от СТО» о том, что продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, перестает быть товаром. И вот, приводя эти две цитаты, т. Козодоев риторически спрашивает: что же будет, если вы признаете средства производства товарами? Вы вступите в противоречие с Лениным!

Надо сказать, что цитатный метод аргументации вряд ли уместен. Это — типичный прием догматизма, против которого сам же т. Козодоев возражает. Вместо того чтобы, исходя из жизни, практики, действительности и из научно обоснованных теоретических предпосылок, попытаться доказать, что средства производства при социализме не товар, т. Козодоев пугает всех, кто признает средства производства товарами, тем, что они вступают в противоречие с такими-то цитатами.

Однако в своей псевдоаргументации от цитат т. Козодоев странным образом проглядел, что она «доказывает» более того, что он хотел. В самом деле, обе цитаты Ленина относятся ведь к товарному производству и товару **вообще**, а вовсе не специально к **средствам производства.** Ведь ни в одной из приведенных докладчиком цитат Ленин не выделяет средства производства. В одном случае он говорит, что при империализме товарное производство уже подрывается в известном смысле (конечно, при этом надо правильно понимать, в каком смысле). В другом случае он отмечает, что в переходный период от капитализма к социализму продукт труда не есть товар в том политико-экономическом смысле, в каком он является товаром в буржуазном обществе. Но разве здесь Ленин говорит специально о средствах производства? Он говорит вообще о товарах — и средствах производства и предметах потребления равным образом. Почему же, спрашивается, т. Козодоев мобилизует эти цитаты для отрицания товарного характера именно **средств производства,** а не вообще продуктов общественного труда? С тем же успехом он мог бы прийти к выводу, если уж так подходить к делу, что у нас вообще нет товаров — ни средств производства, ни предметов потребления. Абсолютно непонятно, каким образом он пытается из этих цитат сделать вывод об отсутствии товарного характера у определенной **разновидности** продуктов

общественного труда — **средств производства.** В этом нет никакой логики.

Теперь перейду к положительной аргументации в пользу признания средств производства при социализме товарами. Для того чтобы прийти к правильному выводу по этому вопросу, надо исходить из некоторых теоретических предпосылок. Только исходя из определенного понимания товара и обмена, можно прийти к правильному выводу по вопросу, являются ли или не являются средства производства при социализме товарами.

Что представляет собой товар? Если брать то общее, что свойственно товару при разных способах производства (а товарная форма, как правильно считает и сам т. Козодоев, может существовать при разных способах производства), то товар является таким продуктом общественного труда, который переходит из производства в потребление посредством обмена.

Существуют, вообще говоря, два возможных способа осуществления связи между производством и потреблением, связи, которая так или иначе должна осуществляться в любом обществе: с одной стороны, продукты могут из производства непосредственно переходить в потребление через механизм **прямого распределения** их и, с другой стороны, продукты общественного труда могут переходить из производства в потребление через механизм **обмена**, посредством обмена. Во втором случае мы имеем налицо **товар,** в первом — **нет.**

Что такое обмен? Обмен представляет собой движение товаров, в котором проявляются производственные отношения людей. При этом обмен предполагает передачу товаров одними лицами, предприятиями или даже государствами (последнее относится к внешней торговле) другим с получением за них эквивалента в товарной или денежной форме. Обмен предполагает не просто отчуждение продуктов труда, но именно отчуждение их в качестве **товаров,** с получением за них **эквивалента** в товарной или денежной форме.

Если принять эти исходные пункты, то нельзя не прийти к признанию средств производства при социализме товарами. В самом деле, ведь средства производства переходят и в рамках государственного сектора нашего народного хозяйства от одних социалистических

государственных предприятий к другим не в порядке прямого распределения, а посредством обмена. Одни государственные предприятия, поставляя свою товарную продукцию другим государственным предприятиям, получают за это денежный эквивалент. Является ли это обменом? Является. Если это не обмен, то что же это такое? Прямое распределение? Нет. А если это и не обмен и не распределение, то пусть т. Козодоев придумает, что же это за форма движения продуктов общественного труда в государственном секторе народного хозяйства.

Кроме приведенной ранее аргументации и псевдоаргументации, у т. Козодоева имеется еще одна разновидность «аргументации» против признания средств производства товарами — это запугивание вредным выводом, который якобы отсюда вытекает. Какой же это вывод? Тов. Козодоев утверждает, что если мы признаем средства производства товарами, то мы должны считать, что закон стоимости является регулятором общественного производства. Однако это утверждение совершенно голословно и бездоказательно. Где логическая связь между этими двумя тезисами, между признанием средств производства товарами и положением, будто бы закон стоимости является регулятором общественного производства при социализме?

Закон стоимости при социализме не является регулятором общественного производства, причем это относится как к производству средств производства, так и к производству предметов потребления, хотя и те и другие являются товарами; и никакого внутреннего противоречия между этими положениями нет. Если же считать, как, по-видимому, считает т. Козодоев, что признание общественных продуктов товарами влечет за собой вывод о законе стоимости как регуляторе производства, то ему самому пришлось бы прийти к выводу, что закон стоимости есть регулятор по крайней мере определенной части производства. В самом деле, ведь если утверждать, что признание данных продуктов труда товарами влечет за собой вывод о законе стоимости как регуляторе их производства, то тогда сам т. Козодоев, который считает предметы потребления при социализме товарами, должен признать закон стоимости у нас регулятором в отношении части общественного произ-

водства, а именно — II подразделения, т. е. производства предметов потребления. Такого вывода т. Козодоев не делает либо потому, что он не доводит свои рассуждения до логического конца, либо же потому, что он сам всерьез не считает, будто из признания товарного характера производства непременно вытекает признание закона стоимости регулятором производства при социализме. Так обстоит дело с трактовкой т. Козодоевым вопроса о товарном характере средств производства при социализме.

Теперь перейдем к вопросу о необходимости товарного производства при социализме.

В подходе к решению проблемы необходимости товарного производства при социализме т. Козодоев выдвигает одно, на наш взгляд, вполне правильное методологическое положение, а именно положение, что надо при объяснении товарного производства идти от товара к стоимости, а не наоборот. В этом я с ним вполне согласен.

Мне представляется справедливой и его критика точки зрения, согласно которой необходимость товарного производства при социализме вытекает якобы из невозможности, неспособности прямо учитывать затраты в единицах рабочего времени. Тов. Козодоев прав, когда он отвергает счетную, или учетную, концепцию при объяснении необходимости товарного производства в условиях социализма.

Однако с другим методологически исходным пунктом докладчика я согласиться не могу. Тов. Козодоев выдвигает положение, что при объяснении проблемы необходимости товарного производства в социалистическом обществе надо исходить из такого социалистического строя, при котором все средства производства являются всенародной, государственной собственностью.

Мыслим ли теоретически социализм с одной всенародной формой собственности? Да, теоретически мыслим. Рассуждая абстрактно, теоретически — это возможно. Однако не все абстрактно мыслимое можно считать обязательным исходным пунктом теоретического анализа. Сошлюсь на пример. При капитализме теоретически мыслимо отсутствие частной собственности на землю, мыслима национализация земли в рамках бур-

жуазного общества. И т. Козодоеву, как специалисту по вопросам земельной ренты, это прекрасно известно. Однако исходным пунктом при анализе капиталистической ренты является предпосылка о наличии, а не об отсутствии частной земельной собственности. Таким образом, не все абстрактно мыслимое должно служить методологическим исходным пунктом.

Практически обобществление после социалистической революции всех средств производства в общенародном масштабе, т. е. превращение всех средств производства в государственную собственность, возможно лишь в исключительных случаях, а именно в таких странах, где к моменту социалистической революции не осталось или почти не осталось мелких производителей. Но едва ли надо доказывать, что это — исключение, а не правило. Как показала практика социалистического строительства, для социализма типично наличие двух форм социалистической собственности, и абстрагироваться от этого типичного и существенного момента социалистической экономики при рассмотрении вопросов товарного производства не следует.

Мне кажется, что в этом вопросе концепция т. Козодоева внутренне противоречива. С одной стороны, он признает объективную необходимость товарного производства при социализме, причем выводит эту необходимость исключительно из двух форм социалистической собственности. Но, с другой стороны, он считает, что нужно исходить из теоретической модели социализма с одной всенародной формой социалистической собственности. Однако, если исходить из этого, то придется признать, что товарное производство не является объективной необходимостью при социализме. В самом деле, ясно, что если выводить товарное производство из двух форм социалистической собственности и только из этого, как делает т. Козодоев, и в то же время брать за теоретическую модель социалистическое общество с одной общенародной формой собственности, то в таком случае надо прийти к логическому выводу, что социалистическому строю не присуще товарное производство, что оно не закономерно для социализма.

Основное положение доклада, состоящее в том, что товарное производство при социализме надо выводить только и исключительно из двух форм социалисти-

ческой собственности, не представляется мне достаточно убедительным. Никто не оспаривает того, что две формы социалистической собственности играют важную роль в объяснении необходимости товарного производства при социализме. Но значит ли это, что **только** этим надо объяснять товарное производство? Ссылка на монизм неубедительна. Нельзя считать, что каждое явление надо выводить только из одной причины; такой аксиомы принять нельзя. Возьмем к примеру такое важное явление, как социалистическая революция. Социалистическая революция может явиться результатом только сочетания **объективных** условий, объективных материальных предпосылок, необходимых для нее, и **субъективного** фактора — организованности и революционного самосознания пролетариата. При отсутствии одного из этих условий социалистическая революция, очевидно, невозможна. Монизм монизму рознь. Нужно объяснять явления одной причиной там, где в реальной жизни действует одна причина, а если реально действуют две причины, то надо объяснять соответствующие явления двумя причинами, и ничего страшного в этом нет.

Тов. Козодоев утверждает, что государственная собственность не содержит в себе условий, порождающих товарное производство. Это утверждение в такой абстрактной, всеобщей форме, в какой его выдвигает т. Козодоев, необоснованно и неправильно. Тов. Козодоев говорит: всенародная собственность сама по себе не содержит необходимости товарного производства и при этом ссылается на коммунизм. Верно. **Сама по себе** всенародная собственность как таковая еще не объясняет необходимости товарного производства. Но почему нужно ее брать только **саму по себе, абстрактно,** а не в **конкретных** исторических условиях первой фазы коммунизма? Поясню примером. Порождает ли концентрация производства монополию или нет? Всем известно ленинское положение, что концентрация производства порождает монополии. Это положение нисколько не опровергается тем, что концентрация производства была и до империализма, а монополий не было. Дело в том, что концентрация производства **сама по себе** не порождает монополий, но концентрация производства, достигнув **высшей** степени развития, при определенных исторических условиях порождает монополии,

и поэтому положение Ленина, что концентрация производства порождает монополии, является абсолютно правильным. Тот же методологический подход должен быть применен и к рассматриваемой нами проблеме. Общенародная собственность **сама по себе** не объясняет необходимости товарного производства, но в определенных **исторических** условиях, в условиях **первой** фазы коммунизма она обусловливает существование товарного производства и обмена.

Всенародная собственность в коммунистическом обществе также подлежит рассмотрению в **историческом** разрезе,— недостатком же анализа т. Козодоева является **метафизический**, **неисторический** подход к всенародной собственности. Он выделяет только то, что является **общим** для всенародной собственности при социализме и при коммунизме, не обращая внимания на то, что **отличает** всенародную собственность при социализме от всенародной собственности при коммунизме. Разумеется, есть общие коренные черты, но есть и особенности. Мы не говорим уже о той особенности всенародной собственности на первой фазе коммунизма, что она является государственной собственностью, тогда как на высшей фазе коммунизма, когда он победит в мировом масштабе, всенародная собственность сохранится, но перестанет быть государственной. Кроме того, есть и другая особенность всенародной собственности при социализме. Практикой социалистического строительства доказано, что на первой фазе коммунизма определенные элементы этой **всенародной** собственности **закреплены за отдельными** социалистическими предприятиями, которые сами используют средства производства и в определенных рамках, под контролем социалистического государства, распоряжаются ими. Спрашивается, **при наличии такой** всенародной собственности на средства производства, как может осуществляться экономическая связь между различными государственными предприятиями? Ясно, что экономическая связь между ними должна осуществляться именно **в товарной** форме, **посредством обмена** продуктов труда как товаров.

Но здесь встает вопрос о взаимоотношениях между товарным производством и хозрасчетом. У т. Козодоева есть такой мнимый аргумент против изложенной

точки зрения: вы, дескать, выводите товарное производство и закон стоимости при социализме из хозрасчета, между тем как сам хозрасчет подлежит выведению из закона стоимости.

На это можно возразить следующее:

Во-первых, почему надо принимать за аксиому, что хозрасчет следует выводить из товарного производства, из закона стоимости, объяснять его законом стоимости? Тов. Козодоев принимает это за аксиому, не подлежащую доказательствам. На самом деле это еще требует доказательств. Несомненно, что хозрасчет в социалистическом обществе основывается на **использовании** закона стоимости, но это еще не означает, что хозрасчет **объясняется** законом стоимости.

Во-вторых, почему нельзя выводить и закон стоимости, и хозрасчет не один из другого, а и то, и другое из единой общей основы, а именно из особенности труда при социализме как средства к жизни и связанной с этим необходимости материального стимулирования?

Изложение вопроса о необходимости товарного производства при социализме в статье т. К. В. Островитянова, опубликованной в журнале «Коммунист», мне представляется значительно более приемлемым, чем та концепция, которую предлагает т. Козодоев. Это не значит, что я абсолютно согласен со всеми положениями статьи т. Островитянова. Например, мне представляется излишним выпячивание личной собственности и трактовка ее как особой, самостоятельной причины существования товарного производства при социализме. Но что касается специфики государственной всенародной собственности на первой фазе коммунизма, которая отмечается и подчеркивается в статье т. Островитянова, то это — правильное положение. Действительно, всенародная собственность на первой фазе коммунизма имеет специфические черты, с которыми связано и наличие товарного производства.

Тов. Бачурин полемизировал с т. Островитяновым, ссылаясь на то, что здесь дело не в собственности, а в труде. Но если спор между тт. Козодоевым и Островитяновым выражает реальные и существенные расхождения во взглядах, то между тт. Бачуриным и Островитяновым едва ли имеются существенные разногласия по рассматриваемому вопросу. Оба признают, что про-

изводство не только предметов потребления, но и средств производства при социализме является товарным производством и что необходимость товарного производства нельзя объяснять только двумя формами социалистической собственности; оба признают, что труд при социализме есть средство к жизни и что необходима система материального стимулирования с использованием закона стоимости. Так что тут спор является в значительной мере только спором словесным.

Тов. Бачурин говорит, что второй причиной необходимости товарного производства при социализме (кроме двух форм социалистической собственности) является не характер самой государственной собственности в условиях социализма, а характер общественного труда как средства к жизни, требующего материального стимулирования. Но такое противопоставление одного другому, на наш взгляд, неправомерно. Ведь с указанным характером труда при социализме тесно связана и специфика государственной собственности, проявляющаяся в закреплении определенных ее элементов за отдельными государственными предприятиями, а уже эта специфика государственной собственности на первой фазе коммунизма непосредственно обусловливает товарные отношения внутри самого государственного сектора народного хозяйства.

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что точка зрения т. Козодоева по вопросу о товарном производстве при социализме не может быть признана убедительной и правильной.

А. Я. КОШЕЛЕВ

НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ СТАРЫХ КАТЕГОРИЙ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И НОВЫЕ ФУНКЦИИ ЗАКОНА СТОИМОСТИ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Товар при социализме перестал быть формой связи между отдельными производителями, но остается формой связи между коллективами производителей. Три функции закона стоимости при социализме.

Вот уже больше года происходят большие и малые дискуссии не только в Москве, но и в различных областных центрах по вопросу о том, являются ли средства производства товарами или нет, но все эти дискуссии ни на один сантиметр не продвинули экономическую науку вперед.

Составители учебника политэкономии, которые первые выдвинули тезис о необходимости пересмотра прежней трактовки этого вопроса, не представили никаких теоретико-экономических доказательств своего тезиса; они просто исходят из того, что отрицание товарного характера средств производства толкает практику к умалению товарно-денежных категорий, к умалению себестоимости, хозрасчета.

Социалистический способ производства не порождает товарного производства. Не из социалистических производственных отношений вытекает товарное производство. Сознательное регулирование социалистического общественного производства, основанного на общенародной и групповой форме собственности, необходимо предполагает использование исторически унаследованной товарно-стоимостной формы или формы товарно-денежных отношений, которые складывались тысячелетиями. И для того чтобы оценить особый характер товарно-денежных отношений при социализме, надлежит проводить строгое различие между содержанием экономиче-

ских процессов и их формой. Необходимо иметь в виду, что категории товарного производства при социализме коренным образом изменяются: они отражают другие экономические процессы, основанные на социалистической собственности.

Объективная обусловленность двух форм собственности при социализме означает наличие двух классов, между которыми регулярный обмен результатами хозяйственной деятельности возможен только на основе использования товарно-денежных форм.

Вместе с тем две формы собственности означают наличие двух видов общественного труда: труда работников государственных предприятий и труда работников колхозного сектора. Если анализировать эти два вида труда, то можно видеть, что они имеют и общие черты, и различия. В чем заключаются различия между этими видами труда с точки зрения общественного воспроизводства?

Труд работников государственного сектора есть в одно и то же время труд на себя и — в прямой форме — на общество, а труд работников колхозного сектора есть труд на себя и на колхоз. Как труд для всего общества последний выступает не как труд отдельного лица, а как труд работников коллектива (колхоза), в виде государственных закупок и пр.

Только анализ глубинных процессов общественного воспроизводства в целом может дать правильное представление о содержании товарно-денежных форм при социализме и их воздействии на производство. Сами по себе категории товарного производства, выхваченные из процесса воспроизводства и рассматриваемые отдельно от процесса воспроизводства, не могут быть по-настоящему познаны.

Между тем за последнее время в связи с обсуждением вопроса о товарной форме средств производства больше всего уделяют внимание не различиям между «содержанием экономических процессов и его формой», а внешнему сходству товарного производства при социализме с товарным производством вообще, сходству закона стоимости, действующего на основе частной собственности, с тем законом, который используется социалистическим государством, сходству товарной формы продукта, цены и прочих категорий товарного производства при социализме и до социализма.

Такой подход не может дать правильного решения вопроса. Характер общественного труда у нас другой, и, следовательно, экономическое содержание стоимости, цены, денег и других категорий, их функции и назначение совершенно иные. Все эти категории отражают иные экономические процессы.

В самом деле, в чем состоит политико-экономическое содержание товара в условиях частной собственности? Оно не сводится к смене собственников — эта смена происходит в сфере обращения. Оно состоит в том, что товар в условиях частной собственности является формой экономической связи частных, обособленных, разрозненных товаропроизводителей, посредством которой проявляется общественный характер частного труда, выявляется участие в общественном производстве и определяется доля в распределении материальных благ.

Применимо ли это к социализму? Нет!

При социализме участие в общественном производстве каждого работника государственного и колхозного сектора определяется непосредственно трудом.

Труд является мерой индивидуального участия каждого работника в общественном производстве, а отработанное время — мерой участия в распределении предметов потребления соответственно принципу распределения по труду.

Вот в этом смысле и надо понимать ленинское положение о том, что продукт социалистической фабрики перестает быть товаром, а не в том смысле, что Ленин исключал возможности использования товарно-денежной формы при социализме. Даже говоря о продуктообмене, Ленин считал возможным использовать при этом товарно-денежные отношения и говорил о необходимости укрепления денежной системы.

Так как товар перестал быть формой экономической связи между работниками социалистического хозяйства (я оставлю пока в стороне колхозную торговлю), то формула товарного обращения изменилась.

Работники государственных предприятий покупают, не продавая, т. е. не по формуле товар — деньги — товар, а по формуле деньги — товар, так как их зарплата есть общественно-трудовой паек, определяемый соответственно требованиям принципа распределения по труду.

Товар в условиях социализма не продукт частных

товаропроизводителей, а объединенных социалистических производителей — государственных предприятий, колхозов, промысловых артелей, — и в отношениях между ними он является формой экономической связи.

Связь социалистических предприятий через товарную форму необходимо предполагает использование стоимостных форм, посредством которых происходит соизмерение затрат общественно необходимого труда, материальное стимулирование, планомерное распределение и перераспределение национального дохода.

При этом стоимость, цена, деньги находятся на службе закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, выступают соответственно его требованиям, и сам закон планомерного развития на стадии социализма может проявлять свое действие посредством сознательного использования стоимостных форм.

Поскольку товарная форма является экономической связью между предприятиями в сфере отношений между государственным и колхозным сектором производства, то это естественно отражается и в связях предприятий внутри государственного сектора и внутри колхозного сектора.

Непосредственно общественный труд, овеществленный в продукте, производимом каждым социалистическим предприятием, должен выступать в двойственной форме. С одной стороны, это труд конкретный, выполняющий определенную общественно полезную производственную функцию в процессе создания потребительной стоимости продукта. Посредством конкретного труда определяется место работника в общественном производстве, его отношение к обществу, к другим людям, его общественное положение и его доля в распределении жизненных средств. Одним словом, работник как личность оценивается по его конкретному труду.

С другой стороны, каждая затрата конкретного труда представляет собой долю, частичку общественно необходимого рабочего времени, так как при создании совокупного общественного продукта социалистическое общество использует индивидуальные рабочие силы планомерно как одну общественную силу. Это расходование рабочей силы в качестве одинакового или абстрактного человеческого труда образует стоимость товаров. В отличие от абстрактного труда в условиях

частной собственности, абстрактный труд, образующий субстанцию стоимости при социализме, есть по существу непосредственно общественный труд, планируемый в масштабе всего общества в соответствии с требованиями закона планомерного пропорционального развития народного хозяйства.

В каждом продукте, в каком бы секторе он ни производился, овеществлена частица совокупного общественно необходимого труда, планомерно распределяемого между сферами и отраслями производства. Каждый продукт стоит обществу определенного рабочего времени. На производство каждого вида продукта, будь это средство производства или предмет потребления, затрачена часть общественно необходимого рабочего времени.

Нам кажется поэтому, что спор о том, являются ли средства производства товарами или не товарами, носит схоластический оттенок. Назовите как угодно, но факт остается фактом, что на производство средств производства и на производство предметов потребления затрачивается определенное количество общественно необходимого абстрактного труда, измеряемого общественно необходимым рабочим временем.

Каждый продукт совокупного общественного труда, будь это масло или нефть, машины или обувь, содержит определенную величину затраченного на его производство общественно необходимого труда. Эта затрата соизмеряется не в самой себе, а посредством денежной формы стоимости, в которой и проявляется абстрактный труд. Отсюда следует, что денежная единица — рубль в одинаковой степени дорог обществу как при производстве средств производства, так и при производстве предметов потребления.

Все сказанное ведет нас к заключению, что закон стоимости используется при социализме в трех главных направлениях. Он используется, во-первых, для целей планомерного регулирования соотношений между затратами труда на различные виды продукции в связи с необходимостью сознательно поддерживать пропорциональность между производством и потреблением, потреблением и накоплением.

Если утверждать, как это делают некоторые экономисты, что закон стоимости требует, чтобы цены на товары соответствовали общественно необходимым за-

тратам труда, то трудно объяснить, из каких соображений исходит государство, устанавливая, например, цену на 1 кг яблок, равную цене 8—10 кг печеного хлеба. Этого требует не закон эквивалентности, а необходимость планомерно, т. е. сознательно, поддерживать пропорциональность между производством, потреблением и накоплением. В этом и состоит использование закона стоимости.

Вторая область использования закона стоимости при социализме связана с системой соотношений в оплате труда различных профессий и видов труда в соответствии с принципом личной материальной заинтересованности в результатах труда.

Третья область использования закона стоимости связана с распределением и перераспределением национального дохода в соответствии с требованиями закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства.

Использование полезных для социализма возможностей, заложенных в законе стоимости, требует такой организации и управления общественным производством, которые позволяют быстро устранять недостатки в организации труда и зарплаты, в материальном стимулировании, специализации и кооперировании, материально-техническом снабжении и ценообразовании.

Использование товарно-денежной формы для сознательного регулирования общественного производства требует постоянного совершенствования форм управления народным хозяйством. Закон планомерного развития осуществляется через использование товарно-денежной формы и форм управления (мы считаем поэтому, что форма управления общественным производством является экономической категорией).

Используемые социалистическим государством старые категории товарного производства отражают, таким образом, новые экономические процессы. Поэтому положение о том, что от категорий капитализма сохранилась у нас главным образом форма, внешний облик, толкает исследователей к поискам лишь внешнего сходства, тогда как задача исследования закономерностей развития социалистической экономики состоит в раскрытии нового содержания экономических категорий и форм.

Н. А. ВЯЗЬМИН

ТОВАР, НЕ ЯВЛЯЮЩИЙСЯ ФОРМОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ СОБСТВЕННИКАМИ (ИНДИВИДУАЛЬНЫМИ ИЛИ ГРУППОВЫМИ), НЕ ЯВЛЯЕТСЯ В ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ ТОВАРОМ

Экономическая природа второстепенных форм товарных отношений в нашей экономике — отношений, связанных с наличием известного числа единоличных хозяйств крестьян и кустарей, с наличием подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих, с натуральной оплатой колхозников. Основные формы товарных отношений определяются двумя формами социалистической собственности на средства производства. Товарные отношения между государством и рабочими и служащими как товарные отношения особого рода. Экономические отношения между государственными предприятиями не являются в политико-экономическом смысле товарными отношениями.

Продукты производства являются товарами только потому, что с ними связаны отношения самостоятельных, в известной мере обособленных, производителей — собственников средств производства и обмениваемых продуктов.

Товарное производство есть производство продуктов, осуществляемое обособленными производителями (частными или коллективными) не для удовлетворения собственных потребностей, а для обмена на продукты, произведенные другими. К товарному производству ведет не всякое, а только такое разделение труда, которое обусловлено отношениями собственности на средства производства. Непременным условием существования товарного производства является разделение труда между различными собственниками средств про-

изводства. Товарного производства нет там, где есть разделение труда, но нет разных собственников средств и продуктов производства. Товарного производства нет и там, где есть различные собственники средств производства, но нет разделения труда между ними.

Таким образом, товар — это общественно полезная вещь, т. е. потребительная стоимость, в которой воплощен человеческий труд и которая обменивается на другой продукт труда, а потому и служит формой выражения определенных производственных отношений, а именно — отношений между различными производителями, обособленными друг от друга в качестве собственников средств производства и, соответственно, продуктов своего производства.

Три момента характеризуют любую сделку куплипродажи:

а) отчуждение продукта, т. е. смена собственности на него;

б) соблюдение при этом необходимой эквивалентности;

в) опосредствование этой смены собственности деньгами.

После этой самой общей и краткой характеристики товара, товарного производства и отношений куплипродажи перейдем к характеристике товарных отношений при социализме.

Построение социалистического общества в СССР показало, что может существовать и действительно существует товарное производство, основанное на общественной собственности на средства производства. И в данном случае налицо необходимая предпосылка существования любой формы товарного производства: разделение труда между обособленными производителями. Значит, общая характеристика товарного производства как формы экономических, производственных отношений между обособленными производителями имеет силу и для социалистического товарного производства. Но в отличие от прошлых форм товарного производства социалистическое товарное производство объединяет процессы разделения труда и вытекающего из него обмена не между отдельными лицами, а между коллективами социалистически объединенных производителей.

Имеются ли в настоящее время в СССР товарные отношения в прежнем политико-экономическом смысле? Да, они имеются, они полностью еще не изжиты. Такие товарные отношения имеют место между хозяйствами (а их около 100 тысяч) единоличных крестьян и кустарей. Одновременно надо подчеркнуть, что в отношениях между единоличниками, с одной стороны, и социалистическим государством, с другой, нет товара в прежнем политико-экономическом смысле, а именно как выражения отношений двух частных производителей. То же надо сказать и о товарных отношениях единоличника с кооперативно-колхозными предприятиями.

Все товарные отношения, обусловленные существованием в СССР мелкого частного производства, отомрут в ближайшее время, так как отомрет это производство.

В современных условиях СССР имеется далее форма товарных отношений, обусловленная частичной товарностью подсобного хозяйства. Во многих случаях подсобное хозяйство колхозников, рабочих и служащих имеет в какой-то мере товарный характер: часть его продукции продается, поступает в обмен на другие продукты. Но поскольку подсобное хозяйство принципиально отличается от мелкого частного хозяйства единоличников крестьян и кустарей, постольку и товарные отношения, обусловленные его наличием, отличаются от товарных отношений, обусловленных наличием мелкого частного производства. Вместе с тем эта форма товарных отношений отличается и от товарных отношений, возникающих на основе общественной собственности на средства производства. В дальнейшем, по мере роста общественного производства, постепенно отомрет частичная товарность подсобного хозяйства, значит не будет и этой формы товарных отношений.

Надо отметить и наличие в СССР в современных условиях особой формы товарных отношений, обусловленной порядком распределения доходов в колхозах. Как известно, в настоящее время в колхозах при распределении натуральных доходов по трудодням часть колхозников получает продуктов больше, чем это необходимо для их личного потребления и для их подсобного хозяйства. Этот «избыточный» продукт поступает в обмен на продукты других товаропроизводите-

лей. Если в дальнейшем колхозники вместо этой «излишней» (в натуральной форме) части продукции будут получать от колхозов деньги, т. е. цену этой части продукции, то данная форма товарных отношений отпадет.

Как видим, такая форма товарных отношений коренным образом отличается от товарных отношений между частными производителями. Отличается она и от товарных отношений, обусловленных наличием некоторой товарности подсобных хозяйств. Эта форма товарных отношений целиком основана на социалистической, общественной собственности на средства производства.

Перейдем теперь к рассмотрению основных форм товарных отношений, обусловленных исключительно существованием двух форм общественной собственности на средства производства.

Колхозно-кооперативная собственность на средства производства обусловливает обособленность коллективов социалистически объединенных работников один от другого. Эта экономическая обособленность производственных кооперативов при наличии разделения труда создает неизбежность обмена между ними. Обмен продукции одного производственного кооператива на продукт другого кооператива есть товарный обмен.

В связи с этим надо подчеркнуть, что внутри данного кооперативно-колхозного предприятия, каких бы размеров оно ни достигало, продукт не является товаром. Фураж, семена, продовольствие, строительные материалы и другие продукты, произведенные и расходуемые внутри данного хозяйства, не являются товарами. Не являются товарами и продукты, распределяемые по трудодням среди колхозников, а также продукты, идущие в счет натуральной оплаты за работу МТС. Это, конечно, не означает, что не должны учитываться издержки производства всей, а не только товарной продукции колхозов. При исчислении издержек производства каждой единицы товарной продукции колхоза должны учитываться (и притом в денежной форме) и расходы на семена, фураж и пр., хотя эти продукты и не являются товарами.

Кооперативно-колхозные предприятия, как различные коллективные собственники средств производства,

не только обособлены друг от друга, но в известной степени обособлены и от всенародного сектора производства. Между всенародными (государственными) предприятиями есть некоторое обособление в силу их оперативно-хозяйственной самостоятельности, но нет обособления как различных собственников средств производства. В отличие от этого любое кооперативно-колхозное предприятие обособлено от государственных предприятий и от других кооперативно-колхозных предприятий как особый групповой собственник средств производства. Поэтому при наличии разделения труда между всенародным сектором хозяйства и кооперативно-колхозными предприятиями между ними необходим обмен продуктами как товарами. В этом обмене товаром является любой продукт, будь то средство производства или предмет потребления. Эти товары есть выражение экономических, производственных связей всенародного социалистического сектора с коллективным, групповым социалистическим предприятием. Это не товар в прежнем политико-экономическом смысле, но все же еще товар, а именно — товар социалистического производства.

Таковы, коротко, две основные формы товарных отношений при социализме: 1) между государственным сектором производства и кооперативно-колхозными предприятиями и 2) между различными кооперативно-колхозными предприятиями.

Во всех этих формах товарных отношений мы видим, в конечном счете, продажу товара ради покупки другого товара по формуле товар — деньги — товар. Каждый из этих собственников средств производства выступает и как продавец, и как покупатель: он является покупателем чужого продукта только потому, что до этого был продавцом своего собственного продукта.

Но в условиях социализма есть такая форма экономических отношений, в которой одна сторона постоянно выступает только в качестве продавца товаров, а другая — только в качестве их покупателя. Следовательно, между этими сторонами нет отношений товарного обмена по формуле Т — Д — Т, нет взаимного отчуждения продуктов, нет обмена продуктами как товарами.

Речь идет о взаимоотношениях между всенародным сектором хозяйства и его работниками — рабочими и

служащими. В сфере обращения этот сектор по отношению к своим работникам всегда выступает только как продавец продуктов, а эти работники — только как покупатели. Следовательно, здесь нет отношений разных собственников средств производства.

В бесклассовом социалистическом обществе, основанном на единой всенародной собственности на средства производства, имело бы место прямое, непосредственное, безденежное распределение по труду. А в современных условиях СССР, при наличии товарного производства, распределение по труду в государственном секторе должно осуществляться обязательно при помощи денег. Денежная форма распределения по труду — не причина, а результат товарного производства при социализме. Рабочие и служащие ничего не продают государству, они не выступают как продавцы, их денежные доходы — не результат продажи произведенного ими продукта. Этот продукт производится за счет и в интересах всего общества, он — всенародная собственность. Но вместе с тем этот продукт из всенародной собственности переходит в личную собственность рабочих и служащих путем купли-продажи. Следовательно, в этом случае можно говорить о социалистических товарных отношениях особого рода.

Рассматриваемые отношения между всенародным сектором производства и его работниками являются товарными, так как в данном случае имеет место продажа-купля со всеми характерными для нее чертами. Но в то же время эта продажа-купля, переход продуктов из общенародной собственности в личную собственность не выражает отношений разных собственников средств производства.

Если все ранее рассмотренные формы продажи-купли есть товарные отношения разных собственников средств производства, то подобных отношений нет в сделках продажи-купли между государственным сектором хозяйства и его работниками. Именно в силу этого обстоятельства об этих отношениях и надо говорить как о социалистических товарных отношениях особого рода.

Из всего сказанного следует, что отношения товарного обмена, в их точном смысле, имеют место только

между разными собственниками средств производства и, соответственно, продукции производства.

Никто сам с собой продуктами обмениваться не может. Никто сам с собой вступать в товарные отношения не может. Поэтому движение продуктов (будь то средства производства или предметы потребления, это безразлично) внутри всенародного сектора производства нельзя рассматривать как отношения товарного обмена, хотя бы и особого рода, как их некоторые называют.

Всенародный сектор производства является товарным только в той мере, в какой его продукция, во-первых, идет в обмен на продукцию кооперативно-колхозных предприятий, единоличников и подсобного хозяйства, во-вторых, идет в обмен за границу и, в-третьих, вступает в порядке купли-продажи в личную собственность работников этого же сектора.

Все экономисты признают, что колхозное производство является товарным только в той степени, в какой его продукция путем купли-продажи поступает в распоряжение государства, других кооперативно-колхозных предприятий и отдельных граждан. Все признают, что продукт, произведенный в колхозе и в нем же израсходованный, не является товаром. Но многие экономисты не хотят согласиться с положением, что продукт, произведенный в государственном секторе и в нем же потребленный, не является товаром.

Обмен товаров — это форма производственных связей между обособленными производителями, между собственниками обмениваемых продуктов. Нет товарного обмена там, где движение продукта не выражает отношений разных собственников (частных или коллективных).

Когда марксисты говорят о товаре и его стоимости, то они имеют в виду следующее: а) в данном общественно полезном продукте, в данной потребительной стоимости воплощен труд; продукт — результат труда; где нет воплощенного труда, там нельзя говорить о стоимости; б) эти затраты труда сведены к общественно необходимым затратам; в) эти затраты труда измеряются не непосредственно в рабочем времени, а окольным путем через приравнивание данного продукта к другим продуктам и, в конечном счете, к деньгам; г) данный продукт является товаром и имеет стоимость

только потому, что он обменивается на продукты, созданные другими товаропроизводителями. Значит, стоимость не просто овеществленный в продуктах труд и не только денежное выражение общественных издержек производства, но и выражение определенных общественных отношений — отношений между разными собственниками. Только все четыре указанных момента, взятые в целом, характеризуют стоимость как выражение определенных общественных отношений, а именно — отношений между разными собственниками средств производства. А для экономического отличия товара от продукта в современных условиях СССР особое значение имеет четвертый момент: обмен продуктами между разными собственниками.

Отрицание товарной формы продуктов внутри государственного сектора не означает отрицания необходимости использования товарно-денежных отношений. Попутно отмечу, что сфера товарно-денежных отношений шире, чем сфера товарного обмена. Деньги и денежные отношения используются и там, где нет отношений продажи-купли товаров (выдача заработной платы, пенсий, пособий, стипендий и пр.).

Чтобы показать несостоятельность трактовки продуктов, производимых государственным сектором и в нем потребляемых, как товаров, приведем два примера.

Допустим, что имеется несколько капиталистических предприятий: железный рудник, угольная шахта, электростанция, чугуно- и сталелитейные заводы и завод стального проката. Если они являются собственностью различных капиталистов, то отношения между ними товарные. Представим себе, что в силу каких-то условий эти предприятия стали собственностью одного капиталиста или одного треста. Товарных отношений между этими предприятиями не существует, хотя расчеты между ними осуществляются в денежной форме, хотя учет издержек и результатов производства на каждом из этих предприятий ведется в денежной форме. Товарных отношений здесь нет потому, что эти предприятия — собственность одного хозяина.

Теперь допустим, что все эти предприятия оставались собственностью разных капиталистов до самого момента социалистической революции, до национализации, которая превратила их в собственность социали-

стического государства. Сохраняются ли товарные отношения между этими предприятиями или нет? Сторонники критикуемой нами точки зрения говорят: если эти предприятия на самостоятельном балансе, на хозяйственном расчете, то товарные отношения между ними имеются, если же каждое из этих предприятий является только частью единого комбината и хозрасчетных прав не имеет, то товарных отношений нет.

Эти товарищи забывают, что товарные отношения — это нечто объективное. Товарные отношения — форма выражения экономических отношений между людьми. Они не могут возникать, исчезать и изменяться в зависимости от организационно-хозяйственных форм управления всенародными предприятиями. Товарные отношения нельзя выводить из организационно-хозяйственных моментов.

Другой пример. Если одно всенародное предприятие было разделено на два-три более мелких предприятия, которые переведены на хозяйственный расчет, то отношения между ними нам предлагают рассматривать как товарные. Выходит, что товарные отношения возникают в результате разукрупнения. И наоборот, если два-три всенародных предприятия объединяются в одно, то товарных отношений между ними больше уже не существует. И опять получается, что товарные отношения не есть нечто объективное: они зависят от организационных форм управления всенародными предприятиями.

Чтобы доказать товарный характер продуктов, циркулирующих внутри всенародного сектора хозяйства, некоторые товарищи ссылаются на наличие в нем разных «распорядителей» или «пользователей». Они признают, что нет смены собственника на эти продукты, но говорят о смене «распорядителей» или «пользователей». Таким образом, товарные отношения между всенародными предприятиями выводятся из их оперативно-хозяйственной самостоятельности. Но ведь оперативно-хозяйственная самостоятельность всенародных предприятий будет и при коммунизме! Значит, товарные отношения приходится «выводить» не вообще из оперативно-хозяйственной самостоятельности, а из ее специфических черт, характерных для современных социалистических, а не для коммунистических всенародных

предприятий. Но в чем специфика оперативно-хозяйственной самостоятельности социалистических всенародных предприятий в современных условиях? Она заключается, во-первых, в использовании принципа материальной заинтересованности и, во-вторых, в использовании товарно-денежных отношений. Именно этим современная оперативно-хозяйственная самостоятельность всенародных предприятий отличается от их будущей оперативно-хозяйственной самостоятельности при коммунизме. Из этой современной оперативно-хозяйственной самостоятельности всенародных предприятий нельзя вывести необходимость товарных отношений между этими предприятиями. Ссылка на использование товарно-денежных отношений означала бы вращение в порочном кругу. А ссылка на использование принципа материальной заинтересованности означает ссылку на необходимость распределения по труду; она «отправляет» нас к распределению по труду, к уже раскритикованной «распределенческой» концепции.

Попутно надо отметить, что те, кто «выводит» товарные отношения из распределения по труду или, иными словами, из необходимости перехода предметов потребления из общественной собственности в личную собственность, в равной степени могут «выводить» их и из уравнительного распределения.

В докладе т. Козодоева указывалось, что в определенном смысле можно и следует говорить о стоимости продуктов, не являющихся товарами. С этим положением надо согласиться. С ним согласны все, когда речь идет о «стоимости» семян, фуража и других продуктов, произведенных и используемых внутри данного кооперативно-колхозного предприятия. Но многие возражают против этого положения, когда речь идет о продукте, циркулирующем внутри единого всенародного сектора хозяйства, о продукте, который так же по существу не является товаром, как и продукт, циркулирующий внутри кооперативно-колхозного предприятия.

В колхозах и нетоварная часть продукции должна оцениваться в денежной форме. Существование товарного производства ведет к тому, что и нетоварная часть продукции всенародного сектора хозяйства также оценивается в денежной форме. В этом смысле мы и говорим о «стоимости» нетоварной части продукции как

колхоза, так и всенародного сектора производства. Об этих продуктах, не являющихся по существу товарами, мы можем сказать: а) в них, как и в других общественно полезных продуктах, воплощен труд, они — результаты труда; б) затраты этого труда сведены к общественно необходимым затратам и в) эти затраты труда выражены не непосредственно в рабочем времени, а окольным путем — в денежной форме. Значит, только в этом смысле и можно говорить о «стоимости» этих продуктов. Чтобы какой-либо продукт действительно стал товаром, необходимо его отчуждение путем купли-продажи. Таково единство и различие между продуктами, являющимися товарами, и продуктами, не являющимися товарами, но произведенными при наличии товарного производства.

Закон стоимости выражает определенные существенные свойства явлений и процессов экономической жизни; а именно — производства и обращения товаров. Значит, использование закона стоимости возможно только при использовании этих экономических явлений и процессов. Нельзя видеть использование закона стоимости в повышении заработной платы той или иной группе работников или в повышении пенсий. Нельзя также утверждать, что закон стоимости обусловливает экономию труда. Повышение заработной платы или пенсий не обусловлено законом стоимости. Неуклонное повышение производительности общественного труда также не обусловлено законом стоимости. Реализация требований экономических законов социализма очень часто связана с использованием товарно-денежных отношений. Но не всякое их использование есть использование закона стоимости.

А. И. ЮДКИН

ТОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И НЕПОСРЕДСТВЕННО ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Причиной сохранения товарно-денежных отношений является наличие остатков старого общественного разделения труда, порождающих известную экономическую обособленность производителей — отдельных работников и коллективов.

Спор экономистов относительно исторического рубежа превращения товарного производства в нетоварное не может привести к положительному решению проблемы до тех пор, пока будет оставаться в тени вопрос, что понимать под «нетоварным производством», идущим на смену товарному. Многие экономисты фактически исходят из того, что «нетоварное производство» — это такое производство, где учет труда осуществляется прямо в рабочем времени, в часах. Тем самым центр внимания переносится с сущности исторической формы производства на ее внешнюю сторону, на форму учета труда (косвенная или прямая форма). Но такое понимание идет вразрез с марксистской методологией, которая требует исходить прежде всего из существенных, а не поверхностных определений формы. Существенным определением товарного производства является противоречие частного и общественного труда, в силу которого производственные отношения людей выступают как независимые от них и господствующие над ними отношения вещей. Формой, противоположной товарному производству, является **непосредственно общественное производство,** в котором противоречие частного и общественного труда отсутствует и производственные отношения людей выступают как сознательно организуемые, не опосредствованные вещами, отношения, — какая бы форма учета труда при этом ни использова-

лась. Ясно, что превращение товарного производства в непосредственно общественное производство уже совершилось, хотя и не завершилось полностью. Новая общественная форма еще содержит в себе элементы старой формы. Но качественный скачок произошел, и этого факта никто не может отрицать.

Товарная форма есть абстрактная и наиболее общая форма капиталистического способа производства. Что же касается коммунистического способа производства (включая и его низшую фазу), то его абстрактной и наиболее общей формой является непосредственно общественная форма производства, а не товарная форма.

К. В. Островитянов говорит, что прогноз основоположников марксизма относительно ликвидации товарного производства при социализме не оправдался. Это верно лишь постольку, поскольку речь идет о конкретных формах хозяйствования и учета труда. Социализм, действительно, не отбросил старые товарно-денежные формы, а приспособил их к своим потребностям и использует для разрешения некоторых свойственных ему противоречий. Но классики марксизма и не собирались давать конкретные рецепты хозяйствования будущему социалистическому обществу. Для них важно было показать лишь самые существенные черты нового способа производства, который идет на смену капитализму. И в этом их прогноз полностью оправдался: социалистическое производство по своему существу является непосредственно общественным производством, а не товарным.

Конечно, полная ликвидация остатков товарных отношений — дело будущего. Товарно-денежные формы у нас сохраняются и играют еще очень важную роль. Это не просто «призраки» и не просто технические формы учета. Но они утратили свое самостоятельное значение. Из господствующих они превратились в подчиненные, из определяющих — в обслуживающие, из форм, организующих производственные отношения, — в формы, сознательно применяемые на базе непосредственно общественных производственных отношений.

Социалистическое производство не подчинено меновой стоимости. Наоборот, сама «меновая стоимость» подчинена социалистической цели производства, стала средством совершенствования производства потреби-

тельных стоимостей и наилучшего удовлетворения потребностей трудящихся. Можно ли производство, не подчиненное меновой стоимости, производство, в котором закон стоимости, этот основной закон товарного производства, утратил свое главное специфическое содержание и лишь обслуживает осуществление законов непосредственно общественного производства, — можно ли такое производство называть товарным по существу?

В нашей практике, как известно, бывают такие случаи, когда отдельные предприятия в погоне за прибылью нарушают плановый ассортимент. В этих случаях, между прочим, товарные формы из подчиненных превращаются в определяющие (на какой-то момент). Меняется, извращается цель социалистического производства, и на этот момент производство становится товарным. Но, как известно, такие случаи не являются в нашей жизни закономерными.

До сих пор мы не касались особенностей положения колхозов в социалистической экономике. Некоторые товарищи могут сказать, что колхозы являются, очевидно, товарными хозяйствами по существу, а в силу этого и все общественное производство становится товарным. Правильно ли это мнение?

Нельзя не согласиться с тем, что наличие обособленных (в известной мере) кооперативных хозяйств является важным фактором, обусловливающим сохранение товарно-денежных форм в социалистической экономике. Роль этих форм во взаимоотношениях общества с колхозами очень значительна, и было бы грубейшей ошибкой недооценивать их. Однако было бы еще более грубой ошибкой утверждать, что взаимоотношения общества (государства) с колхозами являются товарными по существу, т. е. однотипными с отношениями независимых друг от друга частных собственников. Колхозы, несмотря на известную обособленность, являются членами единого общенародного коллектива, и определяющей (преобладающей) формой их отношений с обществом являются непосредственно общественные отношения.

В нашей экономической литературе очень часто колхозное производство рассматривается просто как групповое производство. Тем самым специфически социалистическая форма кооперативного хозяйства сводится к

бессодержательной абстракции, в которой она легко может быть отождествлена с частным производством. И такое отождествление фактически проводится, когда утверждают, что колхозное производство обобществлено **только в пределах данной артели.** Иначе говоря, за пределами данной артели, в своих, так сказать, внешних сношениях колхозы выступают как **частные** хозяйства и противостоят общенародному производству. Таким путем можно, конечно, сконструировать противоречие частного и общественного труда при социализме и прийти к отрицанию непосредственно общественного характера социалистического производства.

Нет надобности доказывать, что такое толкование извращает суть дела. Общественная форма коллективных хозяйств определяется господствующими в данном обществе производственными отношениями. Колхозы являются социалистической формой кооперативного хозяйства, так как они включены в единую систему социалистических производственных отношений и находятся под ведущим воздействием всенародной социалистической собственности (занимающей ключевые позиции в народном хозяйстве), под экономическим и политическим руководством рабочего класса и социалистического государства. В этих условиях коллективные хозяйства становятся переходной формой к всенародному производству и не могут противостоять последнему как частные хозяйства, ведущиеся изолированными, независимыми от общества коллективами. Общество сознательно регулирует и направляет развитие колхозного производства в соответствии с единым народнохозяйственным планом, обеспечивает единство цели государственного и колхозного производства. Закон стоимости утратил определяющую роль в колхозном производстве. Все это означает, что колхозное производство обобществлено **в масштабе всего народного хозяйства,** хотя степень этого обобществления **ниже,** чем в государственном секторе.

Итак, непосредственно общественная форма производства является определяющей формой во всем народном хозяйстве, включая и кооперативно-колхозный сектор производства. Товарная форма производства уступила место новой общественной форме, которая уже утвердилась, но еще не получила полного и всесторон-

него развития и потому нуждается в элементах старой товарной формы.

То, что было сказано относительно производства и его общественной формы, целиком относится и к продуктам производства. Продукт непосредственно общественного производства есть прежде всего **непосредственно общественный продукт.**

Если признать, что продукты социалистического производства являются товарами в политико-экономическом смысле, то это означало бы признать, что социалистические производственные отношения, отношения по производству и распределению материальных благ, целиком овеществляются в продукте. Это значило бы также, что товарный обмен является единственной или по крайней мере главной формой связи между отдельными производителями. А отсюда неизбежное следствие, что продукт должен господствовать над производителем, т. е. надо признавать товарный фетишизм. Но ни то, ни другое, ни третье не соответствует нашей действительности.

Социалистический продукт, так называемый товар, утратил главный, коренной экономический признак товара: он перестал быть продуктом непосредственно частного труда. Ликвидация противоречия частного и общественного труда означает также, что и стоимость утратила свое главное специфическое качество, и именно в силу этого она перестала быть регулятором производства. Но из этого следует, что наши товары — и средства производства, и предметы потребления — в основном, в главном перестали быть товарами, превратились в непосредственно общественный продукт, в непосредственно общественную потребительную стоимость.

К. В. Островитянов отрицает такое превращение. Он говорит, что «эволюция товаров в продукт» еще не началась, что это дело будущего. С этим утверждением нельзя согласиться.

1. Превращение товара в непосредственно общественный продукт не только началось, но уже в основном **совершилось**. Остатки старых противоречий труда, заключенного в продукте, и сохранение элементов товарной формы не могут поколебать этого основного факта.

2. Превращение товара в непосредственно общест-

венный продукт, как и превращение товарного производства в непосредственно общественное производство,— это не «эволюция», а **революционное преобразование** экономики, осуществленное социалистической революцией. Лишь на базе этого революционного переворота, утвердившего новую общественную форму производства и продукта, может происходить эволюционное преодоление остатков старой товарной формы по мере развития и совершенствования непосредственно общественных производственных отношений. Но это уже не «эволюция товара в продукт», а эволюция непосредственно общественного продукта с элементами товарной формы в «чистый» непосредственно общественный продукт.

Спор экономистов носит в известном смысле терминологический характер. Все согласны с тем, что наш «товар» не является товаром в обычном понимании. Но при этом одни считают, что продукт остается товаром по существу до тех пор, пока он сохраняет хотя бы малейшие следы товарной формы. Другие же считают, что продукт в основном перестал быть товаром, раз он утратил наиболее существенное качество товара, приобрел новую общественную форму и сохраняет лишь некоторые черты сходства с товаром. Нам представляется, что именно такое понимание соответствует марксистской методологии, марксистскому принципу историзма и качественного подхода к экономическим формам.

Конечно, это еще не означает, что настало время отказаться от употребления (применительно к социалистической экономике) таких понятий, как товар, стоимость, деньги и т. д. Без этих категорий мы не можем обойтись ни в теории, ни в хозяйственной практике, так как в них еще содержатся реальные моменты социалистических производственных отношений, имеющие черты сходства со специфическими отношениями в товарном хозяйстве. Эти моменты играют существенную роль в развитии социалистического производства и должны всесторонне изучаться и использоваться в интересах строительства коммунизма.

В последнее время среди экономистов идет спор по поводу исходного пункта при объяснении сохранения товарных отношений при социализме. Одни доказывают,

что надо исходить из отношений собственности, другие — из характера труда. Нам представляется, что этот спор лишен основания. Для всякого, кто стоит на позициях марксизма, должно быть ясно, что необходимо исходить из отношений собственности. Однако это правильное положение является вместе с тем совершенно абстрактным, ибо отношения собственности — это совокупность всех общественных отношений по производству, обмену и распределению материальных благ. Поэтому сказать таким образом — значит сказать очень неопределенно. Сами отношения собственности необходимо рассматривать по ступеням, пользуясь Марксовым методом восхождения от абстрактного к конкретному. И простейшим понятием, характеризующим отношения собственности в данном обществе, является как раз общественный характер или общественная форма труда.

При социализме труд носит непосредственно общественный характер. В этой форме труда выражается, с одной стороны, общественный характер процесса производства (результат развития крупного машинного производства и переворота в общественном разделении труда), а с другой стороны — общественная собственность на средства производства и продукты труда. Непосредственно общественный труд как таковой исключает товарные отношения, поскольку последние предполагают противоречие частного и общественного труда. Следовательно, если бы характеристика труда при социализме ограничивалась тем, что труд является непосредственно общественным (в своей развитой форме), то мы не нашли бы никаких оснований для существования товарных форм. Однако следует внимательнее присмотреться к общественному характеру труда при социализме: нет ли здесь в самом непосредственно общественном труде остатков, пережитков прежних противоречий труда, характерных для товарного производства?

Крупное машинное производство совершает переворот в общественном разделении труда, в результате которого частная собственность изживает себя. Однако этот переворот охватывает целую историческую эпоху. Капиталистическая форма производства находится в конфликте с этим переворотом и постоянно закрепляет

старое разделение труда. Поэтому **завершение** переворота в общественном разделении труда неизбежно выпадает на долю социализма, пришедшего на смену капитализму. Таким образом, при социализме еще сохраняются **многочисленные остатки** (пережитки) старого общественного разделения труда, порождавшего экономическую обособленность производителей.

Завершение переворота в общественном разделении труда предполагает прежде всего превращение сельского хозяйства в отрасль крупной машинной индустрии, а сельскохозяйственного труда — в разновидность индустриального труда. Социализм успешно решает эту задачу, осуществив кооперирование мелких крестьянских хозяйств и всемерно развивая техническую базу сельского хозяйства. Но для полного решения этой задачи требуется время, а пока что сохраняется существенное различие между промышленностью и сельским хозяйством, выраженное в существовании обособленных (в известной степени) кооперативных хозяйств в нашей деревне. Эта обособленность порождает известное противоречие между трудом колхозным и общественным трудом. Разумеется, это противоречие не является противоречием частного и общественного труда, однако оно сохраняет некоторую преемственную связь с последним. Отсюда возникает необходимость в сохранении товарных форм обмена.

Но у нас имеют место и другие остатки старого общественного разделения труда: существенные различия между умственным и физическим трудом, сложным и простым трудом, легким и тяжелым трудом и т. д., а также узкий профессионализм. Эти остатки свойственны и государственному, и кооперативно-колхозному секторам производства. С ними связано существование определенных «экономических разновидностей» людей, существование различных социальных слоев и групп населения. Наличие этих остатков необходимо порождает (на базе общности коренных интересов) некоторую экономическую обособленность производителей — как отдельных работников, так и коллективов. Сохраняется известное противоречие между трудом отдельных работников и общественным трудом, а также между трудом отдельных коллективов и общественным трудом. Значение этого противоречия видно из того,

какую огромную важность и актуальность имеют вопросы правильного сочетания материальных интересов личности, производственного коллектива и общества.

Работники рассматривают свой труд как средство к жизни, т. е. как труд, рассчитанный на вознаграждение (некоторые экономисты незаконно смешивают эту историческую характеристику труда с трудом как вечным условием существования общества). Это обстоятельство требует сохранения в отношениях общества с его членами принципа товарного производства — обмена эквивалентами (известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой форме, за вычетом в пользу общественных фондов). В этом обмене труд выступает не только как конкретный полезный труд, но и как экономическое отношение и сохраняет некоторые черты абстрактного труда, свойственного товарному производству: качественные различия разных видов труда сводятся к количественным различиям однородного труда. Но поскольку сохраняются различия между конкретным и абстрактным трудом, последний должен получить свое самостоятельное выражение и свою особую меру, отличную от естественной меры труда. Такой самостоятельной формой и является форма стоимости.

Все эти пережитки старых противоречий труда, если ограничиться рамками государственного производства, с политико-экономической точки зрения кажутся недостаточными для доказательства необходимости товарного производства. Но надо иметь в виду, что речь идет не о возникновении и развитии товарного производства, а только об использовании старых товарно-денежных форм, **лишенных своего главного качественного содержания.** Вопрос о необходимости сохранения таких товарно-денежных форм могла решить только практика, и практика этот вопрос решила. Историческая практика строительства социализма в СССР доказала, что старые товарно-денежные формы, лишенные своего главного качественного содержания и сознательно применяемые обществом, представляют собой полезную, гибкую форму разрешения указанных противоречий в интересах общества, гибкую форму материального стимулирования рационального ведения хозяйства.

Таким образом, товарная форма, превращенная в подчиненную внешнюю форму, играет важную, существенную роль не только в обмене между государством и колхозами, но и во всем народном хозяйстве. В обмене государства с колхозами эта форма играет и особую роль, поскольку она связана с взаимоотношениями двух классов социалистического общества — рабочего класса и крестьянства. В этой области товарные отношения имеют большое политическое значение.

Б. М. МОЧАЛОВ

ВЫДЕЛЕНИЕ ТОГО ИЛИ ИНОГО ОТДЕЛЬНОГО ПРИЗНАКА ТОВАРА В КАЧЕСТВЕ ВСЕРЕШАЮЩЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТОВАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВЕДЕТ К ЗАБЛУЖДЕНИЯМ

Единство процесса социалистического воспроизводства, включающего в себя общественное разделение труда и наличие двух форм собственности, неизбежно приводит к проникновению товарно-денежных отношений и во внутрь государственного сектора. Экономические связи между государственным сектором и кооперативно-колхозным — центральное звено товарных отношений в социалистическом обществе.

Товарным отношениям при социализме присущи особые черты. Однако прежде всего необходимо выяснить, почему вообще сохраняется товарное производство при социализме.

Поскольку разделение труда связано со специализацией орудий труда, развитие которой практически безгранично, постольку безгранично и само разделение труда. С развитием производительных сил неизбежно углубляется дифференциация общественного труда. При социализме благодаря плановому руководству со стороны общества разделение труда идет быстрее, шире и дальше, чем прежде. Появились новые отрасли производства, идет дальнейшее расщепление старых производств, осваиваются ранее неизвестные природные ресурсы, быстро осваиваются прежде неиспользованные ресурсы все новых и новых районов СССР.

В 1914 г. в России было 189 отраслей промышленного производства. Машиностроение — костяк современной промышленности — было представлено 5—6 отраслями с универсальными предприятиями. Так, например, Сормовский завод производил свыше 100 различных типов

изделий, Путиловский завод изготовлял почти все виды металлических изделий.

В СССР, согласно проведенной ЦСУ в 1944 г. классификации производств, имелось уже 290 отраслей промышленности, а по современной классификации в стране насчитывается более 300 отраслей промышленного производства, в том числе более 40 отраслей машиностроения, примерно 25 отраслей текстильного производства и т. д.

Наряду с разделением труда при социализме сохраняется и определенное обособление производителей, связанное с существованием двух форм социалистической собственности.

Государственный сектор народного хозяйства, занимающий ведущее место в экономике СССР, сосредоточивает в себе 90% всех производственных фондов, более 200 тыс. крупных и мелких промышленных предприятий, 5800 совхозов, РТС и МТС, подавляющую часть средств транспорта, около 224 тыс. торговых предприятий. С другой стороны, 78 тыс. колхозов, потребительская и промысловая кооперация ведут свои хозяйства на кооперативных началах.

Обмен продуктов между различными социалистическими собственниками происходит в форме движения товаров и выражает экономические связи между двумя формами социалистической собственности. Труд работников в социалистическом хозяйстве, хотя он и является непосредственно общественным, сохраняет еще известную социальную неоднородность в виде разной степени зрелости непосредственно общественного труда в колхозе и на государственной фабрике. Обмен товаров между всеми социалистическими собственниками характеризуется неизменным соблюдением принципа возмездности обмена.

Общественное разделение труда и социальное обособление собственности производителей сочетаются в нашей экономической действительности с рядом других, непосредственно связанных с ними признаков товарных отношений. Учет влияния каждого из этих признаков обязателен при объяснении необходимости и существа товарного производства при социализме. Неверно было бы при обосновании необходимости товарного производства и закона стоимости в условиях социализма противопостав-

лять друг другу отдельные признаки товарных отношений, как иногда делают некоторые экономисты.

Товарное производство при социализме имеет весьма существенные особенности в сравнении с предшествующими социализму историческими ступенями развития товарных связей.

В социалистическом обществе впервые в истории стало возможным не стихийное, а планомерное развитие производства. Тем самым оказалась утраченной такая, прежде неотъемлемая, черта товарного производства, как слепое подчинение товаропроизводителей стихии рынка. В противовес закону стоимости, стихийно регулирующему товарное производство, регулятором социалистического производства и обращения стал закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Планомерность же, как отмечал Ленин, означает постоянную, сознательно поддерживаемую пропорциональность. Для установления тех или иных народнохозяйственных пропорций в социалистической экономике сознательно используются обществом и товарно-денежные отношения. Рынок уже не выступает в роли всесильного деспота, стихийно регулирующего общественные отношения товаропроизводителей; он является частью социалистической системы хозяйства, все развитие которой регулируется планом.

Социалистическое государство планово устанавливает определенные пропорции между платежеспособным спросом населения и предложением товаров в каналах советской торговли, между величиной издержек обращения и полной стоимостью товара и т. д. Общество заранее определяет величину рыночных товарных фондов, размеры платежеспособного спроса населения, уровень цен на товары. Ценообразование больше не представляет собой стихийного процесса, развертывающегося за спиной товаропроизводителей. Государство прямо устанавливает цены на реализуемые населению в государственной торговле товары или косвенно регулирует их в колхозно-базарной торговле. Слепая власть вещей (товаров) полностью преодолена в условиях социализма. Сбылось предвидение Маркса, высказанное им в «Капитале» почти 100 лет назад: «Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства жизни, сбросит с себя мистическое туманное покры-

вало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем»[1].

Ликвидация капиталистической собственности в СССР и утверждение общественной социалистической собственности на средства производства привели к возникновению в недрах социализма особого экономического процесса — постепенного превращения товара в нетовар.

В социалистическом обществе юридическая свобода производителя дополняется действительным соединением его со средствами производства, являющимися общественной собственностью всего народа. Рабочий класс вместе с колхозным крестьянством и трудовой интеллигенцией является полноправным хозяином общественных средств производства и не может продавать свою рабочую силу. Поэтому в социалистическом обществе, все члены которого имеют одинаковое отношение к средствам производства, нет рынка труда, нет категорий стоимости и цены рабочей силы.

Однако при социализме необходимый продукт работника государственного сектора неизбежно принимает денежную форму выражения (заработная плата), потому что в социалистическом обществе сохраняется товарное производство и, следовательно, связи всего процесса воспроизводства опосредствуются стоимостными отношениями.

Денежная форма возмещения затрат труда при социализме затрудняет в известной мере понимание нетоварного характера движения рабочей силы в социалистическом обществе. Но эта форма не связана со стоимостью рабочей силы; она выражает стоимость предметов потребления, распределяемых по труду. Плановое развитие социалистической системы хозяйства позволило навсегда уничтожить безработицу и гарантировать в Конституции СССР право на труд каждому члену социалистического общества. Советское государство осуществляет распределение рабочей силы в соответствии с экономическим законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, устранив стихийный перелив рабочей силы из одних отраслей хозяйства в другие.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 86.

Также исключены при социализме из сферы товарно-денежных отношений земля и богатства ее недр (железо, уголь, нефть, цветные металлы, уран и т. п.), составляющие общенародную собственность. Нет больше категории цены земли. Земля в социалистическом обществе не продается и не покупается. Это открывает большие возможности для развития производительных сил. Освоение в 1954—1956 гг. целинных и залежных земель площадью в 36 млн. гектаров (что превышает посевную площадь зерновых культур 9 европейских государств вместе взятых: Франции, Италии, ФРГ, Австрии, Бельгии, Дании, Голландии, Испании и Швеции) стало возможным только благодаря общенародной собственности на землю. При строительстве гидротехнических сооружений на реках СССР не нужно никому платить ренты за используемые участки берегов. Проведение крупнейших в мире высоковольтных линий электропередач, строительство железных дорог также не сопряжены с дополнительными расходами за право эксплуатации земли.

Вовлечение огромных земельных массивов страны в экономический оборот регулируется народнохозяйственным планом. Месторождения полезных ископаемых прямо ставятся на службу социалистическому обществу, не подвергаясь какому-либо влиянию закона стоимости.

Товарный характер решающих средств производства, функционирующих в рамках государственного производственного сектора, обнаруживает весьма важные особенности. Средства производства, созданные и потребленные внутри государственного хозяйства, не выходят за пределы внутреннего, обособленного от рынка оборота и нигде (исключая внешний рынок) не вступают в процесс обмена товаров. Здесь не происходит никакой смены собственников, здесь нет социально-экономического отношения обособленных товаропроизводителей.

Но отсутствие этого важнейшего исходного признака товара не дает еще оснований для отрицания товарных отношений в экономическом обороте средств производства внутри государственного сектора. Почему? Казалось бы, что если превращение продукта в товар обязательно предполагает его выход за пределы внутреннего, обособленного от рынка оборота, то продукты, созданные и потребленные внутри социально обособленного хозяйства, не могут быть товарами. Действительно,

предположим, например, что в мелкотоварном фермерском хозяйстве часть заготовленного сена используется владельцем на корм своему скоту, а полученное молоко потребляется членами семьи. Несомненно, что такой кругооборот сена, молока и масла, совершающийся в пределах данного хозяйства и для его нужд, имеет чисто потребительский характер и только. Такой характер носят, например, и семена, выращенные на полях данного колхоза и заложенные под урожай следующего года; некоторые средства производства, изготовляемые колхозными кузницами и мастерскими для нужд колхоза; предметы потребления, произведенные, распределенные по трудодням и потребленные самими колхозниками.

Но ограничиться одним этим признаком в объяснении причин товарных связей в рамках государственного производственного сектора было бы неправильно. Экономический оборот орудий и продуктов труда внутри общенародного сектора социалистической экономики по своему характеру не равнозначен кругообороту сена, молока и масла внутри фермерского хозяйства или движению продуктов в рамках отдельного колхоза. Выделение того или иного отдельного признака товара в качестве единственного и всерешающего при объяснении существа товарных отношений в обществе неминуемо приводит к принижению значения других факторов, что означает ошибочное толкование проблемы в целом.

Нельзя поэтому, например, согласиться с утверждением, что средства производства, созданные государственным сектором, в том случае, когда они обращаются на мировом рынке, являются товарами, а если они используются на государственных предприятиях внутри страны, то они товарами не являются. Это равнозначно попытке вывести возникновение товара и стоимости не из производства, а целиком из отношений обмена. Но закон стоимости — это прежде всего закон товарного производства, и существо товарных связей как элемента производственных отношений не может быть понято независимо от процесса производства, вне его.

Движение средств производства внутри государственного сектора органически связано с экономическим оборотом продуктов труда, происходящим между городом

и деревней. Единство процесса социалистического воспроизводства, включающего в себя общественное разделение труда и две формы социалистической собственности, обусловливает неизбежное проникновение товарно-денежных отношений во внутрь государственного производственного сектора.

Проникновение товарных связей из области отношений между социально обособленными хозяйствами внутрь этих хозяйств имело место и в эпоху разложения первобытнообщинного строя. «Обмен товаров, — отмечал Маркс, — начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи превратились в товары во внешних отношениях, то путем обратного действия они становятся товарами и внутри общины»[1]. Эта параллель при объяснении причин существования товарных отношений при социализме, конечно, весьма условна, тем не менее она возможна в силу известной общности процесса формирования товарных отношений на самой ранней исторической стадии их развития и при социализме.

Наличие товарных отношений внутри государственного сектора выражается в том, что труд рабочих на государственных предприятиях получает стоимостное выражение, а продукты, созданные в рамках государственного производственного сектора, — средства производства и предметы потребления — обладают потребительной стоимостью и стоимостью. Социалистическое общество признает не любые затраты труда на государственных предприятиях, а общественно необходимые, определяемые затратами труда в производстве основной части продукции данной отрасли (применительно к средним условиям). Хорошо работающие предприятия, добившиеся значительного снижения своих затрат труда против общественно необходимых, получают повышенную прибыль, значительная часть которой идет на дальнейшее техническое совершенствование производства и материальное поощрение работников. Наоборот, плохо работающие предприятия (где затраты труда выше общественно необходимых) несут убытки, а работники лишаются премий.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 94—95.

Воздействие закона стоимости на экономический оборот средств производства внутри общенародного производственного сектора проявляется в том, что обмен материалами и продуктами между государственными предприятиями, работающими на основе хозяйственного расчета, происходит не в порядке простой их передачи, а на базе полного возмещения затрат овеществленного и живого труда в стоимостной форме. Посредством денег исчисляется в практике социалистического строительства себестоимость произведенной продукции, определяется достигнутая экономия труда и степень выполнения планов.

Систематическое снижение себестоимости продукции является важнейшим источником расширения масштабов социалистического воспроизводства, необходимой базой для повышения материального благосостояния народа. Достаточно вспомнить, что каждый процент снижения себестоимости промышленной продукции давал в 1950 г. 5 млрд. руб. дополнительных средств для развития народного хозяйства, а в 1956 г.— уже 7 млрд. руб. [1].

Декабрьский Пленум ЦК КПСС в 1956 г. особо подчеркнул необходимость строжайшего учета стоимости производимых народным хозяйством страны изделий, выбора наиболее экономичных объектов промышленного строительства с целью непрерывного удешевления и увеличения производства продуктов. Пленум ЦК КПСС постановил уточнить показатели пятилетнего плана с тем, чтобы «обеспечить наиболее рациональное и эффективное использование материальных ресурсов и финансовых средств, направляемых на развитие народного хозяйства...» [2].

Уровень рентабельности производства и степень использования производственных фондов являются в настоящее время одними из основных показателей планирования и оценки хозяйственной деятельности хозрасчетных предприятий.

Таким образом, средства производства, оборачивающиеся внутри государственного сектора, утратили ряд

---

[1] «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах», Статсборник, 1957, стр. 55.

[2] «Правда» за 25 декабря 1956 г.

признаков товара, поскольку они прямо распределяются в соответствии с планами материально-технического снабжения и в своем движении не меняют собственника; и в то же время они сохраняют свойства товара в силу единства процесса расширенного социалистического воспроизводства. Из всех продуктов социалистического производства они меньше всего сохраняют товарную форму, но тем не менее они — товары. Выражаясь философским языком, это — товары и нетовары, диалектически противоречивое явление; в них в наибольшей степени выражен процесс превращения товаров в нетовары в современных условиях развития социалистического общества.

В отличие от экономического оборота средств производства внутри общенародного сектора обмен промышленных продуктов, в том числе и средств производства, на сельскохозяйственное сырье и продукты питания, созданные в колхозной деревне, носит более ярко выраженный товарный характер. Обмен товаров здесь сопровождается сменой различных социалистических собственников в каждом акте купли-продажи. Эта сфера экономических связей при социализме образует центральное звено товарных отношений.

Обмен товаров между двумя социалистическими секторами народного хозяйства играет важнейшую роль в процессе социалистического воспроизводства. Так, к 1957 г. общая стоимость тракторов, сельскохозяйственных машин, автомобилей и других продуктов социалистической промышленности, проданных государством колхозам, составила 24 млрд. руб. До двух третей государственных заготовок мяса и молока, более 70% заготовок зерна дают в настоящее время колхозы. Товарооборот потребительской кооперации, осуществляющей торговлю на селе, увеличился в 1954—1957 гг. на 75% в сопоставимых ценах.

Однако и в обмене товаров между государством и колхозами также проявляется особый характер товарного производства при социализме, поскольку преодолено господство товарно-денежной стихии, поскольку вся связь города с деревней планируется со стороны общества, а участниками товарных отношений являются социалистические хозяйства.

Особый характер носят при социализме и потребительские товары, идущие в личное потребление труд-

щихся. Значительная часть предметов потребления, созданных социалистической промышленностью и совхозами, движется в пределах общенародного сектора, т. е. из сферы производства в сферу личного потребления рабочих и служащих. Переход этих предметов потребления в личную собственность трудящихся сам по себе не является причиной возникновения товарной формы обмена, ибо личная собственность всецело определяется собственностью на средства производства, носит производный характер. Поэтому личная собственность играет совершенно различную роль в разных общественно-экономических формациях.

При капитализме средства производства составляют монополию господствующего класса — буржуазии. Поэтому не только средства производства, составляющие основу капиталистической частной собственности, но и продукты питания, одежда, которые потребляет буржуа лично или члены его семьи, представляют из себя разновидность все той же буржуазной частной собственности. Капиталист не тратит никакого труда на изготовление предметов потребления. Они достаются ему, как собственнику капитала, в результате жестокой эксплуатации чужого труда. А живописные виллы, дорогие картины, персидские ковры и индийские рубины, принадлежащие семейству капиталиста, представляют из себя лишь иную форму бытия его капитала, готовую завтра же по требованию рынка принять форму станков и нового контингента наемных рабочих, т. е. капитала в действии.

При социализме решающие средства производства представляют собой общенародное достояние. И поэтому они одинаково служат всем членам социалистического общества, являясь вместе с тем прочной гарантией от возможности использования их в корыстных интересах одного класса. Но общественная социалистическая собственность на средства производства выступает в двух ее формах: государственной и колхозно-кооперативной. И личная собственность членов социалистического общества определяется совместным влиянием на нее государственной и колхозно-кооперативной форм социалистической собственности, в результате чего личная собственность получает при социализме специфическое со-

держание и играет определенную роль в формировании товарных отношений.

Потребительский спрос рабочих и служащих определяется заработной платой, получаемой в соответствии с законом распределения по труду. Часть этого спроса удовлетворяется через государственную торговлю и колхозный рынок. Личная собственность рабочих и служащих является, таким образом, фактором расширения товарно-денежных отношений, образования особого канала товарного обмена в сфере движения предметов потребления. С другой стороны, колхозники, в распоряжении которых имеются продукты, полученные на трудодни или произведенные в приусадебном хозяйстве, и деньги, выданные на трудодни, предъявляют спрос на промышленные товары. Этот спрос они прямо удовлетворяют с помощью наличных денег или же сначала реализуют свои продукты на колхозном рынке. Следовательно, личная собственность колхозников тоже служит важным фактором расширения сферы товарно-денежных отношений при социализме.

Таким образом, переход предметов потребления в личную собственность при социализме в известной части сопровождается сменой собственников. Здесь существуют купля-продажа, свободный обмен товаров, в процессе которого учитывается и реализуется покупательный спрос населения.

Иное экономическое содержание будет иметь переход предметов потребления из общественной собственности в личную на высшей фазе коммунизма. Там — одна общенародная собственность на орудия и продукты труда. Гигантское развитие производства приведет к изобилию продуктов и практическому осуществлению принципа коммунизма «от каждого по способностям, каждому по потребностям». В этих условиях получение трудящимися продуктов по потребностям никоим образом не будет связано с товарными отношениями.

9—857

П. А. СКИПЕТРОВ

ЧЕМ ПОЛНЕЕ И СОВЕРШЕННЕЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСПОЛЬЗУЕТ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ТЕМ БЫСТРЕЕ ПРОТЕКАЕТ ПРОЦЕСС ПРЕВРАЩЕНИЯ ТОВАРА В НЕТОВАР

Особенности общественного труда в государственном секторе и в колхозах. К вопросу о товарной природе средств производства, обращающихся в государственном секторе. Может ли стоимость быть единственной основой цены при социализме? Отмирание товарно-денежных отношений связано с процессом изживания различий между материальными интересами отдельных колхозов и общества в целом.

Некоторые экономисты утверждают, что при анализе причин сохранения товарного производства при социализме принципиально недопустимо, даже в порядке абстрактно-теоретического предположения, исходить из такого социалистического строя, где имеет место одна общенародная социалистическая собственность на средства производства.

Между тем известно, что основоположники марксизма в ряде своих работ характеризовали социализм, исходя из единой (общенародной) формы собственности. Маркс в «Критике Готской программы» и Энгельс в «Анти-Дюринге» говорили о том, что при таком непосредственно общественном социалистическом производстве товарное производство и закон стоимости исключаются, что общество «...не станет приписывать продуктам какие-либо стоимости» [1].

Следовательно, в качестве первой ступени исследования анализ социализма с единой общенародной формой собственности допустим. Он заставляет глубже проду-

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 293.

мать вопрос о том, возможно ли вскрыть необходимость товарного производства при социализме вне связи с особенным характером общественного разделения труда, вытекающего из наличия двух форм общественного производства.

Правомерность анализа социализма с единой формой собственности обусловлена вдобавок и тем обстоятельством, что мы не можем полностью исключать возможность того, что изживание различий между двумя формами социалистической собственности на средства производства завершится раньше, чем будут созданы материальные предпосылки для распределения по потребностям, т. е. будет полностью достигнута вторая фаза коммунизма.

Некоторые экономисты утверждают, что надо отказаться от «догмы, принимаемой за аксиому» (выражение проф. Брегеля), будто товарные отношения всегда выражают в той или иной степени отношения разных собственников. Но на каком основании следует отказаться от указанного положения? В истории не было и нет пока таких товарных отношений, которые бы по самому существу своему не выражали отношений **отдельных, в той или иной мере обособленных собственников-производителей,** связанных в то же время между собой системой разделения труда. Это для досоциалистических формаций глубоко и всесторонне показано Марксом и Энгельсом. В. И. Ленин в своих работах научно обосновал необходимость сохранения и использования товарных отношений в период строительства социализма, исходя из наличия прежде всего миллионов мелких, разрозненных частных собственников, для которых требуется обмен через куплю-продажу.

«При всяком акте купли и продажи, раз только вообще происходят процессы обмена,— писал Маркс,— объект действительно отдается. Собственность на продаваемый предмет каждый раз уступается. Но стоимость при этом не отдается» [1].

Отвечая на прямой вопрос о том, что такое товары, Ф. Энгельс писал, что это «Продукты, произведенные в обществе более или менее обособленных частных про-

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 358.

изводителей, т. е. прежде всего частные продукты»[1], вступающие в общественное потребление путем обмена.

В полном противоречии с приведенными определениями товара Э. Я. Брегель утверждает, что «товар, если брать, то общее, что свойственно товару при разных способах производства... является таким продуктом общественного труда, который переходит из производства в потребление посредством обмена». Из определения опускается, как видим, основа товарного обмена — та или иная степень обособленности производителей, вытекающая из формы собственности на средства производства. Из указанного определения следует одно из двух: либо товарное производство сохранится и при коммунизме, либо коммунистическое общество с самой развитой системой разделения труда будет обходиться без всякого обмена.

Для характеристики причин и особенностей товарного производства при социализме важно прежде всего взвесить особенности непосредственно общественного труда, связанные с наличием двух форм социалистического производства. Государственная (общенародная) и кооперативно-колхозная социалистическая собственность однотипны в своей основе, обе они, при ведущей роли государственной собственности, обусловливают развитие производства в интересах общества и каждого трудящегося, в интересах строительства коммунизма. Однако по степени обобществления труд на современном этапе характеризуется еще существенными различиями. Еще сохраняется известное (неантагонистическое) противоречие между трудом, обобществленным в масштабе общества, и трудом, обобществленным в рамках данного кооператива. Кроме того, часть труда затрачивается в личном подсобном хозяйстве трудящихся. Эти обстоятельства, определяемые наличием разных общественных форм производства, и вызывают сохранение товарного производства и связанных с ним стоимостных, денежных форм в отношениях между людьми.

Но поскольку ликвидированы антагонистические противоречия в труде, поскольку безраздельно господствующее положение принадлежит в обществе социалистической собственности на средства производства (при веду-

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 290.

щей роли общенародной собственности), постольку товарное производство носит, в главном, планомерный характер, представляет собой товарное производство особого рода, в котором выражаются прежде всего отношения сотрудничества и взаимопомощи.

Тов. Колганов указывал, что общей причиной существования товарного производства в различных формациях является характер труда, но не в смысле степени обобществления (эта сторона, по его мнению, не имеет никакого отношения к делу), а как необходимое средство к жизни. Такая точка зрения нашла отражение и в высказываниях т. Брегеля, который подчеркивал, что закон стоимости и хозрасчет имеют одну общую основу — характер труда на первой фазе коммунизма как средства к жизни и связанную с этим необходимость материального стимулирования.

С этими взглядами нельзя согласиться. Труд как средство к жизни — постоянный признак труда с древнейших времен до высшей фазы коммунизма, а из того факта, что при социализме труд еще не стал первой жизненной потребностью, вытекает только необходимость распределения по труду. Но необходимость осуществления этого распределения через торговлю нельзя объяснить характером труда как необходимого средства к жизни. Более того, если допустить, что обобществление всех средств производства в общенародном масштабе все же произойдет несколько раньше, чем будут созданы все предпосылки для распределения по потребностям, то будут ли при этом существовать современные денежные знаки, или «удостоверения», или «краткосрочные билеты на право получения общественных продуктов» (Ленин) — все они будут иметь с деньгами так же мало общего, как, скажем, театральный билет.

Обращаясь к докладу т. Козодоева, укажем, что представление, будто средства производства, обращающиеся внутри государственного сектора, не являются по существу товарами, грешит прежде всего с методологической точки зрения, ибо здесь видимость отсутствия отношений между разными секторами принималась за сущность. Такой подход, несомненно, нанес вред нашей хозяйственной практике, вызвал известную недооценку значения сознательного использования закона стоимости

в планомерной организации социалистического производства.

Товарную природу и этих средств производства можно понять, если иметь в виду, что процесс социалистического воспроизводства в народном хозяйстве един и неразрывен. Если по видимости в своей конкретной натуральной форме преобладающая масса средств производства обращается внутри государственного сектора и на поверхности здесь нет прямой связи между обособленными (в известной степени) государственным и колхозно-кооперативным секторами, то ведь по существу труд, затраченный на средства производства, совершает самостоятельный экономический оборот, отличный от движения «тела» данной машины или других средств производства. Прошлый труд переносится на другие предметы, которые производятся с помощью данных средств производства, в том числе на средства производства и предметы потребления, продаваемые колхозам и колхозникам. В конце концов, в силу единства воспроизводства, этот прошлый труд совершает переход в другой сектор социалистического производства. Если к проблеме подойти таким образом, то очевидно, что в экономическом обороте средств производства существенное значение имеет наличие двух форм социалистической собственности и связанная с этим известная обособленность государственных предприятий и кооперативно-колхозных. И средствам производства, обращающимся в государственном секторе, с необходимостью навязывается, таким образом, товарная форма, и они имеют реальную стоимость, выражающую общественно-производственное отношение, а не только определенное количество общественного труда.

Можно ли «с потолка» назначать на них цены? Нет, нельзя. Ибо при неоправданном занижении цен часть общественного труда, реально затраченного в процессе их производства, бесконтрольно перешла бы через другие продукты в колхозы, а при неоправданном завышении цен часть труда, затраченного в колхозном секторе, перешла бы бесконтрольно в общенародный сектор. Это вредно сказалось бы на отношениях между двумя дружественными классами нашего общества.

Производственные отношения между двумя секторами проявляются не только там, где они видны на по-

верхности. Они проникают во всю систему производственных отношений социализма в силу единства процесса воспроизводства.

Следовательно, к вопросу установления цен на средства производства мы должны подходить с учетом требований экономических законов социализма, в том числе и закона стоимости, дабы вполне сознательно, со знанием всех объективных условий, направлять развитие производства и производственных отношений в интересах строительства коммунизма, в интересах укрепления сотрудничества и взаимопомощи рабочих и крестьян-колхозников, постепенного изживания различий в их экономическом положении.

Некоторые экономисты утверждают, что современное ценообразование якобы в основе порочно, ибо оно ориентируется на себестоимость, но мало учитывает стоимость. Некоторые из них при этом указывают, что идеальными были бы такие цены, которые максимально приближались бы к общественной стоимости, или еще лучше прямо совпадали бы с общественной стоимостью, которую будто бы можно подсчитывать.

Но, во-первых, общественные отношения арифметическому подсчету ни в какой мере не поддаются. Стоимость и у нас — социальная категория, это отношение между обособленными (в известной мере) социалистическими производителями.

Во-вторых, такое утверждение, что цена должна у нас отражать только стоимость продукта, равносильно утверждению, что закон стоимости имеет в нашей экономике не подчиненное значение (способствующее развитию социалистических производственных отношений), а определяющее, господствующее значение. А это есть не что иное, как подчинение требованиям так называемой «истинной» стоимости. Еще Энгельс в «Анти-Дюринге» говорил о подобных позициях. Дюринг хотел иметь такую «истинную» стоимость в его «социализме». Энгельс писал, что «пытаться создать общество, где производители будут, наконец, господствовать над своим продуктом, путем последовательного проведения в жизнь экономической категории, являющейся наиболее полным выражением того факта, что производители порабощены своим собственным продуктом», это значит

пытаться бороться, например, с католицизмом «путем избрания «истинного» папы» [1].

В постановлении февральского (1927 г.) Пленума ЦК ВКП(б) говорилось: «В проблеме цен перекрещиваются все основные экономические, а следовательно, и политические проблемы Советского государства. Вопросы установления правильных взаимоотношений крестьянства и рабочего класса, вопросы обеспечения взаимно-связанного и взаимно-обусловленного развития сельского хозяйства и промышленности, вопросы распределения национального дохода и связанные с ним вопросы индустриализации СССР и укрепления как экономически, так и политически рабочего класса, вопросы обеспечения реальной заработной платы, укрепления червонца, наконец, планомерное усиление социалистических элементов нашего хозяйства и дальнейшее ограничение частнокапиталистических элементов народного хозяйства — все это упирается в проблему цен» [2].

В основном и главном, эти требования, предъявляемые политике цен, сохраняют свою жизненность и для современного периода.

Несколько слов о тенденциях развития товарно-денежных отношений при социализме. Товарно-денежные категории при социализме выражают два ряда сосуществующих, но противоречивых (хотя и без антагонизма) производственных отношений: отношений сотрудничества и взаимопомощи, единства, в коренном и главном, материальных интересов всех членов общества и отношений экономически обособленных (в известной степени) двух различных классов социалистического общества. Поскольку рост производительных сил как в промышленности, так и в сельском хозяйстве постепенно обусловливает сближение двух форм социалистической собственности, постепенное повышение уровня социалистической зрелости экономических отношений в колхозах, постольку в товарно-денежных отношениях все возрастающее место занимает единство интересов и вытесняется отношение обособленности, возможных различий материальных интересов общества в целом и от-

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 294.

[2] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, Госполитиздат, 1954, стр. 345.

дельных коллективов. Поэтому **за видимым** расширением товарно-денежных отношений скрывается глубинный процесс изживания товарного отношения, все в большей мере идет превращение возрастающей, по видимости, товарной массы в продукты, перестающие быть товаром. И это происходит не столько путем выпадения тех или иных материальных благ из сферы товарного обращения (что можно было бы обнаружить на поверхности), сколько путем изменения содержания производственных отношений, скрывающихся за расширяющейся товарно-денежной формой связей. Только так, по нашему мнению, и можно понять процесс. Вот почему неправы те товарищи (Ф. П. Кошелев, М. В. Колганов и др.), которые говорят, что сейчас в связи с расширением товарных связей колхозов и государства, в связи с внедрением большего разнообразия денежных инструментов в хозяйственную деятельность колхозов якобы происходит процесс роста товарно-денежных отношений **по существу**. В этих рассуждениях сущность и видимость явлений полностью отождествляются.

Диалектика состоит в том, что чем полнее и совершеннее, с точки зрения интересов трудящихся, социалистическое общество планомерно использует товарно-денежные формы (что ведет к **видимому** расширению их сферы), тем быстрее развиваются производство, производительные силы, тем быстрее единство материальных интересов вытесняет известную разобщенность, обособленность интересов отдельных коллективов и общества в целом. А это и есть в основном отмирание товара, стоимости, денег как производственного отношения. И это не только дело будущего, а давно совершающийся процесс, начавшийся с возникновения социалистического уклада после победоносной социалистической революции и вступивший в новую фазу с построением социализма и постепенным переходом к коммунизму. Под этим углом зрения становится ясным, что **объективной** основой цены является в наших условиях отнюдь не только стоимость, но и другие экономические законы социализма и, надо полагать, не в меньшей мере.

А. И. ПАШКОВ

ПРОТИВ НАДУМАННЫХ СХЕМ В ОБЪЯСНЕНИИ ПРИЧИН СОХРАНЕНИЯ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Товарами особого рода являются у нас не только средства производства, но и предметы потребления. Товарное обращение без перемены собственника такой же «парадокс», как «прибыль», «процент» и «земельная рента», не являющиеся формами прибавочной стоимости. Критика «учетной» концепции не должна вести к игнорированию закона стоимости как рычага учета социалистического труда.

Как и многие из выступавших здесь товарищей, я не согласен с утверждением И. И. Козодоева о том, что в социалистическом обществе существуют продукты, не являющиеся товарами, но имеющие стоимость. И. И. Козодоев считает, что средства производства, создаваемые и реализуемые в государственном секторе, имеют стоимость, но не являются товарами. Я думаю, что такое утверждение не представляет собой движения нашей науки вперед. Отрицание товарной природы средств производства при социализме представляет собой пройденный этап в развитии политической экономии социализма.

Однако мысль о том, что в социалистическом обществе в рамках государственного хозяйства средства производства не являются товаром, отстаивается сейчас не только И. И. Козодоевым, она имеет еще довольно широкое распространение. Об этом спорят экономисты в Москве и в других городах.

Это значит, что в нашей аргументации о товарном производстве и законе стоимости при социализме имеются еще недостатки, изъяны, потому что при глубокой

аргументации правильная мысль всегда завоюет умы людей, а сейчас положение о товарной природе средств производства при социализме еще далеко не все умы завоевало.

То, что И. И. Козодоев защищает сегодня, подавляющему большинству из нас еще недавно казалось правильным. Поэтому легко отделаться от этой концепции нельзя. И товарищи, которые с этой трибуны выступали с весьма резкими обвинениями по адресу тех, кто отрицает товарный характер средств производства при социализме, должны были бы проявить несколько большую терпимость, не забывая, что еще года два тому назад они стояли на тех же позициях.

Мне представляется, что недостатки нашей теоретической аргументации по вопросу о товарном производстве и законе стоимости при социализме, мешающие еще многим правильно понять вопрос, заключаются в следующем. Мы говорим, что продукты I подразделения общественного производства в рамках государственного хозяйства СССР также являются товаром, что в условиях господства общественной собственности на средства производства переход продукта от одного собственника к другому не может быть признан обязательным, непременным признаком товара. И это правильно. Однако последнее положение мы обычно распространяем только на средства производства, забывая, что и предметы потребления у нас тоже являются товарами совершенно особого рода, иными, чем при капитализме. Мы отвергли положение И. В. Сталина о том, что средства производства в государственном секторе не являются товаром, но оставляем неприкосновенным другую сторону этого положения, что предметы потребления, продаваемые социалистическим государством населению, являются обычными товарами, при продаже-купле которых якобы имеет место смена собственника. А между тем в условиях общественной собственности перемена собственника при купле-продаже не является непременным признаком и тогда, когда речь идет о предметах потребления. Машины, которые одно государственное предприятие покупает у другого, есть товар, хотя мы не имеем перехода машины от одного собственника к другому. Но когда социалистическое государство продает рабочему предметы потребления, разве это есть

переход от одного собственника к другому в том смысле, в каком это имеет место в условиях частной собственности на средства производства? Конечно, нет. Рабочий покупает товары, которые производятся при помощи средств производства, составляющих общенародное достояние, покупает товар, в производстве которого он участвовал. Продукт переходит здесь не от одного частного собственника к другому; из общенародной собственности он переходит в личную собственность работника социалистического общества. Эта перемена собственника совершается в рамках одной общественной собственности. Переход продукта из общественной собственности в личную будет и при коммунизме, когда продукты уже не будут иметь товарной формы.

Говоря об этом, я, конечно, ни в коей мере не хочу преуменьшить экономическое значение купли-продажи предметов потребления при социализме или стереть разницу между переходом предмета потребления из общественной собственности в личную при социализме и при коммунизме. Речь идет сейчас о другом: нам нужно подчеркивать не только различие товарной формы средств производства и товарной формы предметов потребления при социализме, что мы обычно и делаем сейчас, но и коренное, принципиальное отличие вообще товара в условиях общественной собственности от товара при господстве частной собственности на средства производства.

Я думаю, что правильное понимание вопроса о товарном производстве и законе стоимости при социализме было бы значительно облегчено, если бы мы обращали должное внимание на эту весьма важную сторону дела. В работе И. В. Сталина вопрос о продаже государством средств производства колхозу рассматривается как обычная продажа и купля товара с переменой собственника. Между тем и здесь перемена собственника происходит в рамках общественной собственности: продукты из общественной собственности переходят в групповую, колхозную собственность, что опять-таки коренным образом отличается от перехода товара от одного частного собственника к другому. На эту сторону дела недостаточно обращается внимания. Все товары являются у нас товарами особого рода, а не только средства производства.

Мы признаем существование прибыли при социализме, хорошо зная, что прибыль здесь не является результатом эксплуатации наемного труда. Признаем наличие категории зарплаты при социализме, зная, что зарплата здесь не есть превращенная форма стоимости рабочей силы как товара. А почему же некоторые экономисты не хотят признать существования при социализме товара без перемены собственника? Говорят, что это — парадокс! Но разве не меньшим «парадоксом» является «прибыль», «земельная рента», «процент» при социализме, не являющиеся здесь формами прибавочной стоимости как продукта эксплуатации наемного труда? Суть же в том, что и «товар», и «прибыль», и «земельная рента», и «процент» имеют при социализме принципиально иное содержание, чем в условиях частнокапиталистической собственности.

Возьмем, далее, вопрос о том, почему при социализме сохраняется товарное производство. Тов. Козодоев утверждает, что необходимость в товаре возникает не из определенного уровня производительных сил, не из общественного разделения труда и не из обособленности производителей, а из отношений определенной формы собственности.

То, что между определенной формой собственности на средства производства и товарной формой продукта существует теснейшая связь,— конечно, бесспорно. Можно ли, однако, существование товарного производства при социализме объяснять прямо и непосредственно наличием здесь общественной формы собственности? Ведь товарное производство имеет место при самых различных формах собственности. Товар есть там, где есть частная собственность, а впервые возникает даже при общинной собственности. В рабовладельческом обществе товар существовал не только в мелкотоварном хозяйстве. Товары производили и такие специфически рабовладельческие формы хозяйства, как латифундии, эргастерии, основанные на рабовладельческой собственности. При феодализме с товарами выступали на рынке и феодалы, а не только мелкие частные собственники. При капитализме товарное производство связано и с мелкой частной собственностью, и с крупной капиталистической. При социализме же товарное производство основано на общественной собственности. Можем ли мы

после этого ограничиться утверждением, что при социализме товарное производство существует **потому**, что здесь есть общественная собственность на средства производства? Не правильнее ли будет общественной собственностью объяснять коренные **отличия** товарного производства при социализме по сравнению с товарным производством в предшествующих формациях, а не самый факт существования товарного производства при социализме? Я думаю, что на этот вопрос надо ответить утвердительно. Из природы общественной собственности надо выводить особенности общественного труда при социализме, особенности товарного производства и действия закона стоимости здесь.

Необходимость товарного производства при социализме нужно доказывать не схоластически, не такими аргументами, которые понятны только умеющим сугубо абстрактно мыслить экономистам, а простыми, видимыми фактами.

В. И. Ленин ясно и исчерпывающе доказал, почему необходимо сохранение товарного производства в переходный период. Наша партия в 1929—1930 гг. ясно показала, что товарное производство остается и при социализме,— потому что никакой другой формы связи крестьянства с государственной промышленностью, кроме рыночной, через торговлю, не может быть ни в переходный период, ни при социализме.

Здесь существует, конечно, и производственная связь, но эта форма связи не исключает и не уменьшает значения рыночной, торговой связи для строительства социализма и коммунизма. Единственно приемлемой формой распределения предметов потребления между трудящимися в соответствии с затраченным ими трудом является опять-таки распределение их с помощью торговли, рынка.

И эти простые, ясные факты и должны служить для объяснения того, почему товарное производство остается и при социализме.

Один из выступавших здесь говорил, что я будто бы вообще отрицаю необходимость доказательства того, почему товарное производство сохраняется при социализме. Он имел в виду мое выступление на дискуссии по закону стоимости при социализме, проведенной Институтом экономики АН СССР в мае 1957 г. В этом же об-

винил меня и т. Островитянов К. В. в заключительном слове по докладу, сделанному им на той дискуссии.

Должен сказать, что такого обвинения я не могу принять, идет ли речь о прошлой дискуссии, или о нынешней.

Не соответствует действительности утверждение, будто бы я вообще отрицаю необходимость доказательства того, почему товарное производство существует при социализме. Речь идет не о том, нужно ли доказывать, или не нужно. Конечно, нужно. Вопрос же в том, как именно доказывать: схоластически, вымученными логическими конструкциями, как это у нас часто делается, или же очевидными, понятными фактами, как это делал В. И. Ленин и наша партия? Я думаю, что единственно правильным является второй путь объяснения. А товарищи, не желающие, как видно, расстаться с первым, схоластическим способом доказательства, бросают мне упрек, будто бы я вообще считаю ненужным какое бы то ни было доказательство.

Нет, не об этом идет речь, а только о том, что в дискуссиях о товарном производстве и законе стоимости при социализме у нас, к сожалению, наслоилось немало талмудизма, схоластики. И не следует брать эту схоластику и талмудизм под защиту, а нужно вытравить их из наших споров. От этого дело только выиграет. Разумеется, что вопрос о роли общественной собственности в определении особенностей товарного производства при социализме нуждается в самом пристальном внимании и детальном анализе после того, как простыми и ясными фактами доказана необходимость товарного производства при социализме.

Тов. Козодоев поставил здесь вопрос так, что нужно сначала доказывать необходимость товарного производства в условиях существования одной формы собственности — общенародной, и уже после этого разобрать вопрос о товарном производстве в условиях двух форм общественной собственности. Я думаю, что такая постановка вопроса неправильна. Зачем нам выдумывать ситуацию, которой в реальной жизни нет. Вопрос о том, сохранится ли товарное производство в условиях, когда будет еще социализм, а собственность будет уже только общенародная, нельзя рассматривать как праздный. На нынешнем же этапе социалистического строительст-

ва надо исходить из реального факта — наличия двух форм социалистической собственности, хотя товарное производство диктуется характером производства и в рамках самого государственного сектора, а не только наличием двух секторов, двух форм общественной собственности.

Оглядываясь на прошедшие дискуссии по вопросу о законе стоимости при социализме, нельзя не видеть, что мы неоправданно долго задержались на вопросе о причинах действия закона стоимости при социализме в ущерб решению практического вопроса о том, как же конкретно нужно использовать этот закон для строительства коммунизма. Можно даже сказать, что у нас определились отдельные экономисты, которые считают возможным специализировать себя на вопросе о причинах действия закона стоимости при социализме — вместо того, чтобы совместно с другими экономистами искать конкретные пути и формы практического использования закона стоимости для социалистического хозяйствования.

В некоторых статьях, например, в качестве особого достижения советской экономической науки объявляется преодоление так называемой учетной концепции в объяснении причин существования товарного производства при социализме. Учетная концепция не является, конечно, верной; правильно, что сначала нужно доказать необходимость товарного производства, а коль скоро это доказано, то уже нет нужды особо доказывать необходимость закона стоимости при социализме. Но механизм действия этого закона при социализме подробно нужно обосновать. А для этого нужно конкретно раскрыть огромную роль этого закона в учете труда при социализме. Какой же это «закон стоимости», если он не служит инструментом измерения, соизмерения затрат труда, затрат и результатов!

А между тем в критике так называемой учетной концепции некоторые товарищи идут у нас дальше, чем следует. Кажется, они не прочь были бы обвинить даже Энгельса в «учетной концепции», так как Энгельс, рассматривая в «Анти-Дюринге» вопрос о законе стоимости при социализме, все время говорит об измерении, соизмерении труда. Иной раз у нас люди начинают избегать говорить, что закон стоимости нужен для того, чтобы

учитывать труд, боятся соскользнуть на «учетную концепцию». Но ведь «учетная концепция» плоха тем, что люди не анализировали характер труда, создающего товар при социализме, что к закону стоимости подходят только с бухгалтерской меркой. Такой подход неверен; но ошибочным является также игнорирование закона стоимости как рычага учета социалистического труда. А между тем остро стоят такие практические вопросы, как вопрос об учете себестоимости и стоимости, о ценах на промышленную и сельскохозяйственную продукцию и т. д.

И. И. Козодоев говорил здесь, что люди бессильны исчислять трудоемкость продуктов труда в часах. Это, конечно, не так. Такая трудоемкость учитывается, но не об этом идет речь. А как сравнивать трудоемкость продуктов разных отраслей? Попробуйте трудоемкость одного предмета сопоставить с трудоемкостью другого предмета, в другой отрасли промышленности. Это вещи не сопоставимые, так как час труда одного рабочего далеко не всегда равен часу труда другого работника. Для соизмерения нам нужна еще стоимость.

В. Н. ЧЕРКОВЕЦ

СПОР О ТОМ, ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПРИЧИНОЙ СОХРАНЕНИЯ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ХАРАКТЕР ТРУДА ИЛИ РАЗЛИЧИЕ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ, ЛИШЕН СОДЕРЖАНИЯ

Формы собственности исторически обусловлены характером общественного труда, но, раз возникнув, формы собственности пронизывают всю систему общественного труда, придают ему соответствующее социальное содержание.

В наших дискуссиях по вопросу о необходимости товарного производства вопрос обычно вращается вокруг того, что является причиной: характер труда или форма собственности. Одни говорят, что причиной является форма собственности, другие утверждают, напротив, что причина заключена в характере труда. Третьи полагают, что причину следует искать и в том и в другом.

Посмотрим, нет ли здесь надуманного противопоставления понятий и имеют ли право сторонники положения, что товарное производство вытекает из формы собственности, а не из характера труда, обвинять своих противников в чем-то неправильном.

Акад. К. В. Островитянов, который, как известно, стоит на этой точке зрения, в своем выступлении здесь, на нашей дискуссии, заявил вначале, что из характера труда мы не можем выводить товарное производство. В то же время, анализируя ход изложения теории товара в «Капитале», К. В. Островитянов сказал, что Маркс идет от товара к труду и в характере труда, в его двойственном характере, ищет основу товарного производства.

Стало быть, Маркс выводит товар из характера труда. Стало быть, основой товара является двойственный характер труда.

Правда, К. В. Островитянов выдвинул вслед за этим положение, что двойственный характер труда объясняется частной собственностью на средства производства, — частная собственность определяет характер труда.

В соответствии с логикой К. В. Островитянова получается, что все-таки близлежащей основой товара является двойственный характер труда, а более далекой основой — частная собственность на средства производства.

Следовательно, получается такая схема: производительные силы на известном этапе развития становятся причиной возникновения частной собственности — частная собственность определяет характер труда. Такова основная линия зависимостей.

Заметим это, запомним. Поставим вопрос, правильно ли обозначена эта связь? Да, правильно, но лишь с одной стороны.

В самом деле, К. В. Островитянов, критикуя здесь положение И. И. Козодоева о том, что причиной товарного производства является не уровень производительных сил, не общественное разделение труда, а различие форм собственности, правильно заметил, что исторически товарное производство и возникло на определенном этапе развития производительных сил и общественного разделения труда.

Следовательно, определяется другая зависимость. Производительные силы являются первоосновой, решающим моментом развития общественного разделения труда. А общественное разделение труда приводит к частной собственности и существует в форме этой собственности.

Следовательно, характер труда в виде разделения труда выступает исторически и логически как предшественник частной собственности и товарного производства, причем само общественное разделение труда является не только условием товарного производства, но и составным элементом товарного производства и его общим основанием. В чем же здесь дело?

Здесь явно намечаются две зависимости. В марксистской литературе развитие общественного характера труда в историческом аспекте всегда рассматривается как предшествующий момент по отношению к определенной социальной форме. Возьмите, например, первобытно-общинный строй. Мы всегда пишем, что общий труд вел

к общей собственности. Об этом писали и Сталин, и Плеханов, и авторы учебника политической экономии. Известно также, что общественный характер процесса производства, развиваясь в рамках капиталистической собственности, вступает в противоречие с капиталистической собственностью и является тем началом, которое непосредственно вызывает необходимость ликвидации капиталистической собственности.

Следовательно, когда речь идет о главной линии исторического развития общества, связь производительных сил с частной собственностью или любой формой собственности дается через развитие общественного труда.

В то же время правильно и другое положение: характер труда определяется господствующей формой собственности. Почему правильно? Потому, что определенная, социальная форма труда, или форма собственности, возникая на определенной стадии развития производительных сил и их общественного характера, или характера общественного труда, в свою очередь начинает определять характер всех вызвавших ее к жизни сил, и не только как внешнее условие и как внешний фактор, а как форма, проникающая во всю совокупность этих элементов. Диалектика здесь такова, что «форма» становится «содержанием». Форма собственности накладывает печать на всю систему общественного труда, на характер общественного труда и т. д., придавая ему определенную социальную форму.

Следовательно, когда говорят, что собственность определяет характер труда, то имеется в виду обратное воздействие собственности. Но из этого следует, что собственность не только влияет на характер труда, но, прежде чем влиять на характер труда, сама несет в себе и отражает в себе все исторические особенности определенной ступени развития элементов общественного труда, уровень развития производительных сил.

Что же берется из характера труда, когда он рассматривается как каузальное основание формы собственности? Очевидно, все то, что идет не от собственности, а от производительных сил и представляет элемент их естественноисторического развития.

Сюда попадает многое: и степень развития общественного разделения труда (не только в смысле услож-

нения общественных связей между производителями, но и ряд других моментов), и степень различия между умственным и физическим трудом, выражающаяся, в частности, в прикованности производителей к своей профессии.

Маркс говорил часто о так называемом порабощающем человека разделении труда и имел в виду этот момент, как производный от развития производительных сил. Например, ликвидацию порабощающего человека разделения труда он рассматривал как одну из важных сторон развития социализма в коммунизм, его перехода в высшую фазу.

Человек как производительная сила постоянно развивался. Развивалось, в частности, и его отношение к труду, — конечно, под воздействием определенных исторических форм производства.

Следовательно, любая форма собственности, в том числе и общественная собственность, возникая при наличии определенного характера труда, отражает в себе особенности этого характера труда и придает ему специфические особенности.

Все сказанное приводит нас к заключению, что спор о том, что брать за основу решения данного вопроса — характер труда или форму собственности, — не имеет никакого смысла, он бессодержателен. Надо обстоятельно раскрыть весь комплекс зависимостей в характере общественного труда, и тогда будет ясно, что представляет собой форма собственности на данном историческом этапе ее развития.

Часто у нас не понимают проблемы собственности и сводят ее к юридическому понятию собственности. Маркс же специально подчеркивал, что собственность — это определенная форма производства. Здесь нечего придумывать что-то новое. Наше преподавание студентам иногда с самого начала прививает им неправильное понимание собственности, что накладывает печать на всю последующую их работу в области политической экономии.

И. И. Козодоев с самого начала выдвигает несостоятельную методологическую предпосылку всего хода своего исследования — отрывает стоимость от товара. Это было подвергнуто здесь справедливой критике. Напомним, что в предисловии к I тому «Капитала» у Маркса есть такое выражение: товарная форма про-

дукта или форма стоимости товара. Для Маркса это тождественные вещи. Рассматривая развитие формы стоимости, он часто применяет термины «простая товарная форма продукта» и «простая форма стоимости» в идентичном смысле. И это, действительно, вытекает из того положения, что стоимость является коренной чертой товара.

В этой связи уместно будет заметить следующее. Многие выступавшие на дискуссии товарищи поддерживали И. И. Козодоева в том плане, что исходным в анализе товара должен быть сам товар, причем в этом видели одну из больших заслуг не только И. И. Козодоева, но и других экономистов, которые раньше высказывали эту точку зрения. Так вот спрашивается, почему надо ставить вопрос именно так? Если мы считаем, что стоимость есть сущность товара, то почему надо обязательно из товара выводить стоимость, а не из стоимости выводить товар? Где разумные основания для этого? Ссылаются на Маркса, что, дескать, Маркс в «Капитале» идет от товара к стоимости. Но это не совсем так, и нельзя этого утверждать. Вспомним, с чего начинает Маркс в «Капитале». Он начинает с товара в его проявлении, с того, как выступает товар в обмене, — товар как сочетание потребительной стоимости и меновой стоимости. Маркс начинает с того, что выступает на поверхности явлений с обмена товаров. Это обстоятельство подчеркивал В. И. Ленин. Тут еще нет товара, раскрытого в единстве потребительной стоимости и стоимости. Как далее излагает Маркс? От меновой стоимости Маркс идет не к стоимости, а идет к труду и лишь через труд приходит к стоимости. И лишь в конце своего анализа он определяет товар как единство потребительной стоимости и стоимости. Когда у него появляется товар? После всего этого анализа. Так что ссылка на Маркса в этом отношении тоже не основательна.

Как мы объясняем студентам необходимость разделения труда на конкретный и абстрактный труд? Мы берем характер самого труда, берем общественное разделение труда и частную собственость, а потом показываем, как отсюда вытекают все остальные процессы раздвоения труда, как возникает товарная форма продукта. В этой логической цепи стоимость предшествует товару. Но дело не в том, что чему предшествует,

дело совершенно не в этом, а в том, чтобы вскрыть все зависимости и связи в данном процессе.

Несколько слов о концепции К. В. Островитянова. Говоря о том, что формы собственности в их взаимосвязи являются основой необходимости товарного производства при социализме, К. В. Островитянов солидаризуется по существу в этом отношении с «Экономическими проблемами социализма в СССР». Его суждения о значении мирового рынка тоже согласуются с точкой зрения И. В. Сталина.

Но К. В. Островитянов включает в объяснение необходимости товарного производства и материальную заинтересованность, существующую внутри государственного сектора, и личную собственность, существующую внутри государственного сектора. Эти суждения в своей основе правильны. Однако вопрос лишь поставлен, но не решен, потому что К. В. Островитянов указывает, что без наличия колхозной собственности все эти факторы не имеют никакого самостоятельного значения и фактически они тем самым исключаются из основы необходимости товарного производства при социализме.

Поэтому нам представляется, что вопрос поставлен правильно, рационально, но он не решен. В своем выступлении Э. Я. Брегель развил эту точку зрения. Он считает, что этот момент имеет самостоятельное значение для выявления необходимости товарного производства при социализме. Это положение дает известное решение вопроса, поставленного К. В. Островитяновым. Если учесть то, о чем мы говорили раньше,— взаимосвязь характера труда и собственности,— тогда добавить к суждениям проф. Брегеля пришлось бы только одно: надо брать все моменты характера труда не сами по себе, а облеченные в социальные формы, которые в совокупности и составляют понятие общественной собственности. Тогда мы будем монистически выводить товарное производство (а монизм является для марксизма необходимым требованием) из форм собственности.

Но мы не можем абстрактно ставить вопрос, мы должны рассматривать формы общественной собственности на данном этапе развития. И мы можем понять их специфику, лишь проникнув глубже в характер труда, существующий на современном этапе. Тогда обществен-

ная собственность при социализме нашего времени предстанет как совокупность определенных исторических особенностей, относящихся не только к колхозному сектору производства.

Неверно, на наш взгляд, рассматривать общенародную собственность, взятую без колхозной собственности, в неподвижном плане. Нельзя думать, что общественная, общенародная собственность в том виде, в каком она существовала в 1918 г., существует и теперь и будет существовать при коммунизме, не испытывая никаких превращений; это означало бы абстракцию без движения, мертвую абстракцию.

Из этого не следует, что допущение в известных пределах абстракции единой общенародной собственности в целях выяснения характера общественной собственности неправомерно. Но если допустить такую абстракцию, то все равно нельзя брать общенародную собственность без движения, без внутренних изменений. Общественная собственность все время развивается на основе развития производительных сил, вбирает в себя все особенности исторического процесса, в том числе и особенности характера труда.

И тогда, с исторической точки зрения, мы действительно найдем такие особенности нашего развития на данном этапе, такие особенности общенародной собственности, которые исчезнут при дальнейшем развитии. Эти особенности проявляются, в частности, в необходимости известного хозяйственного обособления социалистических предприятий, приводящего к необходимости сохранения товарно-денежных отношений при социализме.

Н. С. СПИРИДОНОВА

В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ ТОВАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НЕ ИМЕЮТ УНИВЕРСАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА: ЗЕМЛЯ, РАБОЧАЯ СИЛА, ФАБРИКИ И ЗАВОДЫ — НЕ ТОВАРЫ

Продукты государственных социалистических предприятий (не только средства производства, но и предметы потребления) лишены главного признака товара — смены собственников в процессе обмена. Отрицание стоимости средств производства ведет к отрицанию стоимости созданных с их помощью предметов потребления.

В ряде выступлений справедливо подчеркивалась необходимость анализа товарного производства как одного из элементов производственных отношений, в непосредственной связи с исторически обусловленным способом производства. Это дает возможность раскрыть различное значение и конкретные особенности товарного производства на различных ступенях развития человеческого общества, проанализировать связь, присущую товарному производству и закону стоимости, с основным экономическим законом той или другой формации, выявить особенности проявления закона стоимости и результатов его действия. Исторический подход к анализу товарного производства и его категорий наглядно показывает ненаучность утверждений некоторых товарищей об отсутствии товарного производства на социалистической стадии развития.

Товарное производство становится объективной необходимостью в условиях, когда существует общественное разделение труда, связывающее производителей, разобщенных отношениями собственности. Поскольку эти два фактора встречаются на разных ступенях общественного развития, постольку товарное производство обслуживает различные общественно-экономические

формации. Раскрывая взаимосвязь общественного разделения труда с формами собственности и уровнем развития производительных сил, К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Немецкая идеология» писали: «Уровень развития производительных сил нации обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито у нее разделение труда». И далее: «Различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда» [1].

В условиях социализма незавершенность коммунистического преобразования экономики — наличие остатков старого общественного разделения труда и двух форм общественной собственности на средства производства (всенародной и кооперативно-колхозной) — определяет неизбежность сохранения товарного производства.

В нашей стране колхозное крестьянство и кооперированные кустари составляли в 1956 г. 40% всего населения. Доля колхозов в заготовках хлеба превышала 70%. Удельный вес колхозов и личных подсобных хозяйств колхозников в товарной продукции животноводства составил в 1956 г. по мясу и салу — 79%, по молоку — 81%, по шерсти 84%. Эти цифры красноречиво говорят об исключительном значении экономических связей (как производственных, так и товарных) между двумя производственными секторами, между рабочим классом и крестьянством.

Унаследованное от прошлого товарное производство характеризуется при социализме особыми чертами. Оно все в большей мере теряет коренные свойства досоциалистического товарного производства, причем особенно это относится к средствам производства, изготовляемым и реализуемым внутри государственного сектора.

В силу обусловленности товарного производства общественным разделением труда и обособленностью производителей отношениями собственности главным признаком товара является то, что он — продукт труда, поступающий в потребление через обмен, при котором

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, изд. 2, стр. 20.

происходит смена собственников. Маркс указывает, что в процессе обмена собственность на товар уступается, но стоимость при этом не отдается. У продуктов государственных социалистических предприятий этот главный признак товара по сути дела отсутствует.

Это относится и к предметам потребления и к средствам производства. Когда рабочие или колхозники покупают предметы потребления, то последние в строгом политико-экономическом смысле тоже уже не товары. Ибо они изготовляются при помощи всенародных средств производства самими рабочими, принадлежат всему обществу, рабочим и крестьянам как членам общества и поступают через обмен к ним же. А переход из общественной в личную собственность будет иметь место и при коммунизме.

Следовательно, товаром как таковым является продукт колхозного производства, идущий в продажу. Во всем этом проявляется исторически преходящий характер товарного производства при социализме. Чем успешнее развиваются две формы социалистической собственности (при ведущей роли всенародной собственности на средства производства), тем в большей мере преодолеваются существенные различия между городом и деревней, умственным и физическим трудом, тем скорее стираются классовые грани. В меру развития этих процессов отмирает и товарное производство. Но это отмирание осуществляется диалектически — через укрепление и усовершенствование товарно-денежных отношений, т. е. через развитие товарности сельского хозяйства, усиление экономических связей между городом и деревней, налаживание идеальной советской торговли, снижение цен, всесторонний контроль рублем производства и обращения общественного продукта.

Находясь в неразрывной внутренней связи с товарным миром через процесс единого социалистического воспроизводства, средства производства сохраняют определенные свойства товара. Экономические отношения купли-продажи между государственным и кооперативным секторами социалистического хозяйства оказывают обратное воздействие; они способствуют развитию товарно-денежных отношений внутри секторов.

Если бы средства производства не сохраняли некоторые свойства товара, то в условиях органического

единства I и II подразделений это означало бы отсутствие товарной природы и предметов потребления. Отрицание стоимости средств производства ведет к отрицанию стоимости создаваемых с их помощью товаров. Стоимость товара состоит из старой, ранее созданной и воплощенной в средствах производства стоимости, и новой стоимости, произведенной рабочими, изготовившими данный товар. Маркс указывает, что «Рабочий не может присоединять нового труда, следовательно не может создавать новую стоимость, не сохраняя старых стоимостей...»[1]. В процессе труда стоимость средств производства частями переносится конкретным трудом на вновь создаваемый продукт. Стоимость товара социалистического производства не может быть суммой экономически разнородных частей, она не может образоваться из сложения стоимости с трудовыми затратами. Она является результатом единого процесса труда. Процесс образования стоимости товаров был бы невозможен, если бы средства производства не являлись товаром и не имели бы стоимости. Только признание того, что средства производства перестают, но еще не перестали быть товаром в политико-экономическом смысле, дает правильное представление о процессе образования стоимости товаров и позволяет обеспечить научную политику в области цен, укреплять хозрасчет, использовать стоимостные формы в целях ускорения темпов социалистического воспроизводства.

А как обстоит дело с социалистическими предприятиями, с их производственными фондами,— являются ли они товаром? Находясь во всенародной собственности, они не продаются и не покупаются, т. е. не являются товаром.

Но вместе с тем общество не может не учитывать общественно необходимые затраты, выраженные в амортизационных отчислениях, себестоимости, ценах и других стоимостных формах, ибо от этого зависит воспроизводство общественной собственности — источника благосостояния и культуры народа, экономической и политической мощи социалистического государства.

Итак, общественная собственность определяет не только особенности, но и границы товарных отношений

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, 1937, стр. 228

при социализме. Если при капитализме товарные отношения имеют всеобъемлющий характер, то в социалистическом обществе они не имеют универсального характера: земля, рабочая сила, фабрики и заводы не товары, не продаются и не покупаются. Что же касается продуктов труда, в том числе и произведенных на государственных предприятиях, то все они еще товары и имеют два свойства: потребительную стоимость и стоимость.

Важно отметить, что в социалистическом обществе потребительная стоимость — полезность вещи. ее способность удовлетворить ту или другую личную или производственную потребность — приобретает первостепенное народнохозяйственное значение. Она не подчинена стоимости (как это характерно для капитализма) и является непосредственно общественной полезностью, ибо производство материальных благ планируется исходя из учета потребностей общества.

Заинтересованность общества в обновлении, систематическом улучшении качества и расширении номенклатуры продукции выражается в том, что государство планирует выпуск важнейших видов продукции и создает материальную заинтересованность каждого работника и коллективов предприятий в выпуске высококачественной продукции в предусмотренном асссортименте и устанавливает личную административную и уголовную ответственность руководителей предприятий за нарушение плановой дисциплины. Борьба за отличное качество изделий, за честь фабричной марки является составным элементом всенародного социалистического соревнования.

Одновременно с этим общество не может не интересоваться объемом трудовых затрат на производство продукции, т. е. уровнем общественных издержек производства. Чем экономнее используются средства производства и живой труд работников, тем больше может быть выработано различных изделий, тем полнее удовлетворяются потребности общества. Общественные издержки производства при социализме воплощаются в стоимости продукции. Стоимость — другое свойство товара. Являясь воплощением общественных издержек производства, стоимость состоит из тех же элементов, что и общественные издержки производства. Она вклю-

чает стоимость потребленных средств производства и вновь созданную в результате затрат живого труда стоимость. Вновь созданная стоимость в свою очередь включает: а) стоимость продукта для себя и б) стоимость продукта, созданного трудом для общества, который в виде чистого дохода идет на социалистическое накопление и другие общественные потребности. Стоимость есть сгусток труда, воплощенного в определенной предметной форме того или иного товара. Как стоимости все товары одинаковы; они приравниваются друг к другу и обмениваются. Таким образом, в стоимости товаров проявляются присущие данному обществу экономические отношения товаропроизводителей. В условиях социализма — это отношения братского сотрудничества свободных людей, работающих на себя и на все общество.

Н. А. ЦАГОЛОВ

ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И РОЛИ ЗАКОНА СТОИМОСТИ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Проблема сущности и видимости явлений социалистической экономики. Форма собственности и экономическая характеристика труда. Попытки отрыва стоимости от товара сводятся к бесплодной игре в дефиниции. Три функции закона стоимости. Где и каким образом проявляется в нашей экономике воздействие закона стоимости на распределение общественного труда. Проблема включения труда отдельного работника в систему общественного труда не снимается ни групповой, ни всенародной собственностью.

Вопросы, поднятые на нашей конференции,— вопросы трудные и сложные. От цитатного способа их решения надо отказаться. Необходим творческий подход. А коль скоро речь идет о творческом подходе, то методологические проблемы приобретают первостепенное значение.

Прежде всего один частный методологический вопрос — вопрос о правомерности и познавательной ценности абстракции чистого социализма, т. е. социализма с одной формой собственности. Думаю, что никто не сможет серьезно доказать недопустимость или бесплодность такого рода абстракции. Из модели социализма с одной формой собственности исходили основоположники марксизма-ленинизма; из нее исходили и все мы, советские экономисты, примерно до 30-х годов. Никто не выдвинул здесь никакого весомого доказательства того, что такого социализма быть не может.

Социализм находится в процессе развития. И капитализм, как известно, тоже развивался. Сперва суще-

ствовал капитализм свободной конкуренции, затем — капитализм монополистический.

Наличие двух форм собственности является результатом наличия определенного уровня производительных сил. Это прямое следствие двух разных уровней развития производительных сил в разных секторах нашего производства, включая сюда и развитие главной производительной силы — работника. Предполагать, что эти два разных уровня останутся вплоть до перехода к коммунизму, нет каких-либо убедительных оснований.

Теоретическая абстракция социализма с одной всенародной собственностью вполне правомерна.

Проф. Брегель считает, что подобная абстракция не является абстракцией реалистической. Не могу согласиться с этим. Эта абстракция не относится к виду «дурных» абстракций, исходить из которых в научном анализе бесплодно и вредно.

Известно, например, что Ленин в полемике с Каутским по поводу его теории ультраимпериализма критиковал Каутского за то, что он абсолютизировал и «логизировал» развитие монополий и пришел к выводу о реальной возможности образования единого мирового треста.

Ленин говорил, что если чисто абстрактно мыслить,— образование единого мирового треста возможно. Но Ленин указывал, что эта абстракция нереальна. Почему? Потому, что движение к этому единому тресту совершается при таких противоречиях, что раньше, чем дело дойдет до единого мирового треста, эти противоречия взорвут капиталистическую систему. И потому подобная абстракция является нереальной. Но убедительно доказать, что социализм с единой — всенародной — формой социалистической собственности тоже является абстракцией подобного типа, никто пока не сумел, и, думаю, что это невозможно.

Проф. Кошелев говорил здесь о том, что социалистический строй нашей страны является классическим. От того, что наш социализм является классическим, он, однако, не становится социализмом, лишенным движения, он не превращается в социализм застывший. Социализм в СССР 60-х годов будет отличаться от социализма 50-х годов. Развитие будет происходить. И это движе-

ние не может не быть движением в сторону более высокой формы собственности.

Второй методологический вопрос — это вопрос о видимости и сущности экономических явлений при социализме.

Здесь было высказано очень много полезных соображений относительно того, что нужно исходить из фактов действительности. Это совершенно правильное положение. Но следует при этом непременно иметь в виду и другую сторону дела: положение марксизма о том, что сущность и видимость не совпадают, является истиной, относящейся не только к досоциалистическим формациям,— оно применимо и к социалистической экономике.

Проблема соотношения сущности и явления есть извечная проблема науки. Когда сущность и явление, видимость и сущность совпадут, тогда наука не нужна будет.

В свое время многие экономисты говорили о том, что политическая экономия изучает только товарно-капиталистические отношения. Они считали тогда, что при социализме сущность и видимость явлений совпадают. Но с тех пор утекло много воды, наша наука стала по-настоящему изучать законы социализма. Не только закон стоимости при социализме, но и те законы, которые являются специфически социалистическими, которые вытекают из системы производственных отношений социализма, тоже требуют теоретического анализа. Они тоже не видны простым, невооруженным глазом. И здесь есть проблема различия между сущностью и видимостью.

Вот почему нашим «эмпирикам», полагающим, что все, что выходит за пределы простой констатации фактов,— все это «от лукавого», необходимо напомнить, что одно дело факты, а другое дело объяснение этих фактов, выяснение природы этих фактов, их причинной обусловленности, их сущности. Без фактов не может быть науки, но констатация фактов и даже их систематизация — это только начало науки. Это — первая ступень, которая не завершает науку, а только начинает ее.

Поэтому апеллировать попросту к тому, что в нашей социалистической практике мы имеем дело с товарами,

имеем дело со стоимостью и себестоимостью — это еще не аргумент. Это само по себе не аргумент.

Один из товарищей очень правильно с этой трибуны говорил: мы пишем не только о товаре, но и о заработной плате, о прибыли. При этом, однако, все мы, без исключения, признаем, что за этими терминами при социализме скрываются совсем не те отношения, которые за ними скрывались до социализма, что форма заработной платы и форма прибыли не заключают в себе ни грана тех отношений эксплуатации, выражением которых они являлись.

Значит, доказательств от видимости недостаточно. Нужно от видимости идти к сущности. Каждое экономическое явление при социализме подлежит анализу, и в каждом случае задача заключается в выяснении его сущности.

Следующий вопрос, который здесь дебатировался, тоже имеет методологическое значение. Он ставился так: с чего надо начинать объяснение товара — с анализа труда или с анализа собственности?

Было высказано мнение, что первичной категорией является собственность, из нее выводится товар, а потом уже анализируется труд. В доказательство ссылались на Маркса: Маркс-де начинает с товара, анализирует потребительную стоимость и стоимость, а потом движется к труду, выявляет частный и общественный характер труда. Верно ли, что в «Капитале» изложение проблемы товара построено таким образом? Верно. Но следует непременно отличать **изложение** проблемы товара от **исследования** проблемы. Это — вещи разные. Если кто-нибудь думает, что при исследовании товара Маркс двигался в таком же порядке, в каком этот предмет излагается в «Капитале», то такому человеку полезно напомнить общеизвестное на сей счет заявление Маркса: «Конечно,— писал Маркс в послесловии ко второму изданию I тома «Капитала»,— способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования».

Но рассмотрим теперь затронутый вопрос по существу. Нам говорят: сначала собственность, затем товар и, наконец, труд. Но давайте проанализируем, что представляет собой собственность в политико-экономиче-

ском смысле, автономное ли это понятие по отношению к экономической характеристике труда.

Собственность вне процесса производства — это не экономическая категория. Экономической категорией она становится тогда, когда она рассматривается в аспекте присущих ей производственно-экономических функций.

Основой товарного производства, говорят нам, является частная собственность и общественное разделение труда. Но что такое общественное разделение труда? Разве это не есть определенная характеристика труда? Но что такое частная собственность? Разве это не есть характеристика труда? Конечно, это прежде всего и раньше всего характеристика труда. Стоит только нам сказать, что есть общественное разделение труда и есть частная собственность, и мы по существу тем самым сформулировали противоречие между частным и общественным характером труда.

Раз имеется общественное разделение труда,— это означает, что труд является общественным и что он расчленен. Если при этом добавляется, что при общественном разделении труда существует частная собственность, то это значит, что здесь имеется частная форма бытия общественного труда, что, следовательно, труд носит здесь непосредственно частный характер, что здесь имеется противоречие между общественным и частным характером труда.

Тот, кто признает, что частная собственность и общественное разделение труда является основой существования товара, тот тем самым признает, что основой товара является противоречие между частным и общественным трудом. Говоря о частной собственности при общественном разделении труда, мы фактически говорим о частной форме бытия общественного труда, т. е. формулируем (сознавая это или не сознавая) ту специфическую историческую особенность труда, которая придает продукту труда форму товара.

Следовательно, начинать с труда — это не значит ставить телегу впереди лошади. Лошадь идет так, как полагается, и телега находится на месте.

Следующий методологический вопрос — это вопрос о возможности существования стоимостных отношений без товарных отношений, возможности, провозглашен-

ной т. Козодоевым. Думаю, что здесь трудно иметь два мнения.

Что могут представлять собой товарные отношения без стоимостных отношений? Или что могут представлять собой стоимостные отношения без товарных отношений? Ничего ровно,— ибо эти два понятия неразрывно связаны. Если есть товар, то, по-видимому, есть и стоимость. Но стоимость без товара — это понятие почти мистическое, потустороннее. Где она, собственно, обитает, что является тем вещественным субстратом, в котором живет эта самая стоимость? До сих пор мы привыкли думать, что стоимость должна существовать в чем-то и через что-то себя обнаруживать. Ее самое держать в руках мы не можем, но ее носителя мы должны иметь возможность увидеть и «ощупать».

Разрыв товара и стоимости основан на бесплодной игре в «дефиниции». Каждое сложное явление, имеющее много граней и атрибутов, может быть выражено несколькими, а то и многими определениями. Оторвать эти определения одно от другого, абсолютизировать любое из них — значит податься из области науки в область, близкую к схоластике. Необычные (и весьма неуклюжие) определения товара, за которые здесь критиковали т. Козодоева («товар— это смена», «товар — это обмен» — и т. д.), не случайны. Они обусловлены игнорированием органической взаимосвязи разных определений и формул, выражающих разные стороны и разные (логические и исторические) грани единого явления, именуемого товаром. Маркс говорил, например, что продукт становится товаром постольку, поскольку товар превращается в деньги. Казалось бы, что все, что было сказано в первой главе до объяснения денежной формы стоимости, все это как-будто опровергается тем, что сказано во второй главе, т. е. утверждением, что продукт превращается в товар только тогда, когда товар превращается в деньги. Но так может представляться дело только тому, кто воспринимает Марксов анализ товара всего лишь как ряд изолированных дефиниций. А Маркс между тем имеет здесь в виду то крайне важное обстоятельство, что появление денег означает такую ступень развития товарных отношений, когда процесс воспроизводства начинает подчиняться экономическому закону, коренящемуся в самих товарных от-

ношениях. А пока этого нет о товаре можно говорить только в формальном смысле. Иными словами, там, где нет стоимости как закона, который в какой-то мере определяет процесс развития, там нельзя говорить о товаре в строгом и полном экономическом смысле этого термина.

Если товарные отношения не являются отношениями, оказывающими воздействие на процесс воспроизводства, если производственные отношения товарного типа не обладают еще силой закона, воздействующего на процесс воспроизводства (а этим законом является закон стоимости), то их, собственно говоря, нельзя по существу называть еще товарными. Определение товара как продукта, переходящего из рук одного собственника в руки другого собственника, является чисто формальным и мало помогает делу уяснения сути вопроса. С этой трибуны очень хорошо говорил об этом т. Островитянов, указавший, что процесс развития товара — исторический процесс и что в этом процессе исторического развития товар постепенно наполнялся новым и все более сложным содержанием. Самым важным в этом содержании является то, что товарные отношения начинают определять общественный процесс воспроизводства, подчинять его своим особым законам. Если этого подчинения нет, то товар существует в основном формально.

Под каким преимущественно углом зрения нам надлежит анализировать товарно-стоимостные отношения в нашей экономике? Думаю, что мы должны вести этот анализ под углом зрения тех функций, которые выполняет закон, свойственный товарным отношениям. Этим законом, как известно, является закон стоимости.

Но каковы вообще функции закона стоимости? Они общеизвестны и я на них здесь подробно останавливаться не буду. Хочу отметить все же, что обычно, когда говорят о законе стоимости, обращают внимание не на все функции этого закона. Если мы возьмем «классический» товар и «классические» товарные отношения, то перед нами выступят три функции закона стоимости. Закон стоимости действует, во-первых, как закон распределения общественного труда по разным сферам общественного производства; он действует, во-вторых, как закон повышения производительной силы труда и

действует, в-третьих, как закон разложения товарного производства.

Если мы исследуем товарные отношения при социализме, то мы обязаны прежде всего раскрыть функции закона стоимости в этих трех аспектах.

Относительно эпохи переходного периода мы имеем все основания утверждать, что в той или иной мере закон стоимости продолжает здесь проявляться во всех его функциях, хотя и с ограничениями.

Основным вопросом переходной экономики был вопрос «кто кого»? Особенности переходной экономики в том и состоят, что действие закона стоимости вполне естественно могло порождать и порождало капиталистические отношения.

Победа социализма как раз заключается в том, что уничтожена основа для капитализма, что система экономических отношений подверглась таким изменениям, что из закона стоимости, из товарных отношений не могут больше возникнуть капиталистические отношения. Произошли серьезные модификации, серьезнейшие изменения в роли закона стоимости.

Рассмотрим теперь закон стоимости в другом аспекте, под углом зрения его функционирования в качестве закона распределения общественного труда. Подчинено ли распределение общественного труда в условиях нынешней фазы экономического развития нашей страны закону стоимости? Конечно, нет. Оно управляется в основном и главном законом планомерного развития. Но значит ли это, что закон стоимости не оказывает ровно никакого влияния на распределение общественного труда, что по этой линии он совершенно не дает о себе знать в нашей экономике? Думаю, что подобное утверждение было бы неверно.

Возьмем колхозное производство, т. е. колхозно-групповую собственность и соответствующую ей форму производства; вспомним законодательные акты, акты экономической политики, которые имели место в этой области за последнее время. Колхозам предоставляется свобода в выборе продуктов, которые они производят. В условиях возможности свободной реализации созданных продуктов на рынке колхозы стремятся распределить свои трудовые ресурсы между отдельными культурами, между отдельными отраслями хозяйства таким

образом, чтобы получить наибольший денежный доход. Можно ли это считать формой проявления действия закона стоимости? Думаю, что безусловно. И, вообще, безусловно верно, что колхозно-кооперативная форма производства неизбежно порождает необходимость товарных отношений и действия в тех или иных пределах закона стоимости. Если колхозы функционируют не как полностью самоснабжающиеся натуральные хозяйства, а на основе общественного разделения труда, то сомневаться в необходимости товарных отношений не приходится. Это — обособленные хозяйства, и неизбежная форма контакта между ними — товарная. Совершенно естественно, что и отношения между колхозными и государственными предприятиями также должны принимать товарную форму. Отсюда, естественно, товарные отношения распространяются и внутрь государственного сектора производства.

Закон стоимости, выражающий эти товарные отношения, является в какой-то мере фактором распределения общественного труда между разными сферами производства. Только в некоторой мере — ибо сила государственного производства и вытекающего из его экономической природы закона планомерного развития настолько значительна, что она не позволяет закону стоимости подчинить себе процесс общественного воспроизводства.

Можно ли сказать, что закон стоимости влияет на процесс распределения труда в государственном секторе производства в такой же мере, как и в колхозном? Такое утверждение было бы неправильно, потому что сила действия закона планомерного развития здесь другая. Мы имеем здесь иное соотношение между тенденциями, которые вытекают из закона стоимости, и силой закона планомерного развития.

Встречаем ли мы в государственном секторе нашей экономики такие явления, в которых обнаруживается влияние закона стоимости на распределение труда? Мы нередко находим здесь случаи расхождения между плановыми наметками по выпуску определенных видов изделий и реальным выполнением этих планов на предприятиях. Ассортиментные позиции плана часто не выполняются. Стараются выполнять план в целом, по стоимости, по валовой продукции, но ассортиментные

позиции подчас не выполняются. В чем дело? Оказывается, что данному предприятию более выгодно произвести другие виды продукции, а не те, которые предусмотрены планом. Вытекает ли это из самой природы закона планомерного развития? Конечно, нет. Эти явления связаны с действием закона стоимости.

Если взять закон стоимости как закон, который **определяет** процесс воспроизводства, который **регулирует** процесс производства (а в процессе общественного производства одним из наиболее существенных моментов является распределение труда между разными сферами производства), то в качестве такового закон стоимости у нас не действует; но то, что он не действует в качестве всесильного регулятора, не означает, что он вообще бездействует. И те конфликты, о которых я упоминал, несомненно носят, на мой взгляд, характер стоимостных. Они связаны с тем, что продукт наш не просто продукт, а продукт, имеющий товарный характер.

Наконец, последний вопрос, вопрос о причинах существования товарной формы продукта труда при социализме независимо от двух форм собственности. Чтобы ответить на этот вопрос, я остановлюсь на последней из названных мной функций закона стоимости.

Закон стоимости гласит, что обмен товаров выступает в среднем как обмен эквивалентами, что существует тенденция к обмену товаров в соответствии с количеством труда, затраченного на их производство.

Но известно, что механизм этого закона таков, что принцип и практика (как выражается Маркс в «Критике Готской программы») все время противоборствуют. Без этого противоборствования невозможно представить себе действие закона стоимости. Это противоборство принципа и практики выражается не только в постоянном отклонении цен от стоимости; оно выражается также и в несовпадении индивидуальной и общественной стоимости.

В этом месте я позволю себе сделать небольшое отступление, чтобы подвергнуть критике одно из утверждений т. Козодоева, которое я считаю неправильным. Тов. Козодоев так представил здесь стоимость, что ее почти невозможно отличить от меновой стоимости. Тов. Козодоев считает, что о стоимости можно говорить только тогда, когда она представлена в третьем товаре

(заметьте — даже не во втором, обязательно в третьем!). Речь идет у него даже не о меновой стоимости, а об определенной форме меновой стоимости. Какова эта форма? Это форма цены. Так вот, мне думается, что вся эта трактовка стоимости глубоко неправильна.

Маркс различает понятия труда, стоимости, меновой стоимости и определенной формы меновой стоимости. И. И. Козодоев зачеркивает понятие стоимости в ее отличии от меновой стоимости.

Маркс воевал против Бейли, который пытался представить стоимость только как меновую стоимость. Маркс критиковал своих предшественников за то, что они не умели отличить стоимость от меновой стоимости. Как носитель известного количества социально-определенного труда, товар выступает как стоимость. Это есть его качество, которое возникает до того, как стоимость проявляется через меновую стоимость. Нельзя делать скачок от труда прямо к меновой стоимости.

Труд, стоимость, меновая стоимость — такова цепь причинных связей. Поэтому связывать определение стоимости с выражением затрат труда в третьем продукте неправильно. Конечно, стоимость может обнаружить себя только через меновую стоимость. Но это не значит, что следует смешивать вопрос о внутренней мере стоимости с вопросом о внешней мере стоимости и отрицать существование стоимости вне меновой стоимости.

Возвращаюсь к характеристике третьей функции закона стоимости. Эта функция состоит в том, что закон стоимости уравнивает неравные количества труда. Неравные количества индивидуального труда сводятся к равному общественно необходимому труду.

Процесс образования стоимости заключается не только в том, что конкретные виды труда сводятся к абстрактному труду, но также и в том, что индивидуальные затраты труда сводятся к единому общественно необходимому труду. Тот, кто создал определенный вид продукта, создал тем самым определенную величину стоимости, независимо от того, больше или меньше индивидуального труда затрачено им на его изготовление. Это свойство закона стоимости действует в условиях товарного производства как фактор повышения производительности общественного труда.

Существует ли при социализме процесс сведения индивидуальных трудовых затрат к общественно необходимым затратам? Разумеется, существует. В нашей экономике закон стоимости выполняет эту функцию, конечно, иначе, чем в стихийном хозяйстве, но все же в этой своей функции закон стоимости сохраняет свою роль в несравненно большей мере, чем в области распределения труда между разными сферами производства.

Хочу в этой связи поделиться некоторыми своими соображениями по поводу всенародной собственности и тех отношений, которые из нее вытекают. В чем сущность всенародной собственности? Сущность всенародной собственности заключается в том, что все члены общества имеют равное отношение к средствам производства. Но всенародная собственность на нынешней исторической ступени ее развития не исключает противоречий между обществом и личностью, она не исключает противоречий между всем совокупным общественным трудом и трудом отдельного лица, вносящего свой вклад в общественное производство. .

Проблема включения труда отдельного индивида в систему общественного труда не снимается ни групповой собственностью, ни всенародной формой собственности. Ее пытаются загнать на задворки, ее хотят увести в распределение. Всякую попытку рассмотреть вопрос о том, как включается труд отдельного члена общества в систему общественного труда, объявляют распределенческим подходом к проблемам социализма. Между тем никто не взял на себя труда доказать, что это распределенческий подход. В действительности же всякое отношение производства есть в то же время и отношение распределения. Когда мы имеем дело с капиталистическим способом производства и изучаем, скажем, прибавочную стоимость, то с чего мы начинаем? Тайна возрастания авансированной величины стоимости раскрывается учением об особом товаре, о рабочей силе как товаре. Фундаментальные выводы этого учения сводятся к тому, что рабочий получает стоимость рабочей силы, а капиталист — прибавочную стоимость. Следовательно, и эти отношения можно объявить распределенческими. Но ведь они составляют основу и суть капитализма.

Все можно назвать распределением, потому что отношения производства и распределения являются разными сторонами того, что называется производственным отношением в широком смысле.

Социалистическая система производства не может сразу уничтожить те различия, которые имеются в труде. Наши учителя предвидели, что социалистическое общество будет нести на себе следы старого общества. Самыми важными из них являются разное отношение к труду и разная его производительность.

Мы ликвидировали закон стоимости рабочей силы, рабочая сила перестала быть товаром, так как средства производства перестали быть объектом частной собственности, а члены общества имеют свободный доступ к ним. Но вместе с тем доля каждого члена общества в общественном фонде средств потребления зависит от его труда. То, что он получит, зависит от того, что он произведет. А это определяется не количеством отработанного времени, а количеством продуктов, которые он за это время произведет для общества.

На фабриках и заводах учитывается, сколько работник создал продуктов. Вследствие разной производительности одинаковые количества труда разных работников создают разное количество продуктов. Но социальный учет означает в данном случае, что разные количества труда включаются в общественный труд как равные. Здесь, следовательно, происходит в какой-то мере процесс уравнения неравных величин, что характерно для закона общественно необходимого труда.

Раз этот процесс имеет место, то формула о непосредственно общественном труде требует ближайшего, более глубокого рассмотрения и анализа. Труд при социализме является непосредственно общественным в том отношении, что он планомерно распределяется по разным сферам производства. Но доля каждого работника в совокупном продукте не определена прямо и непосредственно; она определяется, как правило, не количеством затраченного труда, а количеством созданных продуктов. Каждый из членов социалистического общества получает не в соответствии с индивидуально затраченным количеством труда, а в соответствии с общественно необходимым. Но общественно необходимое

время не может быть определено непосредственно в рабочем времени, оно определяется через продукт. А это значит, что труд не прямо, не непосредственно, а через продукт получает количественную и качественную оценку со стороны общества. Тем самым продукт принимает характер стоимости и его движение в обществе должно принять товарную форму и товарный характер.

Все помнят, что был период, когда мы начисто отрицали закон стоимости и товарное производство. Это был период с конца 20-х годов до начала 1941 г., примерно около десятилетия. Было ли в этом что-нибудь рациональное? Было. Это рациональное заключалось в том, что в этот период завершалась борьба между двумя началами. Решался вопрос «кто — кого?» Сила нашего социалистического производства возрастала и одолевала силы стихии. И в этом смысле отрицание закона стоимости как закона, регулирующего процесс воспроизводства, было для того периода рационально. Это неправильное теоретическое положение отражало исторический факт подчинения процессов воспроизводства новым историческим законам, законам социалистического воспроизводства.

Но теперь, когда позиции социализма окончательно утвердились, когда все понимают, что закон стоимости не является регулятором нашего производства, полное отрицание закона стоимости, всякого его воздействия на наше социалистическое производство находится в противоречии с фактами и мешает практике полнее и лучше использовать закон стоимости.

В нашу историческую эпоху задача заключается не в том, чтобы отрицать действие закона стоимости, а в том, чтобы изучить все стороны действия этого закона. И все, что можно выжать из этого закона для движения нашего хозяйства вперед,— все это мы должны максимальнейшим образом использовать.

Закон стоимости видоизменился. Известно, что наше товарное производство — товарное производство **особого** рода. Это выражение передает существо дела и отнюдь не должно вызывать иронии и скепсиса.

Эти оговорки не мешают, а помогают нам. Но «сидеть» на этих оговорках тоже нельзя. Сказать, что у нас товар особого рода, стоимость особого рода,— дале-

ко не достаточно, надо всесторонне изучать формы их проявления, их механизм.

Необходимо изучить, каким видоизменениям подвергаются разные функции закона стоимости в связи с особым характером товарных отношений при социализме.

Тщательный анализ конкретных форм проявлений различных функций закона стоимости является единственным надежным путем, обеспечивающим научное решение вопроса о причинах существования товарного производства, так же как и решение вопроса о роли закона стоимости и методах его сознательного использования в интересах дальнейшего подъема нашего хозяйства.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗАКОН СТОИМОСТИ И ПОЛИТИКА ЦЕН ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

А. В. БАЧУРИН

ЗАКОН СТОИМОСТИ И ВОПРОСЫ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ

(*доклад на конференции*)

Правильное практическое решение проблемы ценообразования во многом зависит от успешной научной разработки вопросов теории товарного производства и действия закона стоимости, опирающейся на учение классиков марксизма-ленинизма и на богатый опыт социалистического строительства в нашей стране. А мы имеем уже 40-летний опыт планирования цен и использования закона стоимости.

При анализе товарного производства и действия закона стоимости необходимо, по нашему мнению, исходить из следующих принципиальных положений марксистской политической экономии, имеющих весьма важное методологическое значение.

Во-первых, товарное производство и закон стоимости имеют исторически преходящий характер. Социалистическому способу производства они достаются в наследство от капиталистического хозяйства. На высшей стадии коммунистического общества не будет, как известно, товарного производства, не будет действовать и закон стоимости. Из этого следует, что товарное производство сохраняется на стадии социализма, и его, как правильно отмечает т. К. В. Островитянов («Коммунист» № 13, 1957), не следует выводить из социалистических производственных отношений, как заново возникающее.

Поскольку в условиях социалистического общества товарное производство сохраняется, а не возникает заново, совершенно неправильно было бы объяснять нали-

чие товарно-денежных отношений исходя из характера общенародной собственности или из личной собственности. Как общенародная собственность (в основе своей), так и личная собственность существуют на всем протяжении коммунистической формации. Сохранение товарного производства может быть обусловлено лишь теми особенностями производственных отношений, которые являются характерными для первой фазы коммунистического общества.

Во-вторых, поскольку товар, стоимость, цена являются экономическими категориями, их сохранение обусловлено прежде всего общественной стороной производства; они не могут быть выведены непосредственно из материально-технического уровня развития производства. В самом деле, было бы неправильно объяснять наличие товарного производства при социализме недостаточно высоким развитием производства по сравнению с коммунистической стадией развития. Подобно этому, и всеобщий характер товарного производства при капитализме не был непосредственно связан с тем, что капиталистические страны значительно подняли уровень развития производительных сил по сравнению с докапиталистическими формациями. Социалистическое общество еще более развивает производительные силы, и тем не менее сфера товарного производства здесь ограничена.

Из этого вытекает и другой вывод, что рост производства при социализме отнюдь не ослабляет значения таких, связанных с товарным хозяйством, категорий, как цена, финансы и кредит.

В современных условиях, когда уровень производства значительно возрос по сравнению с довоенным периодом, значение цены, финансов и кредита в развитии экономики не только не ослабло, а, наоборот, несколько возросло. Однако природа и назначение этих категорий по сравнению с капитализмом принципиально изменились прежде всего в силу коренных изменений в формах собственности, как основы производственных отношений. Товарное производство при социализме представляет собой товарное производство иного типа, чем в капиталистическом обществе, где оно основано на частной собственности, стихийном действии закона стоимости в качестве регулятора производства. Товарное производство при социализме носит уже черты не-

товарного хозяйства, причем в большей мере это выступает в отношении средств производства, реализуемых внутри государственного сектора. Средства производства, как известно, распределяются в основном по плану снабжения между государственными предприятиями. Здесь нет отчуждения — этой характерной черты товара; реализация производится по ценам, которые не испытывают колебаний в силу изменения спроса и предложения, хотя эти цены в известных пределах регулируются законом стоимости, как и цены на потребительские товары. Закон стоимости и цена испытывают на себе огромное регулирующее воздействие основного экономического закона социализма и закона планомерного развития хозяйства, т. е. специфических законов социалистического общества. Если бы цены всегда и всюду устанавливались в полном соответствии со стоимостью, то они во многих случаях находились бы в противоречии с требованиями основного экономического закона социализма и закона планомерного развития хозяйства. Поэтому нельзя советовать практикам при установлении цен всегда и всюду исходить из принципа полного их соответствия со стоимостью. Это касается не только цен на средства производства, но и цен на потребительские товары.

Возьмем к примеру последнее изменение цен на автомашины. Каков был бы результат, если бы наше правительство восприняло советы некоторых экономистов, желающих установить цены на все товары в строгом соответствии с их стоимостью? Очевидно, что при установлении цен на автомашины в соответствии с их стоимостью быстро растущий спрос населения можно было бы удовлетворить лишь путем резкого увеличения производства автомашин. Но в современных условиях такое решение находилось бы в противоречии с действием основного экономического закона и закона планомерного развития хозяйства. Ведь для того чтобы удовлетворить сильно возросший спрос, потребовалось бы направить в автомобильную промышленность значительно больше металла, резины и т. д. Но тогда наше государство вынуждено было бы соответственно сократить количество металла, направляемого в машиностроение, а это могло бы отрицательно сказаться на производстве товаров, имеющих решающее значение в удовлетворении по-

требностей народного хозяйства и широких слоев населения. Следовательно, такое решение противоречило бы требованиям основного закона социализма и закона планомерного развития.

Опыт социалистического строительства в СССР показывает, что устанавливать цены по всем товарам в строгом соответствии с их стоимостью нельзя. Однако основной недостаток практики ценообразования заключается отнюдь не в том, что ценорегулирующие органы, в том числе Госплан, слепо следуют советам акад. Струмилина, т. Малышева или других экономистов и устанавливают цены в соответствии со стоимостью, не соблюдая требований основного экономического закона и закона планомерного развития хозяйства. Наоборот: главный недостаток в области ценообразования заключается в том, что во многих случаях игнорировался или слабо учитывался закон стоимости. А наши экономисты должным образом не помогали практикам устранить этот недостаток, потому что разработка вопросов теории ценообразования до последнего времени находилась в запущенном состоянии. У нас нет, в частности, такого научного учреждения в стране, которое бы всесторонне и по-деловому занималось вопросами ценообразования. Между тем это, конечно, один из сложных участков социалистической экономики, где (как неоднократно указывалось в решениях нашей партии) перекрещивается много жизненно важных вопросов нашего экономического развития.

Следует также отметить, что разработка проблем ценообразования ведется разобщенно. Ведомственные органы, в том числе и Госплан, до последнего времени не координировали эту работу. Ценами занимаются Министерство торговли, в какой то мере — Министерство финансов, в некоторой степени — Министерство сельского хозяйства и, наконец, Госплан СССР. Но ни одно из этих ведомств вопросами упорядочения ценообразования до сих пор должным образом не занималось, если не считать мероприятий партии и правительства по снижению розничных цен и повышению заготовительных и закупочных цен, в проведении которых эти ведомства участвовали. В нынешних условиях назрел вопрос об образовании комитета цен или какого-либо другого органа, координирующего работу по ценам.

Известная недооценка вопросов теории стоимости и цен не могла не сказаться отрицательно на решении практических вопросов ценообразования. Известно, что в течение длительного времени экономисты вовсе исключали из сферы товарных отношений производство средств производства и тем самым ограниченно представляли себе сферу действия закона стоимости. Ценам на средства производства придавалось лишь формальное значение. Исходя из этого, некоторые экономисты пытались оправдать всякую практику ценообразования, в том числе и установление цен на средства производства на уровне их себестоимости. Между тем такая цена, как это очевидно, явно недостаточна для рациональной организации хозяйственной деятельности. Подобная практика мешала использованию цены в деле повышения экономической эффективности производства, в деле правильного определения экономического эффекта от применения новой техники; она отрицательно сказывалась на системе материального стимулирования работников и системе хозяйственного расчета.

В настоящее время некоторые экономисты (в том числе и т. Козодоев), признавая действие закона стоимости в сфере производства средств производства, не признают наличия там товаров, и даже таких товаров, которые постепенно превращаются в нетовар. Указанную точку зрения обычно аргументируют тем, что единственной причиной сохранения товарного производства является наличие двух форм собственности, что только в силу этого обстоятельства может иметь место отчуждение продуктов в качестве товаров. Но с этой точки зрения нельзя объяснить, почему товарами выступают при социализме продукты, реализуемые среди городского населения. Ведь здесь нет взаимоотношений между двумя формами социалистической собственности. Непонятно и следующее: каким образом средства производства получают стоимость, если они товарами не являются?

Тов. Козодоев говорит, что стоимость — это форма труда и свойство товара. Но стоимость, как известно, может быть формой не всякого труда, а только абстрактного труда, овеществленного в товаре. Маркс исходил из того, что абстрактный труд может существовать лишь в условиях товарного производства. В чем же может проявиться стоимость, если не в товаре?

Энгельс указывал, что «Единственная стоимость, которую знает политическая экономия, есть стоимость товаров» [1].

Что же касается цены, то она, как и стоимость, представляет собой категорию товарного хозяйства. «Цена есть денежное название овеществленного в товаре труда» [2].

Реализация товара не всегда связана с отчуждением его другому собственнику. Уместно напомнить в этой связи известное положение Маркса, относящееся к обмену между членами древних общин.

«Однако такое отношение взаимной отчужденности, — писал Маркс, — не существует между членами естественно выросшей общины... Обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи превратились в товары во внешних отношениях, то путем обратного действия они становятся товарами и внутри общины» [3].

Как на практике обстоит дело со средствами производства в социалистическом хозяйстве? Обмениваются ли они как товары, имеют ли цены на средства производства реальное экономическое значение?

Да, обмениваются. Большая доля средств производства сбывается за деньги государственным предприятиям, в том числе предприятиям легкой и пищевой промышленности, производящим продукты личного потребления. В цене продукции всех отраслей учитывается стоимость потребленных средств производства, приобретенных в качестве товаров. Средства производства участвуют в производстве товаров и материально, и своей стоимостью.

Часть производимых средств производства продается другим странам, а известная часть сбывается предприятиями в децентрализованном порядке.

Здесь говорилось о том, что некоторые товарищи будто бы преувеличивают значение факта продажи средств производства самими предприятиями. Недостаток здесь состоит в том, что до недавнего вре-

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 290.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 108.
[3] Там же, стр. 94—95.

мени вовсе запрещали предприятиям реализовать ненужное им оборудование, что весьма мешало его рациональному использованию.

За последние годы расширены права руководителей предприятий в отношении реализации ненужного им оборудования. Это дает возможность более эффективно использовать основные средства.

Когда средства производства продаются другим социалистическим странам, то здесь, безусловно, имеют место явления обратного действия, в частности воздействие на практику ценообразования в отдельных странах. Ведь это факт, что одной из проблем дальнейшего развития товарообмена между социалистическими странами является упорядочение внутренних цен в этих странах, осуществление научно обоснованной политики цен на базе использования закона стоимости, с учетом конкретных особенностей каждой страны.

Все это позволяет сделать вывод, что существование при социализме товарного производства особого рода и использование цены обусловлено как существованием двух форм общественной собственности, так и уровнем развития общественного труда, имеющего при социализме существенные особенности и являющегося средством для жизни. Эти два обстоятельства и характеризуют важнейшие особенности производственных отношений при социализме; они выступают в единстве и взаимно связаны между собой. Мы хотим этим сказать, что две формы собственности создают существенные особенности в характере общественного труда; и в то же время развитие общественного труда влияет на изменение самих форм собственности.

Некоторые экономисты, в том числе К. В. Островитянов, не согласны с тем, что общественный труд с его особенностями, присущими ему на стадии социализма, может рассматриваться в качестве одного из факторов сохранения товарного производства. К. В. Островитянов считает это учетно-распределительной концепцией. Конечно, если сводить все дело только к тому, что различия в характере труда делают невозможным его учет непосредственно в рабочем времени, и полагать, что только этим объясняется необходимость существования денег и сохранения товарного производства, то это действительно означало бы поставить телегу впереди лошади.

Такая учетно-распределительная концепция не годится для объяснения товарного производства, ибо необходимость учета затрат труда в денежной форме и правильного установления цен обусловлена наличием товарного производства, а не наоборот.

Но дело в том, что вопрос об уровне развития общественного труда и его влиянии на экономические отношения является значительно более сложным вопросом.

Товарищи, отвергающие положение о том, что уровень общественного труда является фактором сохранения товарного производства, не учитывают следующих двух принципиальных моментов. Во-первых, уровень общественного труда с его особенностями на стадии социализма отражает существенные стороны производственных отношений не только по линии распределения материальных благ, но и по линии их производства. Общество должно предоставить каждому рабочему эквивалент его труда на себя в соответствии с его количеством и качеством. Это можно сделать лишь путем продажи рабочему товаров за его заработную плату; и такая необходимость существует независимо от того, можно ли подсчитывать затраты труда на государственных предприятиях непосредственно в рабочем времени или нельзя. Некоторые товарищи говорят, что это возможно. По-видимому, это очень трудно, а вернее, невозможно. Ведь задача состоит в том, чтобы соизмерить в рабочем времени затраты абстрактного труда, овеществленного в товарах.

Во-вторых, общественный труд при социализме требует материального стимулирования, поскольку он еще не выступает как первейшая жизненная потребность человека. Здесь существует объективная необходимость в эквивалентном возмещении обществом трудовых затрат не только отдельных работников, но и коллективов работников предприятий. Эти коллективы материально заинтересованы в возмещении результатов труда, что достигается путем реализации произведенного продукта и возмещения его стоимости.

Следовательно, средства производства сохраняются в качестве товара как в силу единства расширенного социалистического воспроизводства и взаимодействия двух форм общественной собственности, так и в силу свойственного социализму уровня развития обществен-

ного труда с присущими ему особенностями. Последнее обстоятельство никоим образом нельзя игнорировать.

Когда т. Островитянов раскрывает в своей статье причины превращения продуктов потребления и средств производства в товары, он наряду с наличием двух форм собственности привлекает для объяснения и особенности общенародной и личной собственности. Это находится в известном противоречии с положениями, изложенными в начале его статьи. С одной стороны, автор говорит, что не следует товарное производство вновь выводить из производственных отношений социализма, а с другой стороны, когда дело доходит до конкретного объяснения факта сохранения товарной формы, он привлекает общенародную и личную собственность. Однако, если раскрыть существо его аргументации, то мы обнаружим, что для объяснения причин сохранения товара К. В. Островитянов привлекает не общенародную или личную собственность, а общественный труд с его особенностями. Не желая того, он поневоле подменяет один вопрос другим, а именно вопрос об уровне и особенностях общественного труда на стадии социализма он подменяет вопросом об особенностях личной собственности, с одной стороны, и государственной собственности — с другой.

В самом деле, т. Островитянов отмечает, что от личной собственности на высшей фазе коммунизма личная собственность при социализме отличается тем, что она связана с экономическим законом распределения по труду. Этот закон требует известной эквивалентности между трудом, который работники отдают обществу, и той оплатой, которую они получают (за вычетом прибавочного продукта, идущего на нужды всего общества). Далее в статье говорится о том, что материальная заинтересованность работников является одной из движущих сил развития социалистического производства. Поэтому и требуется, говорит далее т. Островитянов, такая экономическая форма взаимосвязей, при которой государство выдает предприятиям средства производства в пользование и распоряжение с тем, чтобы каждое предприятие возмещало свои затраты на производство путем реализации продукции на основе принципа эквивалентности. Но ведь если смотреть в корень, то дело заключается не в материальной заинтересованности (которая, кстати сказать, вытекает не из общенародной собствен-

ности), а в уровне развития общественного труда и в его особенностях.

Следует в связи с этим напомнить, что в результате дискуссии наши экономисты пришли к выводу, что «необходимость товара и закона стоимости в социалистическом обществе вытекает из характера общественного труда, обусловленного социалистической собственностью на средства производства в двух ее формах, и, в конечном счете, уровнем производительных сил в первой фазе коммунизма» («Предложения по улучшению учебника политической экономии»). Это положение, по нашему мнению, является более правильным, чем выводы т. Островитянова и некоторых других экономистов относительно решающей роли форм собственности в сохранении товарного производства.

Положение о том, что при объяснении причин сохранения товарного производства нельзя ограничиться наличием двух форм собственности, имеет большое принципиальное и методологическое значение. Оно означает, что товарное производство в период социализма сохраняется во всех странах, в том числе и в тех, где групповая форма собственности по тем или иным причинам не получит большого развития. Второй практический вывод состоит в том, что товарно-денежные отношения на стадии социализма играют важную роль не только в сфере отношений между городом и деревней, государственной собственностью и колхозно-кооперативной, но и внутри государственного сектора. Поэтому мы должны глубже изучать и правильно использовать действие закона стоимости внутри государственного сектора производства. Это, прежде всего, имеет непосредственное отношение к проблеме цен. В социалистическом обществе цены должны устанавливаться на базе общественной стоимости, а отклонения цен отдельных товаров от стоимости должны быть экономически обоснованы. Вопросы хозрасчета, материального стимулирования и использования цен имеют важное значение во всех звеньях социалистического хозяйства, в том числе и в тяжелой промышленности.

Рассмотрим теперь некоторые конкретные вопросы ценообразования.

Действие закона стоимости в социалистическом хозяйстве создает необходимость установления цен, как

правило, на базе средней общественной стоимости, а не на базе индивидуальной стоимости. Установление цены на основе индивидуальной стоимости может, конечно, иметь практическое применение в известных случаях, но преувеличивать значение этих случаев не следует. На базе индивидуальной стоимости могут устанавливаться цены продукции предприятий местной промышленности, когда эти предприятия реализуют свою продукцию в ограниченном, сравнительно небольшом районе. В этих случаях общественная стоимость по сути дела совпадает с индивидуальной. В случаях несерийного производства индивидуальная стоимость также может совпадать с общественной. В целом же в условиях социалистического хозяйства должны устанавливаться единые цены на важнейшие средства производства и потребительские товары. Это соответствует требованиям закона планомерного развития и закона распределения по труду и имеет большое значение для совершенствования производства и улучшения показателей работы. Если цены устанавливаются на базе средней общественной стоимости, то тем самым стимулируется технический прогресс и улучшение организации производства. Цена, базирующаяся на общественной стоимости, побуждает отстающие предприятия к тому, чтобы проводить техническое перевооружение, улучшить организацию труда и т. д. Это одно из конкретных проявлений действия закона стоимости.

Некоторые товарищи в целях устранения убыточности предлагают устанавливать цены в угольной, металлургической и некоторых других отраслях промышленности, исходя из худших условий производства. С этим согласиться нельзя. Такие цены не способствовали бы техническому прогрессу и росту производительности труда. В отраслях, в которых большие колебания в затратах на единицу продукции связаны с различиями в естественных условиях производства, цена, по нашему мнению, также не может регулироваться самой высокой стоимостью.

Следует иметь в виду, что при социализме оптовые цены на средства производства не регулируются спросом. При капитализме, как известно, в качестве рыночной стоимости может выступить при определенных условиях индивидуальная стоимость товара, произведенного на

худших предприятиях. Это одна из особенностей стихийного действия закона стоимости при капитализме, тормозящая технический прогресс и совершенствование производства.

Иное дело в условиях социалистического производства. Здесь интересы коллективов отдельных предприятий подчиняются общенародным интересам. Установление цен, исходя из стоимости в предприятиях с самыми высокими затратами, не способствовало бы усилению борьбы за снижение стоимости соответствующих видов продукции во всем обществе, в том числе и на худших предприятиях. Поэтому в плановом социалистическом хозяйстве нельзя ликвидировать невыгоды, связанные с высокими затратами, путем установления высокой цены. Нужно снижать эти высокие затраты, и чем скорее это совершается, тем лучше для всего общества. Высокие же цены тормозят снижение издержек производства. При ориентировании цены на средние условия, на ряде предприятий может оказаться, что цена будет ниже себестоимости, т. е. могут иметь место некоторые плановые убытки. Однако убыточность — явление все же отрицательное, и максимальное сокращение убыточности в промышленности является важной задачей. Убыточность устраняется путем внедрения новой техники, более рационального размещения предприятий и т. д.

Встает также вопрос об улучшении практики материального стимулирования на планово-убыточных предприятиях с тем, чтобы их достижения по линии снижения себестоимости поощрялись не в меньшей мере, чем на прибыльных предприятиях. Дело в том, что коллективы планово-убыточных предприятий в ряде случаев работают не хуже, чем коллективы прибыльных предприятий, а вместе с тем в практике материального стимулирования интересы коллективов планово-убыточных заводов или фабрик все же нередко ущемляются. Поскольку цены должны регулироваться общественной, а не индивидуальной стоимостью и в силу ряда объективных причин существуют различия в себестоимости аналогичной продукции, то нет никаких оснований к тому, чтобы в какой-то мере ущемлять интересы планово-убыточных предприятий, выполняющих государственные задания.

Повышение цены продукции в качестве одной из мер, направленных к ликвидации убыточности, может быть

оправдано для тех отраслей, где убытки связаны с явно заниженными по сравнению с общественной стоимостью ценами. Так, например, назрел вопрос о некотором повышении цен на уголь. Но повышение цен на уголь может вызвать и известное повышение цен на некоторые металлы, поскольку в металлургии большой удельный вес в себестоимости занимают затраты на топливо. Есть практическая необходимость в известном повышении цен на некоторые строительные материалы. В этой отрасли, в целом рентабельной, еще много, однако, убыточных предприятий.

В качестве общественной стоимости не может быть принята отраслевая стоимость, исчисленная путем распределения чистого дохода пропорционально затратам живого труда, как это предлагается акад. Струмилиным. При таком строении цен более высокий чистый доход имели бы отрасли с низким органическим строением фондов, т. е. отрасли, применяющие в значительных размерах живой труд. А в таких отраслях, как электроэнергетическая промышленность, и в других важнейших отраслях тяжелой индустрии, имеющих крупные производственные фонды и играющих весьма большую роль в развитии всего народного хозяйства, цены не обеспечивали бы получения дохода, требуемого для финансирования капитальных вложений. Отсюда ясно, что предлагаемая акад. Струмилиным цена не может быть использована в интересах подъема и совершенствования производства. Более того, она сдерживала бы технический прогресс.

В истории общества такая цена существовала, но это имело место в условиях возникновения товарного производства, на ранней стадии его развития, когда не было машинной техники, когда производство базировалось на ручном труде.

Некоторые экономисты предлагают устанавливать цены на базе «цены производства». Если даже отвлечься от специфически капиталистического характера цены производства, то нельзя не учитывать следующих обстоятельств, доказывающих нецелесообразность применения таких цен.

Планирование цен в соответствии с принципом распределения чистого дохода пропорционально стоимости производственных фондов оторвало бы цены от дейст-

вительных затрат на единицу продукции, и в частности от себестоимости, — этого весьма важного для практики показателя, посредством которого можно судить о том, что происходит с действительной стоимостью товаров.

Конечно, себестоимость выражает в денежной форме лишь часть стоимости. Но ведь по тому, как изменяется эта часть стоимости на том или другом предприятии, можно достаточно точно судить о том, как изменяется стоимость в целом. Если при прочих равных условиях себестоимость снижается, то, очевидно, снижается и стоимость; и, наоборот, повышение себестоимости отражает удорожание продукции.

При распределении чистого дохода (в ценах) пропорционально стоимости производственных фондов, т. е. при установлении цен по принципу «цен производства», значительно возросла бы рентабельность по отношению к себестоимости единицы продукции в тех отраслях, где применяются крупные производственные фонды. Потребовалось бы, видимо, довольно основательно повысить цены в машиностроении, в электроэнергетической и целом ряде других отраслей тяжелой промышленности, где применяются крупные производственные фонды; и, наоборот, пришлось бы резко снизить цены в пищевой и текстильной промышленности, где применяется относительно меньше машин. Эти цены в большей мере оторвались бы от стоимости по сравнению с ценами, устанавливаемыми путем прибавления средней оптимальной рентабельности к среднеотраслевой себестоимости продукции. Трудно представить, как практически можно было бы при этом обеспечить принцип единства оптовых и розничных цен на важнейшие товары, который обязательно должен соблюдаться, исходя из требований закона планомерного развития народного хозяйства и стимулирования технического прогресса. Нельзя допускать, чтобы один завод продавал машины одной и той же марки по одной цене, а другой — по иной. При таком положении была бы ослаблена плановая дисциплина и хозяйственный расчет, поскольку не соблюдалось бы должной планомерности в реализации продукции.

Товарищи, которые высказываются за так называемые «цены производства», в известной мере справедливо указывают, что существующая практика планирования рентабельности и установления цен не стимулирует

эффективное использование основных фондов и устранение сверхнормативных запасов материальных ценностей на предприятиях. Отрицательные явления в этой области бесспорно имеются. Однако не следует преувеличивать этот аспект значения цены, нельзя рассматривать ее как важнейший фактор повышения экономической эффективности основных фондов. Эта задача может решаться и другими путями.

Существующая система контроля за рентабельностью и существующие цены недостаточно стимулируют эффективность использования основных фондов по той, в частности, причине, что у нас неправильные нормы амортизации, в которых не учитывается моральный износ. При установлении правильных норм, с учетом морального износа, амортизация будет более правильно отражать (через себестоимость) степень использования основных фондов, эффективность их применения.

Для того чтобы заинтересовать предприятие в более эффективном использовании производственных фондов, целесообразно оценивать их работу не только с точки зрения выполнения плана по выпуску продукции и снижению ее себестоимости, но и с учетом результатов использования производственных фондов. Должен быть разработан показатель, характеризующий степень использования основных фондов. Этот показатель необходимо увязывать с системой материального стимулирования работников предприятий.

Заслуживает внимания вопрос о применении на практике наряду с показателем рентабельности, исчисленной по отношению к себестоимости, показателя рентабельности, исчисляемой по отношению к стоимости основных фондов. Проф. Атлас в этом отношении прав. Однако он неправ, когда связывает этот вопрос с необходимостью установления «цен производства». Пользоваться двумя показателями рентабельности можно и при установлении цен на базе усредненной общественной стоимости (среднеотраслевая себестоимость плюс оптимальная прибыль).

Все сказанное приводит к выводу, что упорядочения оптовых цен можно и нужно достигнуть на базе усредненной общественной стоимости. Но это сложная задача, и решить ее в короткий срок нельзя. Она может быть решена постепенно (на основе снижения себестоимости

продукции и улучшения практики ее планирования) в ходе дальнейшего снижения оптовых цен и установления экономически более обоснованных уровней рентабельности в различных отраслях промышленности.

Совершенно очевидно, что в ближайшие годы должна быть поднята рентабельность в тяжелой промышленности. Имеются все предпосылки к тому, чтобы успешно выполнить эту задачу, — прежде всего на базе дальнейшего снижения себестоимости и более дифференцированного снижения оптовых цен с учетом обеспечения предприятиям оптимальной рентабельности и сокращения убыточности.

Одной из задач в области ценообразования является снижение розничных цен на базе значительного роста производства товаров широкого потребления и серьезного снижения себестоимости сельскохозяйственного сырья. Дальнейшее снижение розничных цен, как это указал товарищ Хрущев в докладе, посвященном 40-й годовщине Великой Октябрьской революции, во многом зависит от снижения себестоимости сельскохозяйственной продукции.

Следует отметить, что себестоимость ряда сельскохозяйственных продуктов у нас еще очень высока, в силу чего некоторые промышленные предприятия, выпускающие товары широкого потребления, изготовляемые из с.-х. сырья, имеют при нынешних розничных ценах убыток.

В деле обеспечения дальнейшего снижения себестоимости сельскохозяйственных продуктов большое значение будет иметь повышение производительности труда на основе более рационального использования техники в сельском хозяйстве.

Требует дальнейшего улучшения практика планирования себестоимости продукции на предприятиях промышленности и особенно — сельского хозяйства.

Некоторые товарищи справедливо утверждают, что одна из причин имеющихся в ряде отраслей крупных потерь и нерациональной затраты труда состоит в том, что мы еще не научились подсчитывать и не подсчитываем стоимость товаров. Но еще более опасно не считать себестоимость продукции. Этим еще в большей степени затрудняется практическое использование закона стоимости в интересах улучшения производства и снижения затрат труда на единицу продукции. Мы полагаем, что

наряду с прочими основными показателями вышестоящие органы должны обязательно спускать предприятиям следующие задания: объем затрат на товарную продукцию, снижение себестоимости сравнимой продукции и уровень себестоимости важнейших изделий.

Если ограничиваться при планировании на предприятиях только средним показателем рентабельности на ряд лет (предложение т. Либермана и др.), то отнюдь не исключено, что одни предприятия будут легко перевыполнять план по накоплениям и будут получать большие премии, в то время как другие предприятия, часто не по их вине, будут испытывать финансовые затруднения.

В связи с задачами усовершенствования системы цен важное значение приобретает разработка вопроса об оптимальном уровне рентабельности в отдельных отраслях. Этот вопрос можно решать двояким образом. Некоторые экономисты рекомендуют устанавливать одинаковую норму прибыли (одинаковое отношение прибыли к себестоимости) в каждой отрасли. Нам представляется, что такое решение не будет отвечать требованиям социалистического хозяйствования. Нет необходимости завышать для некоторых отраслей уровень рентабельности, не считаясь, скажем, с потребностями в прибыли для нужд расширенного воспроизводства. При установлении уровня рентабельности нужно учитывать условия работы и действительную потребность каждой отрасли, а это предполагает известную поотраслевую дифференциацию норм рентабельности.

Важное практическое значение имеет также правильное решение вопроса о разделении денежных накоплений в промышленности на две части: на доход предприятия и так называемый централизованный доход в виде налога с оборота. У нас этот вопрос обычно не ставили, потому что привыкли считать, что налог с оборота должны платить только предприятия пищевой и текстильной промышленности. В тяжелой промышленности уровень денежных накоплений был до последнего времени значительно ниже.

Но если цены будут приведены в большее соответствие со стоимостью, то и в ряде отраслей тяжелой индустрии возникнет проблема разделения денежных накоплений на две части. Одна часть прибавочного продукта должна целиком поступать государству для обще-

народных нужд, а вторая часть, в виде прибыли или части дохода предприятия, должна использоваться в значительной доле в интересах хозрасчета и материального стимулирования и для покрытия затрат на расширенное воспроизводство в данном предприятии. При этом доля затрат на капиталовложения за счет прибыли должна быть увеличена, как это указано в решениях февральского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС.

В целях дальнейшего улучшения материального положения рабочих, крестьян и интеллигенции будет и впредь проводиться курс в отношении снижения цен. Но снижение цен должно осуществляться с учетом правильного регулирования растущего спроса на товары, причем не только спроса населения на все товары, но и спроса по отдельным группам товаров, что иногда в должной мере не учитывалось.

Для того чтобы нормально осуществлялся товарооборот и удовлетворялись растущие потребности населения, нужно обеспечивать соответствие между растущим спросом и его удовлетворением также по основным группам товаров. В плановом хозяйстве нельзя допускать такое положение, когда на некоторые товары цены неоправданно высоки и такие товары из-за этого не реализуются, скапливаются в торговой сети. С другой стороны, весьма нежелательна и спекуляция, возникающая порой вокруг тех товаров, спрос на которые высок, а цены явно занижены, особенно если это касается товаров, не являющихся предметами первой необходимости. Ориентация цен на стоимость не исключает того обстоятельства, что некоторые товары, являющиеся предметами первой необходимости, могут (до тех пор, пока у нас не будет полностью упорядочена заработная плата) продаваться ниже общественной стоимости. Так, например, детская обувь, на которую имеется большой спрос всех слоев населения, в том числе рабочих и служащих, получающих минимальные оклады, продается у нас по ценам, которые ниже действительной стоимости.

Все сказанное доказывает, что оптовые и розничные цены являются важным инструментом экономической политики. Советское государство планомерно использует цены в интересах роста и совершенствования производства, в целях неуклонного повышения благосостояния народа.

Г. Н. ХУДОКОРМОВ

О СООТНОШЕНИИ ЦЕНЫ И СТОИМОСТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

О форме осуществления требования закона стоимости — эквивалентности обмена. Факторы, ограничивающие регулирующее воздействие закона стоимости на цены в условиях социализма. Основой цены должна служить среднеотраслевая себестоимость плюс чистый доход, распределяемый пропорционально этой себестоимости. Резкое снижение за последние годы удельного веса продукции, реализуемой по заготовительным ценам, в общем объеме реализации колхозной продукции. О целесообразности перехода к единым ценам на колхозную продукцию, построенным по принципу закупочных цен. Необходимость совершенствования системы зональных цен.

Проблема ценообразования колхозной продукции представляет большой интерес. Планирование цен колхозной продукции — одна из важнейших отраслей народнохозяйственного планирования.

Продукция, которую колхозы реализуют государству, продается по ценам, планируемым государством. В условиях социализма нет стихийной игры цен. Цены колхозной продукции планируются государством, исходя из учета требований экономических законов: основного экономического закона социализма (в первую очередь), закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства и других экономических законов. Учитывается в процессе планового ценообразования и действие закона стоимости. И мы должны четко представлять себе, как именно он учитывается.

И. И. Козодоев в своем докладе не дал четкого обоснования важного требования закона стоимости —

эквивалентности обмена. Это очень важное требование, и оно должно учитываться при планировании цен. Но учет этого требования ни в коем случае не означает, что по каждому товару цена обязательно должна совпадать со стоимостью. Наоборот, сплошь и рядом отклонение цен от стоимости сознательно предусматривается социалистическим планированием, и это ни в коем случае не означает игнорирования действия закона стоимости.

Как же учитывается требование эквивалентности обмена?

Оно учитывается в масштабе всего общества как необходимость поддержания соответствия между суммой цен и суммой стоимостей товаров.

Правильное, экономически обоснованное, отклонение цен отдельных товаров от стоимости находится в соответствии с механизмом действия закона стоимости. Дело в том, что величина стоимости товара, выступая в форме цены, проявляется в меновом отношении товара к деньгам. Маркс писал по этому поводу, что «...в этом меновом отношении может выразиться как величина стоимости товара, так и тот плюс или минус по сравнению с ней, которым сопровождается отчуждение товара при данных условиях» [1]. Маркс подразумевает здесь влияние спроса и предложения. Колебания спроса и предложения представляют собой механизм действия закона стоимости — и в социалистическом хозяйстве его нельзя игнорировать. В противном случае возникнут нежелательные явления в хозяйственной жизни общества. Поэтому планирование цен должно обязательно учитывать соотношение между предложением товаров и спросом на них.

В связи с необходимостью учета механизма действия закона стоимости и использования требования эквивалентности я хочу остановиться на одном очень важном вопросе; его надо в конце концов решить. Вопрос этот таков: является ли закон стоимости в нашей экономике регулятором цен? Одни экономисты дают на этот вопрос утвердительный ответ, другие — отрицательный. Никто не отрицает как будто, что закон стоимости действует в известной мере как регулятор в сфере обращения товаров и регулирует меновые пропорции товаров.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, 1953, стр. 109.

Но как может закон стоимости регулировать меновые пропорции товаров, не регулируя цен? Ведь хорошо известно, что меновые пропорции складываются именно как соотношения цен. И учет стоимости товаров, и учет состояния спроса и предложения при планировании цен выражают собой, конечно, регулирующее действие закона стоимости по отношению к ценам. Но это не означает, что закон стоимости одновременно является и регулятором производства. Являясь регулятором цен, он регулятором производства не является.

Закон стоимости в социалистическом хозяйстве не является безграничным и стихийным регулятором цен, как в условиях капитализма. Его регулирующая роль поставлена в определенные ограниченные рамки. Ограничение регулирующей роли закона стоимости в отношении цен выражается в преодолении стихийного действия этого закона путем планирования цен товаров.

Может возникнуть вопрос: не является ли это утверждением того, что силой, ограничивающей действия закона стоимости как регулятора цен, является субъективный фактор — процесс планирования? Нет, конечно. Планирование цен отражает действие экономических законов — не только закона стоимости, но и основного экономического закона и закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства. Дело в том, что механизм действия закона стоимости функционирует в условиях социализма планомерно. Учет соотношения спроса и предложения товаров при планировании цен представляет собой не только отражение механизма действия закона стоимости, но и выполнение требования закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства, а именно — требования сознательного установления и поддержания соответствия между платежеспособным спросом и суммой цен товаров, подлежащих реализации.

Кроме того, повышение цен на продукцию, например, колхозного производства при недостаточном предложении этих товаров значительно увеличивает заинтересованность хозяйств в их производстве, что несомненно отвечает требованию основного экономического закона социализма. Механизм ценообразования, отклонение цен от стоимости используется и для целей технического прогресса. Чтобы внедрить в производство новые, более

прогрессивные средства производства, необходимо сделать приобретение их более выгодным, а этого можно достичь путем снижения цены. Мы видим, таким образом, что объективной основой ограничения регулирующего воздействия закона стоимости на цены является действие в первую очередь основного экономического закона социализма и закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства. Эти законы ограничивают регулирующее воздействие закона стоимости по отношению к ценам, точнее — они создают возможность и диктуют необходимость этого ограничения, но осуществляется оно уже в процессе планирования цен. Без правильного, экономически обоснованного планирования цен у нас не получится достаточно эффективного ограничения регулирующей роли закона стоимости.

Здесь может возникнуть такой вопрос: не противоречит ли ограничение регулирующей роли закона стоимости его использованию? Нет, не противоречит, ибо, как мы уже говорили, ограничение это представляет собой такое планирование цен, которое учитывает требования экономических законов, учитывает механизм действия закона стоимости. Вот почему ограничение регулирующей роли закона стоимости не только не противоречит понятию использования закона стоимости при социализме, а непосредственно входит в его содержание.

Имея в виду эти общие положения, относящиеся к вопросу о действии закона стоимости и его использовании в практике ценообразования, главными теоретическими принципами ценообразования надлежит считать следующие. Если продукты имеют одинаковую общественную стоимость, одинаковую трудоемкость, то цены на эти продукты (при отсутствии несоответствия между предложением и спросом) должны быть одинаковыми. Если необходимо стимулировать рост производства какого-нибудь продукта, в частности сельскохозяйственного продукта, т. е. если предложение его не удовлетворяет растущий спрос, то следует повысить цену на этот продукт. Если происходит снижение стоимости производства продукта на базе повышения производительности общественного труда и нет необходимости в дополнительном стимулировании его производства, то цену его следует снизить. Эти общие принципы должны постоянно учитываться в практике ценообразования; нару-

шение этих принципов означает нарушение требований закона стоимости и экономических законов социализма, нарушение механизма действия закона стоимости. В этих случаях возникают противоречия (хотя и не антагонистические) между объективной основой ценообразования и планированием цен.

Можно привести целый ряд примеров из практики ценообразования сельскохозяйственных продуктов, которые говорят о том, что партия и правительство, руководя планированием цен, постоянно учитывают действие экономических законов и в том числе регулирующее действие (в ограниченных пределах) закона стоимости, вскрывают возникающие противоречия между объективной основой планирования цен и процессом планирования цен и тем самым улучшают дело планового ценообразования.

Такими примерами могут служить повышение заготовительных и закупочных цен на ряд сельскохозяйственных продуктов, произведенное в 1953 г.; повышение цен на картофель и овощи, произведенное в 1956 г., и т. д.

Факты, которые мы наблюдаем в жизни, говорят о том, что в процессе планового ценообразования у нас учитываются и используются требования экономических законов. Но нужно сказать, что использование закона стоимости (а через него и других экономических законов, ибо правильное использование закона стоимости, механизма его действия, означает в то же время и осуществление требований основного экономического закона социализма и закона планомерного развития народного хозяйства) до последнего времени у нас не было достаточно научно обоснованным. Это касается, в частности, цен, по которым колхозы продают свою продукцию государству.

В чем состоит, по нашему мнению, недостаток в планировании цен продуктов колхозного производства?

Он состоит в том, что в процессе планирования цен на продукцию колхозов использование закона стоимости, учет регулирующей роли закона стоимости в сфере обращения, осуществляется в значительной степени косвенным путем. Барометром в этой области служили до последнего времени изменения производства продукции, совершавшиеся в связи с колебаниями степени материальной заинтересованности колхозов и колхозни-

ков в производстве того или иного вида сельскохозяйственной продукции.

Побудительными сигналами, призывавшими к упорядочению системы заготовительных и закупочных цен, служили главным образом явления, свидетельствовавшие об уже имеющемся несоответствии между плановыми ценами и объективной основой планирования этих цен. Это происходило потому, что мы не считали общественно необходимых затрат, не подсчитывали стоимости продукции, ее себестоимости. А между тем эти подсчеты позволяют заранее предвидеть возможность назревания несоответствия между объективной основой планирования цен, т. е. действием экономических законов, и планированием и предотвращать эти несоответствия.

Значительный вклад в дело улучшения системы планирования цен на колхозную продукцию вносит расчет себестоимости продукции; он дает научную основу для планирования цен и позволяет устранить те недостатки, которые имеются в этой области.

Колхозы начинают теперь подсчитывать себестоимость продукции, и мы должны эти данные полностью использовать в практике ценообразования.

Некоторые экономисты утверждают, что общей (для всех отраслей) основой цены должна служить средняя отраслевая стоимость. Эту позицию т. Бачурин критиковал, и критиковал, нам кажется, вполне справедливо. Он выдвинул другой принцип, сводящийся к тому, что общей основой ценообразования должна быть среднеотраслевая себестоимость плюс оптимальный размер чистого дохода.

Тов. Бачурин подверг критике и принцип, выдвигаемый т. Атласом. Последний считает, что планирование рентабельности должно непосредственно базироваться на учете размеров основных и оборотных фондов предприятия.

Не отрицая того, что размер основных и оборотных фондов должен учитываться при планировании рентабельности предприятий, мы полагаем, однако, что он не должен непосредственно связываться с планированием величины чистого дохода, включаемого в состав цены определенного товара. Базой для планирования цен должна быть себестоимость, и в этом т. Бачурин прав.

Но не прав он вот в чем. Он выдвинул идею оптимального дохода. Это очень растяжимое понятие. Один будет говорить, что оптимальный доход должен составлять 4% от себестоимости, а другой будет говорить, что 14%. И тот и другой могут доказывать, что они правы. Следовательно, надо выбрать какой-то общий критерий для определения размера чистого дохода. Таким критерием может быть пропорциональное распределение, или установление средней нормы прибыли, среднего чистого дохода, который должен относиться к средней отраслевой плановой себестоимости.

Этот принцип отнюдь не означает, что цены должны обязательно устанавливаться только на этом уровне и не могут отклоняться ни вверх, ни вниз от этого общего уровня. Означенный общий критерий допускает отклонение цен от принятого общего уровня с целью решения тех или иных народнохозяйственных задач. Но вместе с тем он позволяет судить о том, куда смещены цены: вверх или вниз от принятого уровня. При этом мы в состоянии правильно судить и о величине чистого дохода, и о величине отклонения.

Как же учитывать при планировании рентабельности предприятия размер его основных и оборотных фондов? Интересную мысль высказал по этому поводу т. Татур. Он говорил, что размер основных и оборотных фондов должен учитываться и что следует, быть может, идти по линии планирования объема выпускаемой продукции исходя из размера основных и оборотных средств. Этот принцип мне кажется более правильным, чем принцип выдвигаемый т. Атласом. Если планировать объем производства исходя из размера основных и оборотных фондов, а рентабельность исчислять путем отнесения чистого дохода к средней отраслевой себестоимости, то тем самым при планировании рентабельности будет учитываться и величина основных и оборотных фондов, и себестоимость продукции.

После этих общих соображений нам хотелось бы остановиться на некоторых конкретных проблемах планирования цен колхозной продукции.

Упорядочение системы цен и, в частности, осуществление перехода от множества цен к единым ценам подготовлено предшествующим развитием. Обязательные

поставки, которые реализуются по заготовительным ценам, уже перестали играть ту роль, которую играли раньше. Вот некоторые данные по Ленинскому району Московской области.

В 1948 г. удельный вес картофеля, реализованного по обязательным поставкам, составлял 65% от общего объема реализации по обязательным поставкам, закупкам и натуроплате. Сейчас (1956 г.) этот удельный вес снизился до 20%. Удельный вес овощей, реализованных по обязательным поставкам, снизился соответственно с 97,4 до 18%, молока — с 89 до 14,2%, яиц — с 95,5 до 12%.

Что же касается продажи по закупочным ценам, то в 1956 г. удельный вес реализации по закупочным ценам картофеля в общем объеме реализации повысился до 51%, овощей — до 64,5, молока — до 68,7 и яиц — до 88%.

Закупочные цены должны строиться таким образом, чтобы обеспечить одинаковую рентабельность производства всех видов сельскохозяйственных продуктов (т. е. одинаковые нормы рентабельности), за исключением тех случаев, когда имеется надобность в дополнительном стимулировании производства какого-либо продукта. В этой области у нас еще имеются большие недостатки.

Тов. Бачурин утверждает, что не следует ни в каком случае устанавливать цены на уровне затрат предприятий, хозяйствующих в худших условиях. Мы полагаем, что он смешивает две разные вещи — худшие предприятия и предприятия, хозяйствующие в худших условиях. Это не одно и то же. Если в государственном секторе при планировании цен следует брать за основу плановую среднеотраслевую себестоимость, то в отношении цен колхозной продукции такой принцип не годится. Колхозы — это предприятия кооперативные. Они должны осуществлять воспроизводство за счет своих средств и им всем — как хозяйствующим в лучших условиях, так и хозяйствующим в худших условиях — нужно обеспечить возможность расширенного воспроизводства. Поэтому при планировании сельскохозяйственных цен надо брать за основу среднюю плановую себестоимость колхозов, хозяйствующих в худших условиях. Но, повторяем, не следует смешивать понятие «худший колхоз» с понятием «колхоз, хозяйствующий в худших условиях».

Московская область находится в третьей зоне закупочных и заготовительных цен. Тут есть разные условия, имеются, в частности, суходольные и пойменные земли. Производство овощей и даже развитие животноводства сильно зависит от плодородия земли, на которой хозяйствует колхоз. Ясно, что цены колхозной продукции должны ориентироваться на себестоимость колхозов, имеющих худшие (в данном случае — суходольные) земли, и тогда мы будем обеспечивать расширенное воспроизводство во всех колхозах — как в тех, которые находятся в лучших условиях, так и в тех, которые находятся в худших условиях. Дифференциальная рента I, которая при этом будет создаваться в колхозах, хозяйствующих в лучших условиях, может изыматься в распоряжение государства посредством налога.

Еще одно соображение. Для того чтобы лучше влиять на сельскохозяйственное производство, нужно более активно использовать механизм действия закона стоимости. В случае необходимости расширения производства того или другого продукта следует повышать его закупочную цену. И, наоборот, в тех случаях, когда требуется, чтобы данный продукт не производился в данном районе, так как производить его здесь с общественной точки зрения нецелесообразно, — цену на него следует снижать.

И последнее соображение. В настоящее время мы не можем утверждать, что дифференциация заготовительных и закупочных цен по зонам страны вполне обоснована. Надо провести определенную работу по совершенствованию зональных цен с целью более правильного распределения земельной ренты, которая создается в колхозах [1].

---

[1] В исторических решениях июньского (1958 г.) Пленума ЦК КПСС «Об отмене обязательных поставок и натуроплаты за работы МТС, о новом порядке, ценах и условиях заготовок сельскохозяйственных продуктов», знаменующих собой новый этап в условиях развития сельскохозяйственного производства и осуществивших коренное улучшение системы цен на сельскохозяйственную продукцию, предусмотрены также меры, полностью устраняющие недостатки, указанные в настоящем выступлении.

М. В. КОЛГАНОВ

ПРИ ПЛАНИРОВАНИИ ЦЕН ЦЕЛЕСООБРАЗНО ИСХОДИТЬ ИЗ ПРИНЦИПА «ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА»

Неправильность отождествления социалистических издержек производства со стоимостью. Различие между издержками производства на государственных предприятиях и в колхозах. Три точки зрения в вопросе о путях перестройки существующей системы цен.

Нынешняя система цен исторически складывалась в условиях, когда социализм был одним из укладов нашей экономики, когда наряду с ним существовали мелкотоварное и капиталистическое хозяйство. Она строилась с таким расчетом, чтобы обеспечить перераспределение национального дохода в пользу социалистического государства, использовавшего эти средства для индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и укрепления обороноспособности нашего государства. В настоящее время социалистическая система хозяйства является единственной в нашей стране. И сам вопрос о перераспределении национального дохода в пользу социалистического государства, не потерявший своего значения и поныне, не может теперь ставиться так, как он ставился раньше. Вместе с тем сейчас все настоятельнее встает другая задача. Нужно построить систему цен, приближающуюся к стоимости продукции, наладить такую систему отношений между промышленностью и сельским хозяйством, между различными экономическими районами страны, которые бы соответствовали новой системе управления промышленностью и строительством, развивали бы инициативу мест и обеспечивали правильное развитие народного хозяйства в целом. Эту задачу нельзя решить в один день, смаху, путем, например, повышения цен на средства производства, ибо это связано с целым комплексом народнохозяйственных проблем: с себестоимостью и при-

былью предприятий легкой промышленности, с системой розничных цен и закупочных цен на сельскохозяйственное сырье. Если браться за перестройку системы цен, то необходимо будет перестроить всю систему стоимостных пропорций. И если в основу новой системы положить принцип эквивалентности, то необходимо, чтобы этот принцип последовательно осуществлялся во всем народном хозяйстве.

Все советские экономисты согласны с тем, что единственной твердой основой в планировании цен являются пока что показатели себестоимости товаров, т. е. издержки производства на единицу продукции.

По поводу издержек производства в нашей экономической литературе писалось немало. При этом, как нам представляется, не все в этих писаниях правильно.

Капиталистические издержки производства — это затраты капитала. А в социалистические издержки производства включаются все затраты общественного труда [1]. Такова, можно сказать, общепринятая точка зрения. Но она вызывает одно возражение: почему при социализме издержки производства должны равняться всем затратам труда на продукт? Разве при социализме сверх издержек производства не создается никаких доходов? Или, быть может, создание этих доходов не требует никаких затрат труда?

Ссылаются на известное положение Маркса, гласящее: «То, что стоит товар капиталисту, измеряется затратой капитала, то, что товар действительно стоит —

---

[1] Ш. Я. Турецкий, Себестоимость и вопросы ценообразования, Госпланиздат, 1940, стр. 5. Этой же точки зрения на издержки производства придерживается С. Г. Струмилин. В его работах дается следующее ее обоснование: «В условиях капитализма каждого заводовладельца в калькуляции его частных издержек производства интересует только оплаченная им доля стоимости, и он так и назвал ее «себестоимость». Но когда все предприятия становятся общественной собственностью, то для общества в целом его издержки из частных становятся общественными. Их необходимо учесть полностью, независимо от того, где и когда они оплачиваются. Отсюда в калькуляциях издержек каждого предприятия подлежат учету все общественные издержки производства, включая не только заработную плату, но и все отчисления в фонды общественного потребления и накопления, созданные трудом рабочих данного предприятия в интересах всего общества». (С. Г. Струмилин. Закон стоимости и измерение общественных издержек производства. «Плановое хозяйство» № 2, 1957, стр. 40).

затратой труда». Но из этого положения никак не вытекает, что издержки производства при социализме должны равняться всем затратам труда. Из него следует только одно: прибыль, которая является разницей между доходами капиталистического предприятия и его издержками производства, хотя она и ничего не стоит капиталисту, является частью стоимости, созданной трудом рабочего.

Чтобы подчеркнуть этот важный момент в анализе капиталистических издержек производства, Маркс называет стоимость товара действительными издержками производства. Но только именно в этом смысле, ибо дальше Маркс пишет, что капиталистические издержки производства как реальная экономическая категория (а не просто как категория капиталистического счетоводства) представляют собой обособившуюся часть стоимости продукта, на которую снова и снова приходится «покупать элементы производства, потребленные на производство товара», и что она «...не имеет никакого отношения к образованию стоимости товара или к процессу возрастания стоимости капитала»[1]. Категория стоимости и категория издержек производства лежат в совершенно разных плоскостях анализа капиталистического (да и вообще товарного) хозяйства.

Издержки производства, кроме всего прочего, тем отличаются от стоимости, что они представляют различную величину в зависимости от социального типа хозяйства. Стоимость товара на рынке одна и та же, независимо от того, произведен ли он в крестьянском или капиталистическом предприятии, а вот издержки производства не одни и те же. И метод их учета также различный.

Издержки производства в мелкотоварном производстве равняются амортизации и затратам сырья и материалов. Разница между выручкой и названными издержками составляет доход мелкого товаропроизводителя.

Чтобы исчислить издержки производства в капиталистическом предприятии к стоимости потребленных средств производства надо прибавить зарплату рабочих. Для капиталиста она такой же расход, как и покупка средств производства. Разница между продажной ценой

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, 1955, стр. 31.

продукции и издержками ее производства составляет прибыль капиталиста, его чистый доход.

Издержки производства хозрасчетного государственного социалистического предприятия также будут равняться сумме материальных затрат и заработной платы, хотя при социализме и нет купли-продажи рабочей силы. Заработная плата представляет не доходную, а расходную статью для хозрасчетного социалистического предприятия.

В колхозах издержки производства равны стоимости материальных затрат. Такое исчисление издержек производства находится в соответствии с природой колхозов, как кооперативных хозяйств, где нет заработной платы, где продукт труда после выполнения обязательств перед государством и отчислений в общественные фонды распределяется между членами артели.

Включение в издержки производства фактической оплаты труда колхозников может дать искаженное представление о действительной себестоимости колхозной продукции.

В государственном предприятии рост заработной платы рабочих в результате повышения производительности труда никак не может повести к повышению себестоимости продукции, потому что при прямой сдельщине ее удельный вес в себестоимости не изменяется от того, выполняют ли рабочие всего лишь нормы или же они в несколько раз перевыполняют их.

В колхозах же дело обстоит иначе. Здесь с ростом производительности труда может повышаться не только масса, но и удельный вес продукции, распределяемой между членами артели, так как члены артели являются коллективными собственниками производимой ими продукции.

Вследствие этого в хорошем колхозе себестоимость единицы продукции, если в нее включают и оплату труда колхозников, может быть выше, чем в плохом колхозе, где производительность труда низкая.

Но кооперативные предприятия, будь то при капитализме или при социализме, не являются вполне самостоятельными. Да и в целом их экономика определяется в сущности той системой хозяйства, в которой они существуют. По этой причине и издержки производства кооперативных хозяйств приходится считать не так, как это

следовало бы делать исходя из собственной их природы.

Кроме этого, в социалистических условиях кооперативная форма собственности постепенно приближается к общенародной. Это также относится и к формам распределения продукта в кооперативных хозяйствах.

Взять к примеру наши колхозы. Они не являются кооперативными предприятиями в чистом виде, поскольку процесс производства базируется в них не только на кооперативной, но и на государственной собственности (земля, РТС и МТС). В издержки их производства входит не только стоимость материальных затрат, но и зарплата работников РТС и МТС. И не без основания многие экономисты считают, что для полноты и последовательности счета мы должны к их издержкам прибавить и оплату трудодней колхозников в стоимостном выражении. Но в этом случае метод учета издержек производства колхозов уже ничем не отличается от метода их исчисления в совхозах. Такое единообразие в исчислении себестоимости сельскохозяйственной продукции необходимо при сопоставлении хозяйственной деятельности колхозов и совхозов, при планировании цен на сельскохозяйственную продукцию и т. д.

Применение тех же методов исчисления себестоимости в колхозах, что и в государственных социалистических предприятиях, и сейчас необходимо в практике народнохозяйственного планирования, например, при установлении закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию колхозов. Не случайно в постановлении Совета Министров Союза ССР «Об отмене обязательных поставок и натуроплаты за работы МТС, о новом порядке, ценах и условиях заготовок сельскохозяйственных продуктов» говорится: «...при определении закупочных цен на сельскохозяйственные продукты в колхозах надо учитывать себестоимость продукции в совхозах данной зоны. Себестоимость продукции в совхозах должна являться до некоторой степени мерилом закупочных цен в колхозах...». («Правда» за 1 июля 1958 г.). В других случаях, например при определении фактических доходов колхоза, мы должны исходить из фактических издержек.

В промышленных кооперативных артелях, где работникам выплачивается сдельная и повременная зарплата за произведенную работу, издержки производства

должны, по-видимому, исчисляться так же, как в государственных предприятиях.

Но себестоимость товаров меньше их стоимости. Чтобы определить последнюю, к себестоимости необходимо добавить стоимость прибавочного продукта. Как же это сделать? Вокруг этого, собственно, и вращаются все разногласия между отдельными экономистами по вопросу о путях перестройки цен в советском хозяйстве. Сейчас более или менее наметились три точки зрения.

Первая точка зрения выражена наиболее ярко в статьях акад. Струмилина, опубликованных в журналах «Вопросы экономики» № 12 за 1956 г. и «Плановое хозяйство» № 2 за 1957 г. Сущность этой позиции сводится в основном к тому, что цены надлежит устанавливать в соответствии со стоимостью товаров. Для этого к издержкам производства предприятий следует добавлять некую величину прибавочного продукта, определяемую удельным весом прибавочного продукта в национальном доходе. Если, к примеру, удельный вес прибавочного продукта в национальном доходе равен 20%, а зарплата, израсходованная на производство данной массы продукции данного предприятия, равна 100 тыс. руб., то для определения полной ее стоимости следует добавить к исчисленным издержкам производства еще 20 тыс. руб.

Вторая точка зрения изложена в статье т. Бачурина («Вопросы экономики» № 2 за 1957 г.). Установление цен в соответствии со стоимостью, как совершенно справедливо указывает т. Бачурин, поставило бы в особо благоприятные условия предприятия и отрасли, отличающиеся относительно низкой технической оснащенностью, и в особо неблагоприятные условия — отрасли с наиболее высокой технической оснащенностью. Такое планирование цен не стимулировало бы технический прогресс. Поэтому, пишет т. Бачурин, следует рассмотреть вопрос о применении «усредненной общественной стоимости», при которой продукт для общества распределяется пропорционально затратам живого и овеществленного труда. Иначе говоря, при установлении цены к себестоимости продукта данного предприятия следует добавлять, по мнению т. Бачурина, такую долю стоимости прибавочного продукта, которая соответствует не удельному весу последнего в национальном доходе, а

его отношению ко всем общественным издержкам производства, т. е. среднюю общественную норму рентабельности. Если, к примеру, общественные издержки составляют 500 млрд. руб., а прибавочный продукт — 100 млрд. руб., то средняя общественная норма рентабельности будет равняться 20%. Если далее издержки производства данного предприятия равняются 1 млн. руб., то, для того чтобы определить усредненную стоимость продукции данного предприятия, к его издержкам производства нужно добавить 200 тыс. руб.

Однако подобное планирование цен не устраняет окончательно того недостатка, который характерен для планирования цен по первому методу (предлагаемому акад. Струмилиным). Оно ставит все же в наиболее благоприятное положение отрасли с низким техническим оснащением и в наименее благоприятное положение — отрасли с высоким техническим оснащением.

Третья точка зрения наиболее ярко выражена в статье т. Малышева в журнале «Вопросы экономики» № 3 за 1957 г. По мнению т. Малышева, к издержкам производства данного предприятия следует добавлять прибавочный продукт, исчисленный не по его удельному весу в национальном доходе и не по средней норме общественной рентабельности, а исходя из отношения всего общественного прибавочного продукта к основным и оборотным фондам народного хозяйства. Если основные и оборотные фонды равны, например, 500 млрд. руб., а прибавочный продукт — 100 млрд. руб., то отношение последнего к первым будет составлять 20%. Если фонды данного предприятия равны 5 млн. руб., то при определении цены к издержкам производства данного предприятия следует добавить 1 млн. руб. Но в этом случае мы получаем показатель, который очень напоминает цену производства. Мы говорим «напоминает», потому что цена производства представляет собой стихийно складывающуюся категорию капиталистической экономики, отражающую в себе отношения эксплуатации; в данном же случае речь идет о выработке точного показателя для сознательного планирования цен в социалистическом обществе, где не существует никакой эксплуатации.

Мы лично считаем последнюю точку зрения более приемлемой по следующим двум соображениям:

Во-первых, нельзя противопоставлять стоимость и цену производства. Цена производства, как это показано Марксом, представляет собой лишь модификацию стоимости. Сумма цен производства равна сумме стоимостей. Закон цен производства и есть закон стоимости, но в той особой форме, в какой она действует в капиталистическом хозяйстве в отличие от простого товарного хозяйства.

Полагать, что при социализме закон стоимости действует в том элементарном виде, в каком он выступает в простом товарном хозяйстве, было бы неправильно. Социализм ничего общего не имеет с мелкотоварной стихией, между тем как от капитализма он наследует его систему производительных сил и некоторые методы и приемы в организации хозяйства, на что не раз указывали классики марксизма.

Категория цены производства при социализме лишь по названию напоминает капиталистическую цену производства (точно так же как, например, зарплата, кредит, процент, банк и т. д.). Но по своей природе она ничего общего не может иметь с ней, так как коренным образом изменилась природа ее составных частей (издержек производства и прибыли).

Второе соображение, говорящее в пользу планирования цен на основе цены производства, заключается в том, что определить величину стоимости — дело невозможное. К тому, что нами сказано было по этому поводу раньше, мы бы могли добавить еще следующее. Маркс, как известно, различает две формы стоимости — относительную и эквивалентную. В **относительной** форме стоимости мы не можем количественно установить абсолютную величину овеществленного общественного труда. Что же касается эквивалентной формы стоимости, то в этой последней величина стоимости вообще не получает никакого выражения. Применительно к эквивалентной форме стоимости можно говорить только о масштабе в виде определенной величины потребительной стоимости товара, который одновременно является масштабом цен. Так как никто не нашел третьей формы стоимости (а найти ее невозможно!), то поиски метода измерения абсолютной величины стоимости товара следует считать напрасным трудом.

Цена же производства может быть исчислена без всякого труда и совершенно точно. Но дело не только в том, что стоимость нельзя исчислить. Установление цен в соответствии с ценой производства имеет еще то важное значение, что оно ставит все предприятия в действительно одинаковые условия в смысле накопления и расширенного воспроизводства. Оно дает вместе с тем возможность точно учесть результаты их деятельности. И если мы пришли к заключению, что результаты деятельности колхозов следует учитывать по количеству продукции со 100 га закрепленной за колхозом земли, то следует надеяться, что мы будем прибегать к аналогичному критерию и при учете результатов деятельности каждого промышленного предприятия. Каждое предприятие должно давать одинаковое накопление с одной и той же суммы закрепленных за ним основных и оборотных фондов. Цена производства дает твердый критерий для планирования цен, твердую основу хозрасчета. Планирование цен на основе цены производства даст возможность навести хозрасчетный порядок на предприятиях и знать, сколько стоит каждый произведенный продукт.

Д. Д. КОНДРАШЕВ

СИСТЕМА ПЛАНИРОВАНИЯ ЦЕН ДОЛЖНА БАЗИРОВАТЬСЯ НА ПРИНЦИПЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИБЫЛИ ПРОПОРЦИОНАЛЬНО СЕБЕСТОИМОСТИ

Четыре концепции, относящиеся к принципам ценообразования. Перспективы перехода к единым заготовительным ценам на сельскохозяйственные продукты. К вопросу о единых розничных ценах на продовольственные товары.

Мы часто повторяем в нашей экономической литературе и в дискуссиях, посвященных вопросам ценообразования, резолюцию февральского (1927 г.) Пленума ЦК ВКП (б), в которой глубоко и всесторонне определено значение правильной политики цен в деле регулирования взаимоотношений крестьянства и рабочего класса, по линии взаимосвязанного и взаимообусловленного развития сельского хозяйства и промышленности, в области распределения национального дохода, обеспечения роста реальной заработной платы, укрепления рубля и во многих других областях. И это неплохо, что мы часто вспоминаем это решение, ибо оно сохранило до сих пор свою актуальность.

В течение 40 лет наша партия использует цену для развития плановой экономики, для установления правильных пропорций между отдельными отраслями народного хозяйства, контролирует через цену процессы социалистического воспроизводства, обеспечивает рентабельное ведение хозяйства. Цена представляет собой могучее орудие контроля государства за хозяйственной деятельностью предприятий.

Было бы несправедливо утверждать, что действующая система планирования цен не играла никакой по-

ложительной роли в развитии нашего хозяйства, было бы несправедливо преуменьшать ее положительное значение. Конечно, работа по ценообразованию была положительной, и она явилась значительным вкладом в дело социалистического строительства. Но это совсем не означает, что эта работа была свободна от серьезных недостатков. И задача состоит в том, чтобы избавить нашу систему ценообразования от этих недостатков и открыть с этой стороны еще больший простор для развития нашей экономики.

О том, что недостатки в этом деле имеются, много говорить не приходится. Достаточно вспомнить положение, которое существовало до сентября 1953 г. с ценами на продукты сельского хозяйства и оценить значение и масштабы тех потерь, которые связаны были с неправильным установлением цен. И разве пример этот единственный? Мы сплошь и рядом несем очень крупные убытки вследствие несовершенства наших цен, вследствие недостаточного использования тех великолепных качеств цены, о которых идет речь в упомянутом мной партийном документе.

Мы полагаем, что задача экономистов состоит в том, чтобы выработать такую систему цен, при которой государство могло бы добиться значительно большего экономического эффекта во всех областях хозяйственного строительства, а именно в деле капитального строительства, в деле увеличения денежных накоплений, в деле повышения материального благосостояния народа.

И тут возникает вопрос о том, какой же должна быть эта система цен, — вопрос, над которым мы бьемся порядочное время.

Ныне существует уже четыре концепции, относящиеся к принципам ценообразования. Отметим заранее, что разница между ними сводится к тому, что они выдвигают различные принципы распределения денежных накоплений, включаемых в цену. Что же касается расчетной основы цены, то все концепции признают таковой отраслевую себестоимость. Мы уточняем это заранее для того, чтобы сразу было ясно, о чем идет речь.

Согласно первой концепции, прибыль и налог с оборота должны распределяться в ценах средств производства и предметов потребления неравномерно, по усмотрению планирующих органов. Критерия цены нет, его заменяет

политика цен. Не будем подробно описывать недостатки действующей системы ценообразования,— экономистам они достаточно известны. Отметим только, что отсутствие в этой системе объективного критерия цены не дает возможности сделать цену совершенным инструментом плановой экономики.

Исходя из своего понимания принципов ценообразования, последователи первой концепции дают и соответствующее определение, в котором цена не выступает как объективная категория, не выступает как денежное выражение стоимости.

Вот, например, какое определение цены дано в учебнике экономики социалистической промышленности, изданном в 1957 г. Госполитиздатом. «Цена промышленной продукции, — говорится в этом учебнике, — представляет собой **денежное выражение среднеотраслевой себестоимости продукции** и установленного для данной отрасли промышленности определенного размера накоплений (прибыли предприятий и централизованного чистого дохода государства, который отчисляется в бюджет). В целом сумма цен продукции по народному хозяйству приближается к величине общественных издержек производства»[1].

Подобное определение цены открывает широкий простор для произвольного установления цен, так как в нем денежные накопления, подлежащие включению в цену, представлены величиной неопределенной. То обстоятельство, что в учебнике сказано, что в целом сумма цен приближается к величине общественных издержек производства, т. е. к стоимости, не меняет дела. Общественные издержки производства не являются величиной заранее данной, а складываются из стоимости отдельных товаров; следовательно, при установлении цен на конкретные товары уложиться в пределы общей стоимости товаров невозможно (поскольку она неизвестна). Сумма цен товаров может соответствовать общественным издержкам производства лишь в том случае, если цена каждого изделия приближается к стоимости, а отклонения от нее в ту или другую сторону уравновешиваются. Для этого, однако, нужно знать, как определить вели-

---

[1] «Экономика социалистической промышленности», Госполитиздат, 1957, стр. 517.

чину стоимости каждого товара, на что указанное определение цены не ориентирует.

Согласно второй из интересующих нас точек зрения, цены должны строиться таким образом, чтобы денежные накопления распределялись пропорционально заработной плате. Здесь т. Бачурин правильно характеризовал эту концепцию, как противоречащую требованиям технического прогресса. Чем более отсталой в экономическом отношении является отрасль, тем больше была бы в ней, при этой системе цен, прибыль, и наоборот.

Сторонники третьей точки зрения предлагают строить цены так, чтобы денежные накопления распределялись пропорционально себестоимости. Такое распределение денежных накоплений между ценами изделий должно дать нам, согласно этой концепции, усредненную стоимость изделий, которая является искомым критерием цены.

И, наконец, согласно четвертой концепции, денежные накопления должны распределяться в ценах пропорционально стоимости основных и оборотных фондов.

Нам представляется, что сторонники четвертой концепции также не дают истинного решения проблемы. Величина стоимости основных и оборотных фондов не может являться достаточно прочной базой распределения денежных накоплений в силу того, что основные и оборотные фонды могут быть и более дорогими и менее дорогими. И та отрасль, где большие суммы (высокая оценка) основных фондов, получит и большие накопления. Нам представляется, что четвертая концепция в некотором смысле похожа на вторую концепцию. Там прибыль распределяется пропорционально заработной плате, а здесь чем больше основные и оборотные фонды, тем выше прибыль. Подобно тому как при распределении прибыли по заработной плате нет стимула для лучшего использования живого труда, так и здесь нет стимула для улучшения использования прошлого труда (важно лишь, чтобы оценка основных и оборотных фондов была больше).

Трудно понять, каким образом сторонники этой концепции предполагают дифференцировать денежные накопления в цене конкретных изделий: пропорционально ли себестоимости или, как и по отрасли в целом, пропорционально величинс основных и оборотных фондов?

Если быть последовательным, тогда нужно и в цену конкретного изделия включать денежные накопления (прибыль, налог с оборота) по тому же принципу, по которому распределяются накопления между отраслями, но едва ли это практически возможно. Представим себе какой-нибудь станок. Хорошо, если на станке производится одно какое-либо изделие, но на нем могут изготовляться и разные изделия. Определить в зависимости от стоимости станка прибыль в цене тех изделий, которые на нем изготовляются,— это немыслимая работа.

Но с основными фондами еще как-то можно обойтись, а вот оборотные фонды? По какому принципу включать в цену конкретного изделия величину прибыли, соответствующую оборотным фондам? Это уже совсем непонятно.

Допустим, что вводится новое изделие. По какому, спрашивается, пути следует идти для того, чтобы определить цену на это новое изделие? Какой брать процент рентабельности и на основе каких данных? Разбираемая концепция вряд ли в состоянии дать рациональный ответ на эти вопросы.

А между тем то, о чем пекутся авторы этой теории ценообразования (т. е. определение через цены эффективности капиталовложений), вполне достижимо и при таком построении цен, где прибыль будет распределена в соответствии с плановой себестоимостью. Мы вводим в действие новые основные фонды и хотим проследить, отразилось ли это на рентабельности. Если прибыль установлена пропорционально себестоимости, то почему ею нельзя измерить эффективность использования основных и оборотных фондов? Стоит только сопоставить отношение прибыли к этим фондам, которое получается сейчас, с той нормой, которая получалась в течение ряда предшествующих лет. Допустим, что введены основные фонды на миллион рублей, а рентабельность та же, что была раньше. Ясно, что введение основных фондов не повлияло на повышение рентабельности. Следовательно, мы имеем только увеличение основных фондов, а качественного изменения не имеем.

И сейчас грамотные экономисты-практики так и делают. Они не ограничиваются установлением динамики рентабельности пропорционально себестоимости. Они применяют различные измерители, в том числе и метод

сравнения рентабельности за ряд лет со стоимостью основных фондов.

Опыт 40 лет свидетельствует о том, что защищаемый нами показатель — отношение прибыли к себестоимости, — показатель надежный и правильный. Мы всегда измеряли рентабельность таким образом. Думается, что отказываться от оправданного практикой опыта установления цен, при котором распределение накоплений в ценах производится пропорционально себестоимости, нельзя, особенно если учесть, что практически использовать предложение о ценах производства или о распределении прибыли пропорционально заработной плате будет очень затруднительно.

Преимущества третьей концепции по сравнению с двумя другими (новыми) концепциями можно свести к следующему:

1. Она более всего соответствует опыту планирования цен (накопления всегда устанавливались по отношению к себестоимости).

2. Амортизацию мы начисляем в размере реального участия средств труда в производстве, поэтому и накопления мы должны начислять на реально использованные в производстве средства, а не на все средства производства, как это предлагают авторы четвертой концепции.

3. Капиталисту свойственно стремление получать прибыль на весь примененный капитал; при социализме же распределять денежные накопления так, чтобы часть их упала на еще неиспользованные средства производства, бессмысленно.

Неправильно утверждение, что только в том случае, если прибыль будет устанавливаться пропорционально всем основным и оборотным фондам, она сможет являться мерилом эффективности использования основных и оборотных фондов; она может служить таким мерилом и в том случае, когда ее относят только к использованным основным и оборотным фондам, а не ко всем этим фондам, имеющимся в наличии.

4. Капиталист, затративший капитал, одержим жаждой поскорее вернуть его с прибавочной стоимостью, так как его могут опередить и он не вернет своего капитала или вернет без прибыли. В стихийно развивающемся обществе это неизбежно. В социалистиче-

ском обществе возврат вложенных средств обязательно последует. Хозяин один — государство. Значит, нет необходимости забегать вперед, начисляя прибыль на еще неиспользованные основные и оборотные фонды, тем более, что новых средств такое забегание вперед не дает; государство выручает одинаковую сумму прибыли, независимо от того, будет ли оно начислять ее на себестоимость, на основные и оборотные фонды и т. д. Критерии разные, а сумма прибыли одна и та же (она продиктована потребностями расширения хозяйства и необходимостью содержания непроизводственной сферы).

Следовательно, на вопрос о том, что должно лежать в основе цены, мы отвечаем: стоимость, — точнее та ее модификация, которую мы называем усредненной стоимостью.

Рассмотрим теперь вопрос о степени интеграции и дифференциации цен, вопрос о направлении, в котором должна развиваться практика в этой области.

Известно, что среди экономистов идут сейчас споры и по этому вопросу. Одни утверждают, что следует и дальше дифференцировать цены (скажем, поясные цены), что они слабо отражают разницу в затратах труда по отдельным районам; по мнению этих экономистов, цены целесообразно дифференцировать еще резче. Другие экономисты утверждают, что следует, наоборот, пользоваться общественной стоимостью, ибо цена должна определяться общественной стоимостью.

Каковы же реальные тенденции, наблюдающиеся в этой области? За последние годы идет процесс интеграции цен, ликвидации их множественности. Сближаются (пока что только с этой стороны) заготовительные и закупочные цены, уменьшается размер премий-надбавок при одновременном повышении основных цен, выравниваются цены на продукты, которыми отовариваются некоторые виды сельскохозяйственного сырья. Премии-надбавки по хлопку, которые в прошлые годы доходили до 200% к заготовительной цене, теперь сведены на нет, при одновременном повышении основной заготовительной цены хлопка.

Тенденция к общности цен выражается в том, что за последние годы цены на продукты сельского хозяйства подтягиваются к стоимости. Этот процесс совершенно

необходим и закономерен в условиях развивающейся экономики; его диктуют объективные экономические законы.

Но имея в виду, что сейчас разрабатывается перспективный план развития народного хозяйства, экономистам следовало бы подумать о разработке такой системы ценообразования, где посредством единой цены в доход государства изымалась бы дифференциальная рента.

В более или менее отдаленной перспективе мы представляем себе заготовительную цену на основные продукты сельского хозяйства как единую при всех формах отчуждения продукта и как единую в территориальном отношении. Конечно, этого можно достигнуть не сразу, а постепенно, идя через промежуточные этапы.

Почему мы считаем это возможным? Потому, что анализ многолетней практики в этой области свидетельствует о необходимости движения в данном направлении.

Каким образом, через какие каналы или рычаги мы регулировали доходы сельскохозяйственного населения? Мы их регулировали через цену, через обязательные поставки, через натуральную оплату работ МТС и через подоходный налог. Существовали, таким образом, четыре регулятора доходов сельскохозяйственного населения, причем каждый из них определялся эмпирически с учетом необходимости так или иначе отрегулировать доходы сельскохозяйственного населения, т. е. мы решали уравнение со многими неизвестными при отсутствии хотя бы одной твердой величины. Решение этого уравнения следует начинать с цены; надо прежде всего сделать цену величиной известной. На каком уровне можно было бы ее установить для страны в целом? Этот уровень должен быть несколько выше средней стоимости, но не настолько выше, чтобы, скажем, северные районы, где очень плохие земли, имели значительный доход от сельского хозяйства.

Однако при единой цене будет существовать резкая разница в доходах колхозов, так как на юге урожай высокий, а в северных районах, наоборот, низкий. Чтобы этого не случилось, у южных колхозов придется изымать дифференциальную ренту в доход государства через подоходный налог, а колхозы северных районов вообще

освобождать от налога. В настоящее время та же цель преследуется установлением разных заготовительных и закупочных зональных цен на одинаковые продукты.

Можно ли осуществить такую реформу цен в ближайшее время? Полагаем, что это невозможно, так как при единой для всей страны цене подоходный налог для южных колхозов был бы слишком велик.

Но в более отдаленной перспективе единые для страны цены возможны и целесообразны, имея в виду, что отношения между государством и работниками, занятыми в колхозном производстве, должны быть возможно более простыми и ясными.

Чтобы возможность введения в перспективе единых цен представлялась более ясной, необходимо уже теперь приступить к научно-исследовательской работе в этой области. При этом придется проделать немало статистических исследований по вопросу о величине получаемых сельскохозяйственным населением доходов и изымаемой в доход государства части этих доходов через разные формы. Придется сконструировать также ряд вариантов цены в сочетании с различными формами изъятий на общественные нужды. Исследования эти должны дать ясное представление о соотношении необходимого и прибавочного труда в колхозах разных районов страны, а также о величине изымаемой дифференциальной ренты. Необходимо также вести этот анализ путем сравнения с соответствующими данными по совхозам, имея в виду, что только всестороннее объективное исследование позволит впоследствии сделать правильный выбор того или иного варианта цены. Нам кажется, что эта работа под силу научному коллективу Института экономики сельского хозяйства. Ее можно проделать за 2—3 года.

Несколько слов о проблеме единства розничных цен. Промышленные товары широкого потребления продаются у нас везде по единым ценам. На Камчатке, к примеру, можно купить те или другие товары по той же цене, по какой их можно купить в любой точке Советского Союза (мы отвлекаемся от 7-процентной сельской надбавки, которая, впрочем, также везде одинакова).

Что же касается продовольственных товаров, то на них у нас существуют поясные цены. Ими охватывается 77 процентов продовольственных товаров. Возникает вопрос о том, насколько целесообразно существование

поясных цен на широкий ассортимент продовольственных товаров. Это целесообразно в известной мере для тех товаров, которые колхозы продают на местных рынках, удовлетворяя при этом значительную долю общественной потребности в них. Но для таких товаров, как хлеб, крупа, сахар и ряд других основных продовольственных товаров, у нас нет, нам кажется, оснований к тому, чтобы существовали дифференцированные цены по поясам. Здесь так же, как и по непродовольственным товарам, есть полная возможность установить единые цены (в перспективе, конечно, не сразу).

В заключение — небольшое замечание относительно одной из причин, вызывающих разный уровень цен на средства производства и предметы потребления.

Нам кажется, что одной из основных причин, которые обусловили разный подход к ценам I и II подразделения, является неправильное представление о налоге с оборота как о косвенном налоге.

В учебнике политэкономии записано, что налог с оборота есть часть чистого дохода. Это правильно. Но если это чистый доход, то его надо включать и в понятие рентабельности. Между тем в учебнике политической экономии (я имею в виду второе издание), несмотря на утверждение, что налог с оборота является частью чистого дохода, в разделе о рентабельности говорится только о прибыли, т. е. говорится, что степень рентабельности может быть измерена только прибылью. Это непоследовательно. Надо быть логичным и, сказавши «а», сказать и «б».

В. Г. ЛОПАТКИН

СОХРАНЕНИЕ НИЗКИХ ЦЕН НА СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА НЕ ОЗНАЧАЕТ ДЛЯ ОБЩЕСТВА ПОТЕРИ ЧАСТИ ЧИСТОГО ДОХОДА

При обмене между государственными предприятиями не существует необходимости возмещения всех затрат труда. Существующая система цен покоится на здоровых экономических основах. Необоснованность представления, будто цены предметов потребления превышают их стоимость.

Стоимость есть общественное отношение, а не просто затрата труда. Когда мы говорим о стоимости, то обязательно должны учитывать этот момент. С этой точки зрения мы должны подходить и к понятию стоимости в его применении к экономическим связям между государственными предприятиями.

Когда мы имеем дело с отношениями колхозов и государства, то здесь все ясно и понятно; мы имеем здесь отношения разных собственников, тут происходит обмен, переход продуктов труда от одного собственника к другому. Тут дана ясная основа для действия закона стоимости. Но как быть со взаимными отношениями государственных органов? Здесь также есть основа для действия закона стоимости. Мы имеем при этом в виду не факт использования стоимостных категорий в качестве метода учета, а объективное существование внутренней основы для действия закона стоимости.

В самом деле, государство предоставляет своим предприятиям в пользование основные фонды и оборотные средства. Все это находится в пользовании или во владении отдельных государственных предприятий. Эти предприятия находятся на хозрасчете и действуют по принципу самоокупаемости. Отсюда вытекает необходимость обмена между государственными предприятиями

и взаимного эквивалентного возмещения затрат. Между хозорганами происходит не формальный, а реальный обмен, передача пользования государственными средствами, общенародной собственностью одним хозорганом другому. Здесь происходит обмен с соблюдением эквивалентности, и в этом проявляется действие закона стоимости в сфере отношений между государственными предприятиями.

Но ввиду того что здесь нет обмена между разными собственниками, требования закона стоимости в отношении государственных предприятий являются более ограниченными, чем те требования, которые предъявляются им в сфере отношений между разными собственниками.

В самом деле, при обмене между разными собственниками закон стоимости требует эквивалентности в размере стоимости. Свободный обмен, свободная уступка продукта труда другому собственнику не может происходить, если не возмещаются полностью затраты труда. При обмене же между государственными предприятиями дело обстоит иначе. Продукты не являются собственностью госпредприятий; за госпредприятиями закреплены лишь определенные средства, определенные фонды, и часть этих фондов эти госпредприятия затратили на производство данного продукта.

Экономическая необходимость состоит здесь только в том, чтобы возместить предприятию его затраты на производство этого продукта. Значит, закон стоимости в отношениях между государственными предприятиями не требует полной эквивалентности, полного возмещения всех затрат производства. Он требует лишь возмещения затрат основных и оборотных средств, закрепленных за отдельными предприятиями. Вот в чем состоит ограниченность требования закона стоимости применительно к отношениям между государственными предприятиями. Правда, это еще не все. Поскольку предприятия являются хозрасчетными и имеют право на получение прибыли, то к возмещению затрат надо прибавить еще прибыль предприятия. Так что затраты предприятия плюс прибыль — таково возмещение, которое вытекает из действия закона стоимости в отношениях между государственными хозорганами.

Итак, в отношениях между государственными хозор-

ганами имеется реальная экономическая основа для действия закона стоимости, но не в полном его объеме. Закон стоимости не требует здесь возмещения всей стоимости; он требует возмещения лишь части этой стоимости.

И вот с этой точки зрения подойдем теперь к вопросу о ценообразовании, о существующей системе цен.

Если подходить с этой точки зрения, то существующая система цен, т. е. то обстоятельство, что цены на средства производства у нас стоят ниже стоимости, не является какой-то ненормальностью. Это естественное явление при государственной собственности на средства производства, и зря шумят некоторые экономисты о том, что у нас якобы нарушается закон стоимости, что какие-то требования закона стоимости игнорируются Советским государством и т. п. Ничего подобного. Закон стоимости не требует в наших условиях таких цен на средства производства, которые были бы равны полной их стоимости. Можно ли думать, что наша система цен, существующая уже 35 лет, т. е. с момента введения нэпа, не потерпела бы краха, если бы она не имела реальных экономических оснований. Такого насилия над экономическими законами экономика не простила бы; и тот факт, что наша система цен существует, здравствует и прекрасно обслуживает наше народное хозяйство, говорит о том, что она покоится на здоровых экономических основах.

Теперь коснемся вопроса о равенстве суммы цен и суммы стоимостей. Положение Маркса о равенстве суммы цен и суммы стоимостей общеизвестно. И вот, исходя из формального понимания этого положения, многие экономисты рассуждают так: цены на средства производства у нас ниже стоимости, это признается всеми, а раз так, то отсюда следует, что розничные цены на предметы потребления у нас превышают стоимость, — иначе, мол, не было бы равенства суммы цен и суммы стоимостей. Мне представляется, что применение формулы Маркса к нашей экономике без учета конкретных условий социализма является совершенно неверным, догматическим.

Ведь у нас средства производства производятся не для того, чтобы передать их в руки других собственников, они являются средствами производства предметов

потребления, которые потом уже становятся объектом настоящей, полной купли-продажи и переходят в собственность населения, колхозов и т. д. Поэтому для государства не имеет реального значения по полной ли стоимости реализуются средства производства внутри государственного сектора, или по себестоимости плюс плановая минимальная прибыль. Если бы государство установило цены на средства производства выше нынешних и получило бы дополнительную сумму налога с оборота, то на такую же сумму уменьшился бы налог с оборота с предметов потребления, потому что в этом случае возросла бы себестоимость предметов потребления и в розничную цену предметов потребления нельзя было бы включить прежнюю сумму налога с оборота. Так что эта прибавка к цене средств производства не давала бы государству реального увеличения дохода. Следовательно, то обстоятельство, что у нас цены средств производства стоят ниже стоимости, не может влиять на уровень розничных цен предметов потребления; оно влияет лишь на структуру розничных цен.

Часть стоимости, не включаемая в цену средств производства, прекрасно реализуется в ценах предметов потребления, равных стоимости. И если допустить, что розничные цены предметов потребления превышают стоимость, то это значит допустить, что чистый доход, нереализованный в цене средств производства, дважды включается в цену предметов потребления. Но этого, конечно, нет на самом деле, так как цена предметов потребления равна стоимости.

Иногда говорят так: если мы повысим цены на средства производства, то мы в состоянии будем снизить цены на предметы потребления, и тогда цены приблизятся к стоимости. Ничего подобного, такой операции произвести нельзя, так как розничные цены учитывают сумму денежных фондов населения.

Механизм ценообразования у нас таков, что чистый доход, нереализованный в цене средств производства, автоматически входит в цену предметов потребления. И это происходит потому, что занижается себестоимость предметов потребления.

Товарищи, не согласные с только что развитыми мною положениями, говорят, что все это чисто логические суждения, не подтвержденные практикой. Позволи-

тельно, однако, поставить такой вопрос: утверждение, что сумма цен и в наших условиях равна сумме стоимостей,— разве не является чисто логическим заключением? Такова уж проблема, которую мы обсуждаем, что ее можно обсуждать лишь в логическом плане, ибо фактических сводных данных не имеется.

Отметим вдобавок следующее. Не вся масса средств производства немедленно используется в производстве предметов потребления. Скажем, какой-то завод строится в течение 5 лет; и вот спрашивается — куда девается чистый доход, не включенный в цену строительных материалов, смонтированных машин и т. д. и т. п.? Он, конечно, в цену предметов потребления не включается, он будет включен в нее потом, когда завод начнет вырабатывать предметы потребления, а пока что этот чистый доход существует в виде невидимых, непрофинансированных капитальных вложений. Если мы построили завод и затратили на это 100 млн. руб., то эти затраты ниже стоимости, ибо сумма стоимости строительных материалов, машин плюс стоимость, добавленная трудом строительных рабочих, превышает то, что уплатила строительная организация за строительные материалы и в виде зарплаты. Балансовая оценка этого завода меньше его реальной стоимости; фактическая сумма капитальных вложений равна, допустим, не 100 млн. руб., а 200 млн. руб., т. е. мы имеем, помимо реальных балансовых 100 млн. руб., еще на 100 млн. руб. невидимых (непрофинансированных) капитальных вложений.

Но тогда, когда эти средства производства будут эксплуатироваться, тогда вся стоимость, все 200 млн. руб. (а не только 100 млн.), войдут в стоимость предметов потребления.

Исходя из сказанного, я считаю. что государственная собственность на средства производства изменяет условия применения формулы Маркса о равенстве суммы цен и суммы стоимостей. В условиях социализма эта формула применима только к той части общественного продукта, которая в полном смысле слова является товаром. Мы можем говорить о равенстве суммы розничных цен и суммы стоимостей предметов потребления. Следовательно, общий уровень розничных цен равен стоимости.

И. Л. МАРИНКО

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПЛАНИРОВАНИЯ ЦЕН НА ПРОДУКЦИЮ СОВХОЗОВ

Основные недостатки системы цен на совхозную продукцию, действовавшей до 1954 г. Госдотации и хозрасчет. Преимущества ныне действующей системы цен по сравнению с прежней. Соотношение между себестоимостью основных продуктов животноводства и сдаточной ценой. Необходимость дальнейшего совершенствования действующей системы цен.

В условиях социализма, где господствует общественная собственность на средства производства, где производство служит человеку с его потребностями, где действует закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, назначение цены и характер ее движения коренным образом меняются.

Осуществляя режим экономии и неуклонно повышая производительность труда, социалистическое общество достигает снижения общественно необходимых издержек на производство товаров. Это и служит объективной основой проведения политики снижения цен и роста благосостояния общества.

Хозяйственный расчет требует, как известно, соизмерения доходов и расходов предприятия. Как расходы, так и доходы предприятия в значительной мере зависят от уровня цен. Материальная заинтересованность предприятия в результатах своей деятельности также в большой степени осуществляется через систему цен.

Совхозы реализуют подавляющую часть продукции непосредственно государству. Вот почему анализ существующей системы цен на совхозную продукцию сводится в основном к рассмотрению вопроса об обоснованности государственных цен.

Цена, как денежное выражение стоимости, в основе своей должна иметь стоимость.

Стоимость товара распадается, как известно, на три части: стоимость потребленных средств производства, стоимость, созданную необходимым трудом, и стоимость, созданную прибавочным трудом. Первые две части, выраженные в деньгах, равны себестоимости.

Совхозы, как хозрасчетные предприятия, должны при реализации продукции возмещать ее себестоимость и получать чистый доход (прибыль). С точки зрения хозрасчета целесообразно устанавливать цены на уровне, несколько превышающем плановую себестоимость. В противном случае неизбежен целый ряд отрицательных последствий.

С 1934 по 1954 г. совхозы сдавали государству продукцию по низким ценам, которые не только не давали прибыли, но и не возмещали затрат на производство продукции. В связи с этим для совхозов была введена система государственной дотации. Суть ее состояла в том, что для покрытия разницы между плановой себестоимостью продукции и ценой реализации совхозам выдавались из бюджета специальные средства, называемые дотацией.

В первоначальный период хозрасчетной деятельности совхозов такая система расчетов государства со своими предприятиями с экономической точки зрения имела определенное оправдание. Дело в том, что система государственной дотации была введена для совхозов в период освоения ими техники и начала организации крупного высокомеханизированного сельскохозяйственного производства (1934 г.). Она рассматривалась как временное явление. И действительно, уже к концу второй пятилетки совхозы проделали значительную работу по сокращению издержек производства. Однако полная отмена системы государственной дотации была еще тогда невозможна, ибо заготовительные цены, действовавшие до 1940 г., еще оставались низкими по сравнению с плановой себестоимостью. К тому же в этот период в области издержек производства происходили противоположно направленные процессы. Совхозы повышали производительность труда, принимали действенные меры по сокращению издержек производства, но тем не менее затраты совхозов, выраженные в деньгах, не сокра-

щались. Это объясняется тем, что в этот период цены на нефтепродукты и некоторые материалы, приобретаемые совхозами для нужд производства, были значительно повышены.

Совхозы вдобавок несли значительные расходы по доставке продукции на государственные заготовительные пункты. Это не только повышало их издержки, но и ставило отдельные совхозы в совершенно различные условия в зависимости от их местоположения.

Накануне войны был осуществлен целый ряд мер, обеспечивающих бездотационную работу совхозов. С 1938—1939 гг. расходы совхозов по доставке продукции животноводства, а несколько позже и расходы по доставке зерна на государственные заготовительные пункты стали оплачиваться заготовительными организациями. С апреля 1940 г. на продукцию совхозов, сдаваемую государству, были введены предельно-закупочные цены, которые превышали заготовительные цены примерно на 40%. С 1941 г. продукция подсобных отраслей совхозов стала сбываться по государственным розничным ценам (за вычетом торговых скидок).

Развитие совхозного производства и осуществление указанных мер открыло реальную перспективу для отмены государственной дотации и обеспечения хозрасчетной рентабельности работы совхозов. Но в последующее время при сохранении неизменного уровня цен на продукцию совхозов себестоимость ее стала возрастать по причинам, не зависевшим от самих совхозов. Так, наступившая Отечественная война резко ухудшила условия работы всего народного хозяйства, в том числе и совхозов. В связи с этим возросла себестоимость совхозной продукции, а потому возрос и размер государственной дотации.

В годы первой послевоенной пятилетки ряд новых обстоятельств способствовал повышению издержек производства в совхозах. Известно, что с 1947 г. в связи с отменой карточной системы и денежной реформой было произведено повышение заработной платы рабочих и служащих, а с 1949 г. в связи с реформой оптовых цен в промышленности были повышены оптовые цены на потребляемые совхозами минеральные удобрения, концентрированные корма, запчасти и т. д.

В соответствии с решением февральского Пленума

ЦК КПСС (1947 г.) были установлены плановые накопления на планово-убыточную продукцию совхозов, которые выплачивались совхозам за счет бюджета, так же как и госдотация. В результате госдотация стала в совхозах не только основным источником покрытия затрат по производству продукции, но и главным источником создания накоплений. Это явствует из того, что, например, в 1953 г. удельный вес дотации в покрытии разницы между плановой себестоимостью продукции и выручкой составил в среднем по совхозам: по зерну — 66%, молоку — 57, мясу крупного рогатого скота — 77, мясу свиней — 73% [1].

Низкий уровень цен, плановая убыточность и связанная с этим система государственной дотации хотя и не ликвидировали полностью систему хозяйственного расчета, но все же подрывали, ослабляли его коренные принципы. Система госдотации, рассчитанная на покрытие плановых убытков, мешала укреплению хозяйственного расчета в совхозах, ослабляла стимулы в борьбе за снижение себестоимости, находилась в противоречии с задачей дальнейшего повышения роли рубля в совхозном производстве. Так как возмещение расходов хозяйства происходило в значительной мере за счет дотации, а финансовые результаты деятельности каждого совхоза находились в прямой зависимости от уровня утвержденной плановой себестоимости, то это порождало иждивенческие тенденции, порождало у отсталой части работников совхозов стремление не к снижению плановой себестоимости продукции, а к ее повышению с тем, чтобы, получив большую дотацию от государства, обеспечить себе «спокойную жизнь».

Недостатком системы госдотации являлось также и то, что результаты производственной деятельности совхозов определялись исходя из индивидуальной плановой себестоимости, ежегодно устанавливаемой для каждого совхоза, т. е. не на основе общественно необходимых затрат живого и овеществленного труда, а на основе индивидуальных затрат данного совхоза. Это противоречило требованию закона стоимости, сводящегося к тому, чтобы при определении плановых стоимост-

---

[1] И. А. Бенедиктов, Совхозы нашей страны, Сельхозгиз, 1957, стр. 22.

ных показателей исходили из общественно необходимых затрат труда. При таком порядке планирования себестоимости продукции передовые совхозы, добившиеся высоких показателей в работе, оказывались в относительно худших условиях по сравнению с совхозами, не проявлявшими должной заботы о повышении урожайности сельскохозяйственных культур, продуктивности животноводства и снижении себестоимости продукции, но получавшими большую дотацию от государства.

Плановая себестоимость продукции как основной показатель, характеризующий экономическое состояние совхозов, теряла при этом свое объективное значение, ибо при таком порядке совхоз с более высокой плановой себестоимостью мог иметь прибыль и, наоборот, совхоз с более низкой фактической себестоимостью мог иметь убытки. Следовательно, уровень себестоимости не служил здесь объективной оценкой экономических результатов работы.

В силу вышеуказанных обстоятельств теряли свое экономическое значение и фонды материального поощрения (фонд предприятия и фонд расширения и укрепления хозяйства). Их могли иметь отстающие, но имеющие прибыль совхозы и могли не иметь передовые совхозы, не получившие прибыли [1].

Перед совхозами всегда стояла задача достигнуть качественного улучшения выпускаемой продукции наряду с ее количественным ростом. А между тем система государственной дотации не стимулировала борьбы совхозов за повышение качества продукции. Это происходило потому, что за продукцию различного качества совхозу устанавливались одинаковые нормы доплат по государственной дотации.

Наконец, говоря о недостатках системы государственной дотации, следует указать и на то, что она вызывала сложную систему финансирования и затрудняла планирование совхозного производства.

Когда партия выдвинула задачу обеспечить крутой подъем сельского хозяйства, отмена системы государственной дотации совхозам стала неотложным мероприя-

---

[1] В условиях существования госдотации прибыль каждого совхоза определялась как разница между плановой и фактической себестоимостью.

тием. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 апреля 1954 г. с 1 января 1954 г. была отменена система государственной дотации совхозам по всем видам сельскохозяйственной продукции и введены были новые зональные сдаточные цены на зерно, масличные культуры и основные виды продукции животноводства с тем, чтобы на основе снижения себестоимости продукции обеспечить безубыточную и прибыльную работу совхозов.

При бездотационной работе создаются реальные условия для ликвидации всех тех недостатков, которые органически вытекали из системы государственной дотации. Отмена государственной дотации поставила финансовое положение каждого совхоза в прямую зависимость от выполнения государственного плана. Совхозы возмещают свои затраты на производство продукции собственными доходами, т. е. за счет выручки от реализации продукции. Поэтому цена становится постоянным, важнейшим экономическим фактором, стимулирующим улучшение всей производственно-финансовой деятельности совхозов. Теперь не может быть такого положения, когда лучше работающие совхозы ставились бы в невыгодное положение по сравнению с плохо работающими, ибо финансовое положение каждого хозяйства определяется теперь не размером дотации, а фактическим уровнем себестоимости продукции, результатами производственной деятельности каждого совхоза. Бездотационная работа создает благоприятные условия для максимального использования принципа материальной заинтересованности в работе и совершенствования совхозного производства.

Введенные с 1954 г. в связи с отменой государственной дотации сдаточные цены на зерно, масличные культуры и основные виды продукции животноводства дифференцированы по 17 сельскохозяйственным зонам и установлены исходя из средней по зоне себестоимости каждого вида продукции. Одновременно с этим на шерсть, сдаваемую совхозами, были распространены повышенные заготовительные цены, а на мясо птицы и пищевое яйцо—закупочные цены, установленные в 1953 г. для колхозов. Свежие овощи, картофель, фрукты, виноград, бахчевые, а также прочая продукция подсобных отраслей сельского хозяйства оплачиваются совхозам

по государственным розничным ценам, за вычетом скидок торговых организаций (включая продукцию, сдаваемую в счет государственных планов). Цены на мясо крупного рогатого скота, овец и свиней, установленные в 1954 г., были впоследствии изменены, так как они имели некоторые недостатки. Главный их недостаток состоял в том, что они были построены исходя из чрезмерной дифференциации мяса по упитанности. Существовали разные цены на мясо крупного рогатого скота и овец жирной, вышесредней, средней, нижесредней и тощей упитанности; на мясо свиней — сальной, полусальной, беконной, ветчинной упитанности и мясоразруб.

Множественность цен на мясо по упитанности не оправдала себя, вызывала затруднения в их определении, что нередко на практике порождало недоразумения в отношениях между совхозами и заготовителями.

Вместе с тем цены на мясо свиней не стимулировали развития свиноводства в совхозах. Партия и правительство поставили задачу резко увеличить производство мяса. Эту задачу можно выполнить в короткий срок путем всемерного развития такой скороспелой отрасли животноводства, как свиноводство. При этом практикой работы колхозов и совхозов, а также опытом некоторых зарубежных стран доказана выгодность мясного откорма свиней по сравнению с сальным и полусальным откормом. Мясная свинина пользуется большим спросом у населения. Известно, что на мясной откорм ставятся молодые свиньи, обладающие наибольшей интенсивностью роста и требующие наименьших затрат корма на единицу привеса. Для получения 1 кг привеса свиней при мясном откорме надо затратить 5 кормовых единиц, а при сальном — 7—8 кормовых единиц. Следовательно, внедрение мясного откорма позволяет при расходовании одного и того же количества кормов увеличить производство свинины на 20—22%, позволяет также широко использовать для этих целей летние зеленые корма и некапитальные помещения лагерного типа. Несмотря на это, совхозы ставили на сальный и полусальный откорм не только выбракованных взрослых свиней, но и молодняк весом 30—35 кг., откорм которого требует продолжительного времени, большой затраты кормов и вообще является экономически невыгодным.

Подобная практика явилась прежде всего результатом допущенных ошибок и недостатков в руководстве делом развития свиноводства. Но наряду с этим сама система цен на мясо свиней не способствовала развитию мясного откорма свиней. Достаточно отметить, что цена 1 ц мясоразруба свиней, установленная в 1954 г., была на 47,5% ниже цены на свиней сальной упитанности.

С целью ликвидации отмеченных недостатков в 1955 г. были введены новые цены на мясо скота, которые устранили множественность цен. Так, цены на мясо крупного рогатого скота и овец стали дифференцироваться только по трем видам упитанности: высшей, средней и нижесредней, а мясо свиней по двум — жирной и беконной (одна цена) и мясной. При этом цена за 1 ц живого веса свиней мясной упитанности установлена ниже цены за 1 ц свинины жирной и беконной упитанности только на 16,2%. Это создало большую материальную заинтересованность совхозов в развитии наиболее экономически эффективного мясного откорма свиней.

Следует заметить, что реализационные цены на совхозную продукцию отличаются от цен, действующих в промышленности. Промышленные предприятия реализуют, как известно, свою продукцию по оптовым ценам. При этом оптовые цены предприятий (цены, не включающие налога с оборота) устанавливаются исходя из средней себестоимости продукции по данной отрасли с учетом плановой прибыли предприятий. Таким образом, в промышленности оптовая цена основывается на средней отраслевой себестоимости продукции. Сдаточная же цена совхозов тоже не включает в себя налога с оборота, но она отражает не среднеотраслевую (для всех совхозов) себестоимость продукции, а дифференцированную среднюю себестоимость по отдельным сельскохозяйственным зонам. Она установлена с учетом природных и экономических условий каждой сельскохозяйственной зоны. Отражая различие природно-экономических условий, сдаточные цены, дифференцированные по сельскохозяйственным зонам, тем самым ближе, чем среднеотраслевые цены, учитывают особенности каждого совхоза.

Минимальная сдаточная зональная цена составляет

в процентах к максимальной зональной цене: по мясу крупного рогатого скота примерно — 77, по мясу свиней — 70, по молоку — 80, по пшенице — 40.

Уровень действующих цен на совхозную продукцию в значительной мере колеблется в зависимости от качества сдаваемой продукции. Продукция более высокого качества оплачивается государством по повышенным ценам. Так, разница в сдаточной цене крупного рогатого скота и овец на мясо в живом весе (в зависимости от упитанности скота) достигает соотношения 1 к 2 и более.

Покажем это на примере уровня сдаточных цен, установленных на мясо для совхозов южных областей Украины, включенных в III зону[1] (табл. 1).

Таблица 1

Сдаточная цена на мясо за центнер живого веса (в руб.)							
мясо крупного рогатого скота по упитанности			мясо овец по упитанности			мясо свиней по упитанности	
высшей	средней	н/средней	высшей	средней	н/средней	жирной и беконной	мясной
558	410	300	575	421	308	870	729

Сдаточные цены на зерновые культуры, молоко и т. д. также учитывают качество сдаваемой продукции. Так, например, сдаточные цены на зерновые культуры и молоко учитывают качество продукции тем, что они установлены за центнер в зачетном, а не натуральном весе.

Действующие сдаточные цены на совхозную продукцию установлены франко-совхоз. Но, как известно, совхозы имеют различное местоположение по отношению к заготовительным пунктам и потому несут неодинаковые транспортные и другие расходы по сдаче продукции государству. Чтобы это не отражалось на финансовом

[1] Министерство совхозов СССР, Прейскурант сдаточных цен на крупный рогатый скот и овец (коз), сдаваемых на мясо совхозами, конными заводами и другими сельхозпредприятиями, 1956, стр. 5 и Прейскурант сдаточных цен на свиней, сдаваемых на мясо совхозами и конными заводами, 1955, стр. 2.

положении совхозов, заготовительные организации, помимо оплаты стоимости продукции по сдаточным ценам, возмещают совхозам расходы по доставке продукции на заготовительные пункты по установленным тарифам.

Оплата совхозам расходов по доставке сдаваемой продукции ставит совхозы, имеющие различное местоположение, в равные условия по сбыту продукции.

С целью создания материального стимула в сдаче совхозами продукции сверх плана государство производит поощрительную оплату продукции, сданной совхозами сверх утвержденного плана. Она выплачивается совхозам сверх действующей цены в следующих размерах за каждый центнер продукции, сданной сверх плана: зерна — 4 руб. 50 коп., молока — 18 руб., мяса крупного рогатого скота — 45 руб., мяса птицы и свиней — 112 руб. 50 коп., мяса овец — 31 руб. 50 коп. и т. д. [1].

Действующая до настоящего времени система сдаточных цен на совхозную продукцию имеет несомненные преимущества по сравнению с системой цен, существовавшей до 1954 г. в условиях наличия государственной дотации. Тем не менее и существующие цены не совершенны.

Прежде всего они не всегда отражают объективные природно-экономические условия работы каждого совхоза. Действительно, разве можно сказать, что условия производства сельскохозяйственной продукции одинаковы в областях Архангельской, Брянской, Владимирской, Вологодской, Горьковской, Ивановской, Калининской, Калужской, Калининградской, Кировской, Костромской, Ленинградской, Московской, Мурманской, Новгородской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Ярославской, в Коми АССР, Удмуртской АССР, Чувашской АССР, Марийской АССР, которые объединены по ценам в одну зону?

Даже в совхозах одной и той же области имеются подчас существенные различия в условиях производства, которые в ценах не находят отражения.

---

[1] Министерство совхозов СССР, Сборник основных положений, постановлений и указаний по бухгалтерскому учету, финансированию и кредитованию совхозов, Изд-во Министерства совхозов СССР, 1957, стр. 475.

Как это было уже отмечено, установление экономически обоснованных цен имеет важное значение в осуществлении принципов хозяйственного расчета.

С точки зрения хозрасчета, критерием определения степени экономической обоснованности действующих сдаточных цен на совхозную продукцию должно быть соотношение цены и фактической себестоимости. Экономически обоснована та цена, которая возмещает фактическую себестоимость продукции с некоторым избытком в лучших и средних совхозах и не возмещает ее в отсталых совхозах. С этой точки зрения, сдаточные цены на зерно и подавляющую часть другой продукции растениеводства являются экономически обоснованными, ибо они с избытком возмещают затраты на производство этой продукции в лучших и средних совхозах.

Соотношение сдаточных цен и фактической себестоимости продукции животноводства, производимой совхозами, видно из табл. 2.

Из приведенных данных следует, что действующие в настоящее время сдаточные цены на молоко и мясо свиней покрывают себестоимость этой продукции в хорошо работающих совхозах и дают им прибыль. При существующих ценах имеются все реальные возможности в один-два года на основе снижения себестоимости сделать производство молока и свинины рентабельным в подавляющем большинстве совхозов.

Иное дело с ценами на мясо крупного рогатого скота. Они в настоящее время не возмещают даже самой низкой фактической его стоимости. Так, если взять средние зональные цены, которыми являются цены на мясо крупного рогатого скота средней упитанности, то они возмещают фактическую себестоимость мяса в среднем по совхозам в пределах от 45,8 (совхозы Арзамасской области) до 67,9% (совхозы Украинской ССР). В лучших совхозах производство мяса крупного рогатого скота окупается в большей степени, чем в среднем по совхозам, но тем не менее оно достигает 93,8% только в совхозе «Вторая пятилетка» (Краснодарский край), в остальных же приведенных в таблице передовых совхозах его производство является еще более убыточным.

Основной причиной такого ненормального соотношения сдаточной цены и фактической себестоимости сле-

дует считать нетерпимо высокую себестоимость мяса крупного рогатого скота.

Постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 15 апреля 1954 г. «О дальнейшем развитии совхозов Министерства совхозов СССР и повышении их рентабельности» перед совхозами была поставлена задача добиться в 1954—1955 гг. снижения себестоимости продукции не менее чем на 15% против фактической себестоимости за 1952 г. Эту задачу совхозы должны были выполнить на основе проведения мероприятий по повышению урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства,

Уровни фактической себестоимости и государственной сдаточной цены в среднем по совхозам отдельных республик, краев,

	Мясо крупного рогатого		
	Себестоимость 1 ц	Цена 1 ц	
		средней упитанности	высшей упитанности
Совхозы Краснодарского края . . .	608—77	410—00	558—00
в т. ч. совхоз «Кубань»	564—80	410—00	558—00
совхоз «Вторая пятилетка»	437—15	410—00	558—00
Совхозы Арзамасской области	981—36	450—00	609—00
в т. ч. Починковский конезавод .	558—19	450—00	609—00
Совхозы Ростовской области	560—10	377—00	514—00
в т. ч. совхоз «Ростовский» . .	510—60	377—00	514—00
Совхозы Омской области	669—41	375—00	510—00
в т. ч. совхоз «Лесной» .	526—01	375—00	510—00
совхоз «Москаленский» .	440—03	375—00	510—00
Совхозы Саратовской области	774—53	410—00	558—00
в т. ч. совхоз «Карамышский»	538—34	410—00	558—00
Совхозы Литовской ССР	689—15	450—00	609—00
в т. ч. совхоз «Кретингале» .	579—26	450—00	609—00
Совхозы Украинской ССР . . .	603—00	410—00	558—00
в т. ч. совхоз «Решающий» .	556—15	410—00	558—00
Совхозы Белорусской ССР	671—47	450—00	609—00
в т. ч. совхоз «Красная звезда»	623—39	450—00	609—00

[1] Расчет произведен по данным Н. А. Бенедиктова, приведенным в журнале

завершения комплексной механизации всех наиболее трудоемких работ, внедрения достижений сельскохозяйственной науки и опыта работы передовиков, роста производительности труда, соблюдения режима экономии и дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления совхозов.

Однако с поставленной задачей по снижению себестоимости продукции, особенно животноводства, совхозы не справились. Это видно из следующих данных (см. табл. 3).

Как видно из таблицы, за 1953—1956 гг. снижение себестоимости зерна в совхозах было незначительным,

Таблица 2

центнера продукции животноводства (в руб. и коп.) и их соотношение областей и передовым совхозам (по данным 1956 г.)[1]

скота		Мясо свиней			Молоко		
Цена в % к себестоимости		Себестоимость 1 ц	Цена 1 ц жирной и беконной упитанности	Цена в % к себестоимости	Себестоимость 1 ц	Цена 1 ц в зачетном весе	Цена в % к себестоимости
средней упитанности	высшей упитанности						
67,3	91,6	779—31	765—00	98,2	107—76	100—00	92,6
72,5	98,7	602—60	765—00	126,8	88—11	100—00	113,6
93,8	127,7	724—58	765—00	105,5	97—11	100—00	103,0
45,8	62,0	1167—37	1058—00	90,6	152—23	125—00	82,2
80,7	109,1	809—49	1058—00	130,0	82—06	125—00	152,4
67,3	91,8	671—69	829—00	123,3	113—27	115—00	101,7
73,7	100,5	526—00	829—00	157,6	87—83	115—00	130,7
56,0	76,2	994—36	917—00	92,2	117—21	103—00	88,0
71,1	97,0	841—30	917—00	109,0	86—41	103—00	119,7
86,2	110,5	731—42	917—00	125,4	94—95	103—00	108,4
52,9	72,0	1299—75	1003—00	77,1	136—53	114—00	83,2
76,0	103,7	863—64	1003—00	116,1	98—24	114—00	116,3
65,3	88,3	1218—56	1051—00	86,2	114—79	110—00	95,6
77,7	105,1	981—87	1051—00	107,0	104—10	110—00	105,7
67,9	92,5	765—00	880—00	115,1	103—12	110—00	106,8
73,7	100,3	583—29	880—00	151,0	—	—	—
67,0	90,7	1088—49	1051—00	96,6	134—22	110—00	82,0
72,2	97,7	666—36	1051—00	157,8	113—28	110—00	97,0

«Совхозное производство» № 5, 1957, стр. 11.

а по основным видам продукции животноводства себестоимость в течение четырех лет либо оставалась одинаковой, либо даже повысилась.

Таблица 3

Себестоимость 1 ц продукции в хозяйствах б. Министерства совхозов СССР

(в руб. и коп.)[1]

	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.
Зерно	38—22	39—88	45—85	32—50
Молоко	117—56	117—09	117—46	127—60
Мясо свиней (живой вес)	999—43	998—32	976—97	985—84
Мясо крупного рогатого скота	664—01	655—82	659—86	700—76

[1] И. А. Бенедиктов, За резкое снижение себестоимости совхозной продукции, Журнал «Совхозное производство» № 5, 1957, стр. 5 и 10.

Главным средством повышения рентабельности совхозного производства является борьба за снижение себестоимости продукции. Это бесспорно. Однако то обстоятельство, что установленные цены не возмещали фактической себестоимости продукции даже в лучших совхозах, как это имело место по мясу крупного рогатого скота, говорит о том, что такие цены экономически не являлись вполне обоснованными. Поэтому они не отвечали задачам укрепления хозяйственного расчета в совхозах.

Повышение средних сдаточных цен на мясо крупного рогатого скота до уровня цен, установленных на мясо высшей упитанности, привело бы (как это видно из приведенной табл. 2) к такому примерно соотношению цены и себестоимости, которое сложилось по молоку и мясу свиней. Но повышение сдаточных цен на мясо крупного рогатого скота можно принять как частичную и временную меру, рассматривая его как рычаг, стимулирующий снижение себестоимости.

Вопросы снижения себестоимости совхозной продукции приобрели в нынешних условиях особенно острое значение. Это определяется рядом обстоятельств.

В докладе на юбилейной сессии Верховного Совета СССР, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, тов. Н. С. Хрущев отметил, что «теперь, когда социалистический сектор стал основным в снабжении страны всеми продуктами, когда наш народ решает историческую задачу перехода к коммунизму, на первый план выдвигаются вопросы повышения производительности труда не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Сокращение затрат труда на производство единицы продукции на нынешнем этапе коммунистического строительства приобретает первостепенное значение. Как известно, партия осуществляет широкую программу повышения материального благосостояния народа. Дальнейшая работа в этом направлении в огромной степени будет зависеть от себестоимости сельскохозяйственных продуктов, ибо в этом заложена реальная возможность неуклонного снижения цен» [1].

Таким образом, задачи коммунистического строительства, задачи повышения материального благосостояния советского народа настоятельно требуют снижения себестоимости сельскохозяйственных продуктов. Рост же совхозного производства, повышение роли совхозов в снабжении населения продовольствием и промышленности — сырьем приводит к тому, что уровень себестоимости совхозной продукции все в большей мере будет определять собой уровень цен, по которым государство продает населению хлеб, молоко, мясо, яйца, картофель, овощи и т. д. Следовательно, снижение себестоимости продукции в совхозах все больше будет оказывать влияние на благосостояние советского народа.

Рост объема совхозного производства повышает значение внутрисовхозных накоплений, получаемых за счет снижения себестоимости продукции. Ныне один процент снижения себестоимости продукции совхозов дает годовую экономию в 400 млн. руб. [2].

---

[1] Н. С. Хрущев, Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции, Доклад на юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 г., Изд-во «Правда», 1957, стр. 46.

[2] Д. Г. Васильев, Улучшить планирование и учет себестоимости сельскохозяйственной продукции, Журнал «Совхозное производство» № 12, 1957, стр. 12.

Практика работы передовых хозяйств показывает, что совхозы располагают большими неиспользованными возможностями для снижения себестоимости всех видов продукции. В передовых совхозах себестоимость нередко в два раза ниже, чем себестоимость соответствующего вида единицы продукции в отстающих совхозах, расположенных в одной и той же зоне. Задача состоит в том, чтобы все совхозы максимально использовали существующие резервы увеличения объема продукции и сокращения затрат на ее производство.

А. И. ПАШКОВ

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ ТРЕХ ОБСУЖДАЕМЫХ ПРИНЦИПОВ ПОСТРОЕНИЯ ЦЕН

Если говорить о теоретическом обосновании нашей практики цен, то можно назвать три варианта подхода к данному вопросу.

Первый вариант — это нынешняя система установления оптовой цены на промышленную продукцию путем начисления прибыли в определенном проценте к себестоимости продукции.

Этот порядок, применяемый ныне, имеет определенные плюсы, но обладает недостатками, о которых здесь достаточно убедительно говорили докладчики. Эта система несовершенна во многих отношениях. Она не стимулирует полного использования основных фондов, рационального использования оборотных средств и т. д. Наличием этих недостатков и объясняется тот факт, что экономисты-практики, плановики усиленно ищут более совершенный способ.

С теоретической точки зрения отнесение прибыли к себестоимости продукции вполне возможно и законно. С теоретической точки зрения порочности в этом способе нет, и речь идет исключительно о практической целесообразности данного приема определения цен.

Возьмем другую позицию — позицию акад. Струмилина,— которая была упомянута в докладе т. Бачурина. Акад. Струмилин предлагает исчислять стоимость товара путем прибавления к его себестоимости средней нормы прибавочного продукта. Раз при социализме распределение осуществляется по труду, то работники каждой отрасли хозяйства должны одинаковую долю продукта отдавать и в общественный фонд.

Теоретически позиция акад. Струмилина вряд ли может вызвать серьезные возражения, потому что принцип распределения по труду означает, что норма при-

бавочного продукта во всех отраслях социалистического хозяйства должна быть более или менее одинаковой. Но практическое исчисление таким путем величины стоимости производимых продуктов связано с огромными трудностями, которые, однако, нужно преодолевать. Исчисление величины стоимости товаров не означает, конечно, что цены на все товары всегда должны совпадать со стоимостью. Этого, как нам кажется, не предлагает и акад. Струмилин.

Речь идет о том, что цены товаров больше, чем это имеет место теперь, должны приближаться к их стоимости, а это признают многие советские экономисты. Пока мы не знаем величины стоимости товара (а мы ее не знаем), все наши рассуждения об отклонении цены от стоимости неизбежно носят в значительной мере гадательный характер. Пора бы уже перейти от разговоров об исчислении стоимости товаров к опытам практического исчисления ее величины, что, конечно, доступно только центральному статистическому органу нашей страны, располагающему необходимыми для этого данными.

Само предложение акад. Струмилина — исчислять величину стоимости — является рациональным. Не нужно, однако, цену обязательно подводить к этой стоимости. Если бы мы знали величину **стоимости** товара, а не только его себестоимость и цену, мы были бы куда более вооружены, чем теперь.

И, наконец, третий возможный способ определения цены — это начисление к себестоимости продукта прибыли в среднем для всех отраслей проценте к авансированным производственным фондам — основным и оборотным.

Это — нечто вроде цены производства, т. е. то, что предлагает в своем докладе З. В. Атлас. Здесь А. В. Бачурин и другие товарищи в принципе возражали против предложения З. В. Атласа, потому что, по их словам, если начислять среднюю норму прибыли, то это значит идти по капиталистическому пути.

Нам кажется, что это не так. И в данном случае надо разграничить две стороны вопроса: принципиальную постановку вопроса и практическую целесообразность этого предложения. Если подходить с точки зрения самого принципа, то мне представляется, что предло-

жение З. В. Атласа, которое пропагандируется им на протяжении многих лет, не может вызывать возражений.

Этот метод был бы действительно капиталистическим, если бы капиталовложения распределялись по отраслям в полном соответствии с полученной прибылью и «цена производства» стала бы регулятором распределения средств труда и рабочей силы по отраслям народного хозяйства, как это имеет место при капитализме. Но тот метод, который здесь развивал З. В. Атлас, отнюдь, нам кажется, не означает, что капиталовложения должны устремляться в области, где норма прибыли выше, и уходить из отраслей, где норма прибыли фактически оказывается ниже средней.

Если бы это было так, то это значило бы воскрешение буржуазного закона цены производства. Но речь ведь идет совсем не об этом. Во всех трех вариантах, которые я называл, речь идет о том, как определять продажную цену товара, а не о том, как распределять капиталовложения по отраслям. Ведь прибыль, полученная отраслями, в определенной части подлежит централизации и перераспределению для капиталовложений по отраслям. И при этом, третьем, способе установления цен также должно иметь место последующее перераспределение прибыли по отраслям в соответствии с народнохозяйственными задачами. Если брать принципиальную сторону дела, то относить прибыль ко всем производственным фондам допустимо в равной мере как и к себестоимости продукции. Так что в принципе возражений против предложения проф. Атласа не должно быть.

Некоторые думают, что когда мы начисляем прибыль на себестоимость товара, то это — по-марксистски, а когда станем начислять ее в проценте к производственным фондам, так это будет уже не по-марксистски, а по-буржуазному. Но почему так? Непонятно.

В капиталистических странах средняя прибыль и цена производства образуются в результате стихии. З. В. Атлас не предлагает такую систему. Исходным стала бы планируемая социалистическим государством средняя прибыль. В принципе не может быть возражений против предложения т. Атласа.

Другой вопрос, — имеет ли его предложение реаль-

ное значение, лучше ли оно существующего ныне? Увы! — и метод З. В. Атласа страдает многими недостатками, о которых здесь уже говорилось. Например, в среднюю норму прибыли, которую З. В. Атлас предлагает прибавлять к себестоимости товара, он не включает налог с оборота. Но ведь это значит, что практическая целесообразность предлагаемого им метода сразу же очень понижается.

Проф. Татур говорил, что пестрота в оценке основных фондов в значительной степени сводит на нет применение метода средней нормы прибыли. Но мы полагаем, что это последнее обстоятельство все же не исключает возможности и целесообразности данного метода, — поскольку речь идет о перераспределении внутри одного и того же государственного социалистического хозяйства.

Нам кажется, что каждый из этих вариантов имеет свои достоинства и свои недостатки. Возможно, что на данном этапе было бы целесообразно определенное комбинирование всех этих способов. Никто не может сказать, что именно его метод является идеальным, универсальным методом.

П. С. МСТИСЛАВСКИЙ

СУЩЕСТВУЮЩАЯ СИСТЕМА ЦЕН ИМЕЕТ ОБЪЕКТИВНУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ОСНОВУ

Необоснованность применения механизма «цены производства» при выборе вариантов капитальных вложений. В социалистической экономике действуют два масштаба цен. Наличие двухмасштабной системы цен приводит к тому, что соотношение величин себестоимости различных товаров примерно выражает соотношение их стоимостей.

Товарно-денежные отношения являются экономическими формами производственных отношений. Если речь идет о товаре, то разумеется товарная форма продукта. Если речь идет о деньгах, то они выступают как особая форма товара. Если речь идет о товарно-денежных отношениях, то они выступают как определенная форма производственных отношений; если речь идет о производстве, то имеется в виду товарная форма производства. Экономические формы могут выражать собой разные экономические процессы, подчиняться различным экономическим законам. Но в данном случае речь идет о наличии самих форм, о наличии товарного производства, товара как форм. Но если речь идет о формах, то нельзя эти формы еще расчленять на формы по существу и формы только по форме.

Для того чтобы было легче понять нелогичность такого расчленения, приведу пример из другой области. Представим себе, что речь идет о форме земного шара. Какова форма этого небесного тела? Мы скажем, что оно имеет форму приплюснутого шара. И вот представим себе, что найдутся люди, которые скажут: «Товарищи! Конечно, форма земного шара шарообразная, но

ведь она только по форме шарообразная, а по существу не шарообразная».

Или вот перед нами спичечная коробка. Какова геометрическая форма спичечной коробки? Параллелепипед. И вдруг кто-нибудь заявляет: форма коробки только по форме параллелепипед, а по существу форма коробки другая. Очевидно, что подобные рассуждения неверны. Каждая форма представляет собой определенную сущность и нельзя «препарировать» форму и толковать о «форме по форме» и о «форме по существу».

Если мы говорим о товарном производстве, то речь идет о товарной форме производства. Наличие определенных признаков товарных отношений говорит о том, что производство имеет товарную форму.

Заметим, между прочим, что говоривший здесь о содержании стоимостных форм акад. К. В. Островитянов поддался одной иллюзии. Им приводился пример с ценой на землю. Цена земли определяется не стоимостью земли, а капитализированной рентой. Маркс называл цену земли иррациональной формой цены. Можно ли сказать, что здесь отсутствует стоимостная сущность, которая лежит в основе всякой цены? Нет. И в этой цене — цене земли — сохраняется стоимостная сущность по той простой причине, что в основе цены земли лежит рента, являющаяся не чем иным, как частью стоимости, а именно — прибавочной стоимости. Раз мы находим в основе цены прибавочную стоимость, мы никуда не уходим от стоимостного существа цены. Поэтому нужно иметь в виду, что хотя и существует самостоятельное движение самих форм и эти формы подчиняются своим определенным законам, нельзя все же так легко обращаться с категориями формы и расчленять их таким образом, чтобы признавать наличие формы по форме и отрицать наличие существа этой формы.

Повторяем: наличие форм не исключает того, что эти формы могут «оформлять» различные процессы, подчиняющиеся разным законам. Но при этом формы не теряют своей природы, являются специфическими формами, как, например, в данном случае товарно-денежные формы. Отсюда мы заключаем, что расчленение понятия товарной формы на форму по форме и форму по существу неверно.

Другое положение, которое следует подвергнуть критике, это положение, лежащее в основе отрицания средств производства как товара. Заключается оно в том, будто всякий товар, товар по существу, должен обязательно представлять собой продукт, который в процессе обмена меняет собственника. В опровержение этого условия я хотел бы привести простые примеры, взятые из капиталистической действительности.

Возьмем компанию Форда, которая имеет много предприятий, насчитывает их десятками. Все они являются собственностью одного капиталиста, одной компании, собственник у них один. Как они связаны друг с другом? Они обмениваются своими продуктами, снабжают друг друга и притом обычными для капитализма путями, — правда, с некоторым своеобразием в ценах. Бесспорно, что эти товары отличаются известным своеобразием. Но никому не придет в голову сказать, что товары, которые обращаются внутри фордовской компании, не являются товарами.

Или возьмем государственно-капиталистическую собственность, которая сейчас существует во многих капиталистических странах. Государство владеет там разными предприятиями: шахтами, металлургическими заводами, железными дорогами и т. д. Они имеют между собой товарные связи, и никому не придет в голову сказать, что товары, обращающиеся внутри хозяйства одного собственника, каким является в данном случае капиталистическое государство, не являются товарами.

Мы имеем, таким образом, совершенно очевидные массовые случаи, когда в капиталистической действительности совершается купля-продажа без смены собственника. Собственником остается либо одно и то же буржуазное государство, либо одна и та же монополия.

Конечно, есть своеобразие в обращении такого рода товаров. Цены на них могут быть установлены ниже, чем на свободном рынке, но природа товарной формы остается. Продукт остается товаром. Это говорит о том, что неправилен тезис, ставящий обязательным условием товарных отношений перемену собственника.

После этих беглых замечаний перейду к основной теме моего выступления — к обсуждаемому здесь вопросу об основах политики цен при социализме.

В своем выступлении Д. Д. Кондрашев четко и просто рассказал нам о существовании четырех вариантов системы ценообразования. Один из них — это реально существующая у нас система ценообразования; другие предлагаются различными товарищами: система цен по образу и подобию простого товарного хозяйства, система цен по образу и подобию промышленной стадии капитализма (подчеркиваю, не всего капитализма, поскольку для современного капитализма характерна не цена производства в чистом виде, а монопольное ценообразование) и, наконец, вариант, который поддерживает сам т. Кондрашев, — система так называемой усредненной рентабельности, пропорциональной издержкам производства.

Мы полагаем, что методологически неправильно эти четыре варианта систем ценообразования демонстрировать с трибуны и «примеривать» подобно своего рода четырем фасонам костюма, как фрак, пиджак, военный мундир и т. д. Нельзя теоретически рассматривать преимущества и недостатки каждой формы и затем предоставлять людям решать, какая из этих форм костюмов более удобна, более подходяща с точки зрения наших житейских надобностей. Здесь явно выступает телеологический подход к системе ценообразования. При этом забывается, что в основе каждой системы ценообразования лежит определенная система хозяйства с ее объективными экономическими законами.

Например, тт. Вааг, Атлас и другие считают наиболее подходящей основой цены — цену производства и предлагают ее внедрять в социалистическую экономику. Тов. Атлас при этом уверяет нас (весьма неубедительно), что социалистическая экономика якобы ближе (?) к капиталистической, чем к простой товарной. Но предлагать внедрять цену производства — это значит предлагать внедрять закон средней нормы прибыли. Нельзя вводить ту или иную экономическую форму, забывая о том, какими условиями, каким экономическим законом она определяется. Когда т. Вааг предлагает пользоваться категорией цены производства для регулирования капитальных вложений, пользоваться ею в качестве критерия направления капитальных вложений в те или иные отрасли и объекты, то ведь он фактически предлагает тот же механизм, который соответствует

закону средней нормы прибыли при капитализме. Цены производства выступают у него в качестве регулятора, а тем самым регулятором становится и закон средней нормы прибыли, в частности для направления капитальных вложений.

Нужно иметь в виду, что на основе какого-либо одного закона, например закона стоимости или закона средней нормы прибыли или еще какого-нибудь закона, социалистическая система цен не может строиться. Нужно всегда исходить из того, что в социалистической экономике все явления, в том числе и такое явление, как цены, выражают собой действие не одного какого-либо закона, а системы законов. Они подчиняются требованиям таких законов, как основной закон, закон планомерного развития, закон социалистического распределения и т. д. Это обстоятельство неизбежно порождает своеобразие социалистической системы ценообразования и ее относительно большую сложность по сравнению с простым товарным и капиталистическим хозяйством.

Современная система цен в СССР имеет серьезные недостатки, которые никто не может и вряд ли хочет скрывать. Но совершенно неправильно будет трактовать эту систему как изживший себя продукт старой политики, как продукт чистой политики. Нельзя согласиться с утверждением т. Кондрашева, будто сложившаяся система цен не имеет никаких критериев, будто она не имеет под собой объективной экономической основы.

Современная советская система цен имеет в основе своей совершенно строгие, определенные, объективные закономерности и определенные экономические границы, обусловливающие ее действие. Те изменения, которые она время от времени претерпевает, идут по линии учета определенных экономических закономерностей, которые объективно действуют и которые неизбежно учитываются в политике цен. Дело не в том, что эта система никуда не годится, а в том, что наши экономисты еще не сумели достаточно раскрыть те закономерности, которые она в себе заключает.

Если проанализировать материал, который имеется, в частности, в книге т. Кондрашева, то такие закономерности могут быть выявлены.

Прежде всего закономерность советской системы цен заключается в том, что в советской экономике дейст-

вуют два уровня, два масштаба цен. В I подразделении уровень цен (масштаб цен) относительно ниже, чем во II подразделении общественного производства. Поэтому и появилась теперь широко распространенная версия, будто предметы потребления продаются в СССР по ценам в среднем выше стоимости, а средства производства — по ценам в среднем ниже стоимости. Так как это различие в уровне цен устойчивое, то по существу речь идет именно о двух масштабах цен. Итак, для советского общества характерна система двух уровней, двух масштабов цен, чего нет в капиталистических странах.

В этом факте нашли свое отражение особенности социалистического рынка, в корне отличающегося от капиталистического рынка. Советский рынок, основанный на господстве социалистической собственности, дает возможность обеспечивать планомерный процесс воспроизводства и при двухмасштабной системе цен.

Объясняется это тем, что товарное обращение средств производства имеет в условиях социализма своеобразную относительную самостоятельность по отношению к товарному обращению предметов потребления. Между сферами обращения средств производства и предметов потребления в СССР существуют определенные экономические барьеры. Так, советская финансовая система не допускает, чтобы деньги, предназначенные для приобретения средств производства и находящиеся на расчетных счетах в банках, были бы направлены на выплату заработной платы, т. е. не допускает, чтобы они из сферы обращения средств производства перешли в сферу обращения предметов потребления. Равным образом, деньги, предназначенные для выплаты заработной платы, т. е. для обслуживания кругооборота предметов потребления, не могут быть ни государственными предприятиями, ни рабочими и служащими израсходованы на приобретение средств производства, т. е. не могут перейти из сферы обращения предметов потребления в сферу обращения средств производства. Относительная самостоятельность двух сфер товарно-денежных отношений закреплена советской системой выплаты заработной платы, при которой строжайший контроль за расходованием фондов заработной платы сочетается с

гарантированной выплатой ее трудящимся, независимо от состояния расчетных счетов предприятий в банках. Таким образом, хотя на банковских счетах и в бухгалтерских книгах кругообороты денег разных сфер скрещиваются, они всегда остаются относительно самостоятельными, и, что особенно важно, каждая из этих двух сфер обслуживается своим типом денег (наличный и безналичный обороты) и своей массой денег. Такое своеобразие советского рынка открывает объективную возможность для существования двухмасштабной системы цен.

Многие экономисты полагают, что такую двухмасштабную систему цен надо считать ненормальной. Однако они не могут привести ни одного аргумента против нее, кроме догматического тезиса о необходимости единого масштаба цен для всех сфер. В условиях социализма не только возможна, но и объективно необходима двухмасштабная система цен. Дело в том, что при социализме деньги, цены выполняют несколько функций. И эти функции далеко не всегда и не во всем мирятся друг с другом. Более того, между ними неизбежно существуют диалектические противоречия. Напомню одно из них. Цена — форма стоимости и служит мерой стоимости, мерой общественно необходимых затрат общественного труда. Для того чтобы цена наиболее правильно выражала действительные затраты общественного труда (а это объективно необходимо для социалистического планирования, для выбора рациональной техники и т. п.), цена должна быть как можно ближе к действительной стоимости каждого товара. Таково первое объективное требование к ценообразованию при социализме, на которое правильно указывают акад. С. Г. Струмилин, Я. А. Кронрод и другие. Но данная функция денег и цены не единственная. Так, например, советские цены всегда были и впредь будут служить формой, с помощью которой осуществляется объективно необходимое распределение и перераспределение национального дохода. Для выполнения этой не менее важной функции цены должны отклоняться от стоимости. Налицо противоречие: первая функция тянет ближе к стоимости, притом по каждому товару, а не только по подразделению в целом. Вторая функция, наоборот, отклоняет цену от стоимости, и не

только по подразделению в целом, но и по отдельным товарам. И вот двухмасштабная система цен как раз обеспечивает разрешение этого противоречия. Она приводит к тому, что первая функция возлагается не на цену, а на себестоимость продукции, а вторая функция успешно выполняется ценой.

Посмотрим, как это получается, что себестоимость становится мерой стоимости. Для этого надо рассмотреть процесс воспроизводства в целом и обратиться к таким категориям, как заработная плата и издержки производства. Здесь и кроется, по нашему мнению, разгадка значения двухмасштабной системы цен.

Обычно считают, что система цен касается только товарооборота. Однако суть дела в том, что она не в меньшей степени затрагивает заработную плату и себестоимость. Более того, она коренным образом изменяет форму заработной платы и себестоимости по сравнению с аналогичными формами, характерными для капитализма. Проиллюстрируем это на примере. Пусть фонд заработной платы рабочих по стоимости соответствующего фонда предметов потребления составляет в масштабе народного хозяйства 500 млрд. руб. Очевидно, что в случае, если предметы потребления продаются выше стоимости, то фонд номинальной денежной заработной платы должен стать соответственно больше. Например, если цены на предметы потребления выше стоимости в полтора раза, то масса предметов потребления стоимостью в 500 млрд. руб. будет иметь совокупную цену в 750 млрд. руб., и для того чтобы она поступила в сферу потребления, денежная заработная плата должна также составить 750 млрд. руб. Здесь номинальная заработная плата превышает реальную в полтора раза. Соответственно и стоимостная структура общественного продукта получает в ценовом выражении совершенно новую форму.

Рассмотрим следующую схему воспроизводства. Предположим, что по стоимости (цифры условные) структура общественного продукта такова (в млрд. руб.):

I. 1400c + 350v + 250m = 2000 средств производства
II. 450c + 150v + 100m = 700 предметов потребления

Итого . . 1850c + 500v + 350m = 2700 общественного продукта

В этой схеме реальный фонд заработной платы работников материального производства равен 500 млрд. руб. Себестоимость (оплаченные издержки) — 2350 млрд. руб., и стоимость общественного продукта — 2700 млрд. руб.

Что произойдет, если уровень цен во II подразделении будет установлен в полтора раза выше (например, за счет введения налога с оборота в сумме 300 млрд. руб.), а уровень цен в I подразделении будет сохранен на прежнем уровне, т. е. будет измеряться прежним денежным масштабом? Возникнет двухмасштабная система цен. В I подразделении будет действовать масштаб цен «А», во II — масштаб цен «Б». Значит ли это, что средства производства будут продаваться ниже стоимости, а предметы потребления — выше стоимости. Нет. В данной ситуации продукты I подразделения — средства производства — будут продаваться, как и прежде, по стоимости, но измеренной одним масштабом «А», а продукты II подразделения — предметы потребления — также будут продаваться по стоимости, но измеренной другим, в полтора раза повышенным масштабом «Б». Конечно, это вызовет существенные изменения в формах стоимости. Для нормального хода общественного воспроизводства заработную плату в обоих подразделениях придется выплачивать в масштабе цен «Б», т. е. в I подразделении вместо 350 v выплачивать 525 v и во II вместо 150 v — 225 v.

Издержки производства будут измеряться в комбинированном масштабе: c — масштабом «А», а v — масштабом «Б». И накопления сложатся неравномерные.

В ценовом выражении схема воспроизводства примет такой вид:

I. 1400c + 525v + 75m = 2000 средств производства
II. 450c + 225v + 375m = 1050 предметов потребления

1850c + 750v + 450m = 3050 общественного продукта

Интересно, что полученная схема по своим пропорциям типична для ценовой структуры общественного продукта СССР с повышенной нормой накопления во II подразделении и небольшим накоплением в I.

Сопоставим полученную ценовую форму элементов воспроизводства при двух масштабах цен с реальным

стоимостным их содержанием, взятым в прежнем денежном масштабе («А»):

	По стоимости (прежний масштаб)	По ценам (в двух масштабах)
Заработная плата (v)	500	750
Национальный доход (v + m) .	850	1200
Себестоимость (c + v)	2350	2600
Стоимость общественного продукта (c + v + m)	2700	3050
Себестоимость продукта плюс 5% прибыли к себестоимости (c + v)·(1 + 0,05)	2470	2730

Из этих сопоставлений усматривается, что при двухмасштабной системе цен заработная плата приближается по размерам к национальному доходу, а денежная себестоимость — к полной стоимости (если национальный доход и стоимость измерять масштабом «А»).

Эти выводы относятся не только к обществу в целом, но и к каждой отрасли, к каждому предприятию, к каждому продукту.

Значит, при такой системе ценообразования заработная плата и себестоимость в денежном выражении при социализме фактически включают значительную часть стоимости прибавочного продукта.

Какой механизм здесь получается?

Сначала в денежной форме рабочим выплачивается больше, чем стоимость средств существования, а именно почти полная стоимость вновь созданного продукта. А потом благодаря тому, что цены на предметы потребления установлены в повышенном масштабе, стоимость прибавочного продукта переходит обратно в государственную кассу, в централизованный фонд общества. Такой механизм цен позволяет осуществлять перераспределение и регулировать стоимостные отношения, в том числе и с колхозниками, доходы которых превышают стоимость необходимого продукта.

Но особо примечателен тот факт, что благодаря двухмасштабной системе цен себестоимость, выражен-

ная в ценах, близка к стоимости, а в сумме с минимальной прибылью равна ей.

Таким образом, категории заработной платы и себестоимости приобретают своеобразный вид, не соответствующий нашим привычным, взятым из капиталистических условий, представлениям о c, v и m.

Именно такие модификации форм приводят к возможности использования себестоимости в качестве более или менее правильного выражения действительной стоимости. В этом и заключается закономерная основа существования двухмасштабной системы цен, ибо социалистическое хозяйство нуждается и в правильном выражении стоимости для рациональной организации производства и в механизме перераспределения национального дохода.

Существенно то, что соотношение масштабов цен при двухмасштабной системе цен не может быть произвольным. Для выполнения отмеченных выше и других функций масштаб цен во II подразделении должен быть выше масштаба цен в I подразделении общественного производства в рамках соотношения $(v+m):v$. Если соотношение масштабов цен (разномасштабность) будет больше этой пропорции, то себестоимость продукции I подразделения окажется выше суммы цен на эту продукцию и подразделение будет в целом находиться на дотации. Если разномасштабность цен будет точно равна $1+\frac{m}{v}$, то денежная себестоимость продукции будет совпадать со стоимостью ее, а в I подразделении себестоимость будет равна сумме цен и подразделение будет сводить концы с концами, не имея накоплений. Поэтому для нормального функционирования хозяйственного расчета соотношение масштабов цен должно быть несколько меньше $1+\frac{m}{v}$. Но если эту разницу в масштабах цен совсем снять, как предлагают некоторые экономисты (в частности, Я. А. Кронрод), то цена не сможет выполнить перераспределительную функцию и себестоимость будет настолько далека от стоимости, что не сможет служить мерой общественных издержек производства. При этом необходима двухмасштабная система цен, как специфически социалистическая модификация форм стоимости.

Б. П. ПЛЫШЕВСКИЙ

О ХАРАКТЕРЕ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ ЦЕН

Соотношение цен и стоимости при социализме. Цена как фактор распределения и перераспределения национального дохода. Неправильность представления о тождестве экономической природы прибыли и налога с оборота.

Большинство выступавших товарищей уже говорили, что в основе цен при социализме лежит закон стоимости. Это положение нам кажется правильным. Поскольку в социалистической экономике существует товарное производство и сохраняется действие закона стоимости, то и для социализма сохраняет силу ленинское положение, что закон стоимости есть закон цен.

Но при характеристике соотношения цены и стоимости при социализме нельзя ограничиваться этим общим положением. Это положение применимо к социализму, но в силу особенностей товарного производства и действия закона стоимости в нашем хозяйстве оно не раскрывает всей специфики соотношения цены и стоимости при социализме.

В условиях товарного производства, основанного на различных формах частной собственности на средства производства, закон стоимости выступает как неограниченный и абсолютный стихийный регулятор цен товаров. В социалистической экономике механизм взаимодействия цен и стоимости претерпевает существенные изменения. Закон стоимости при социализме, определяя цены товаров, не является абсолютным регулятором цен. В социалистической экономике цены определяются на основе закона стоимости, но с учетом требований других экономических законов социализма и в первую очередь с учетом требований закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства.

Как важнейшую особенность соотношения цен и стоимости при социализме необходимо отметить то обстоятельство, что государство при планировании цен исходит в первую очередь из интересов развития всего народного хозяйства, а требования закона стоимости учитываются при этом постольку, поскольку его действие не противоречит этим интересам. Именно такой подход к проблеме ценообразования при социализме обеспечил успешное решение задач социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, повышения материального и культурного уровня жизни народа, укрепления обороны страны. Это показывает специфику действия закона стоимости как закона ценообразования при социализме.

При планировании капиталовложений и определении темпов развития различных отраслей народного хозяйства планирующие органы в первую очередь исходят из необходимости пропорционального развития всего народного хозяйства и выделения ведущих отраслей экономики, подчиняя политику цен решению этих задач. Это значит, что закон стоимости при социализме не является единственным и даже главным регулятором цен. Закон стоимости при социализме, как правильно отмечал здесь т. Бачурин, является регулятором цен лишь в известных пределах. Если бы закон стоимости при социализме был единственным регулятором цен, то он был бы также регулятором социалистического производства.

Построение научно обоснованной системы цен при социализме не сводится к тому, чтобы устанавливать цены на разные виды продукции в соответствии с их стоимостью. Эта задача гораздо сложнее. Главная трудность в этом отношении заключается в таком построении цен с учетом стоимости, чтобы они обеспечивали правильные пропорции в развитии народного хозяйства, способствовали техническому прогрессу, повышению производительности труда и снижению себестоимости продукции. Проблема пропорциональности при социализме не может сводиться только к учету требований закона стоимости. Одним словом, нельзя улучшить ценообразование в нашей экономике на основе одного лишь закона стоимости. При решении этой задачи необходим учет экономических законов социализма, учет всех потребностей экономического развития страны.

Здесь мы должны выразить свое несогласие с теми товарищами, которые считают, что закон планомерного пропорционального развития народного хозяйства при социализме исключает действие закона стоимости, что между этими законами имеется непреодолимое противоречие и что поскольку государство планирует развитие народного хозяйства, то этим уже полностью преодолевается действие закона стоимости.

Доц. Кошелев правильно отмечал в своем выступлении, что использование закона стоимости является важнейшим инструментом планирования народного хозяйства, что без использования закона стоимости в настоящее время нельзя достигнуть правильных пропорций в развитии народного хозяйства. При планировании народного хозяйства часто возникают противоречия между требованиями закона планомерного пропорционального развития и закона стоимости. Эти противоречия разрешаются тем, что план учитывает необходимость соблюдения определенных стоимостных пропорций и в то же время ограничивает действие закона стоимости в ряде моментов. Без всего этого было бы невозможно использовать закон стоимости. При построении всех разделов плана учитываются требования закона стоимости (сведение затрат труда к общественно необходимым, снижение себестоимости продукции, формирование цены с учетом стоимости) и одновременно и обязательно предполагается сознательное отклонение цены от стоимости.

В этой связи необходимо сказать несколько слов о действующей в настоящее время системе цен. Относительно существующей системы цен т. Кондрашев сказал, что в настоящее время имеется политика цен, но нет критерия цены. Это положение неверно. Действующая в настоящее время система цен содержит в себе определенный критерий цены, и он хорошо показан в работах самого т. Кондрашева.

Этот критерий заключается в том, что оптовые цены на средства производства и предметы потребления планируются на основе себестоимости продукции с добавлением определенного процента прибыли, а розничные цены на предметы потребления планируются исходя из себестоимости продукции и условий ее реализации с

учетом спроса и предложения. Такая система цен позволяет Советскому государству перераспределять накопления в народном хозяйстве, накоплять необходимые финансовые ресурсы, развивать ведущие отрасли народного хозяйства. Действующая система цен страдает известными недостатками — не всегда позволяет правильно определять эффективность капиталовложений и в ряде случаев не способствует внедрению новой техники, повышению производительности труда и снижению себестоимости продукции; она нуждается в дальнейшем совершенствовании. Но при всех ее недостатках существующая система цен соответствует в основном практическим задачам хозяйственного строительства.

Можно спорить по вопросу о путях развития системы цен в будущем, но считать, что действующая система цен себя изжила, неправильно. Если бы это было так, то мы не имели бы тех успехов в развитии народного хозяйства, которые очевидны и не вызывают сомнений. В настоящее время эта система цен также имеет глубокие экономические корни. Она играет важную роль в перераспределении национального дохода между различными отраслями народного хозяйства, государственным и колхозно-кооперативным секторами, между различными районами страны, а также между потреблением и накоплением. Ее недостатки, в частности, состоят в том, что она допускает экономически необоснованные отклонения цены от стоимости. Это вносит диспропорции в развитие народного хозяйства. В последние годы сделано многое для того, чтобы приблизить цены на различные виды продукции к стоимости. Развитие народного хозяйства идет именно в этом направлении, но необходимость в значительном перераспределении национального дохода остается и в настоящее время. Поэтому нельзя сразу отказаться от действующей системы цен. Нужно ее постепенно улучшать и совершенствовать в соответствии с условиями, которые имеются в народном хозяйстве. Приближение цен товаров к стоимости может происходить постепенно и на основе дальнейшего укрепления народного хозяйства нашей страны.

Выяснение особенностей ценообразования в нашем народном хозяйстве требует выявления экономической природы отдельных элементов цены промышленной продукции. Без этого нельзя правильно планировать цены

и нельзя разобраться в особенностях действия закона стоимости при социализме. Между тем в понимании природы различных элементов цены в нашей литературе нет еще достаточной ясности. Самым актуальным в этом отношении является вопрос о налоге с оборота.

Тов. Бачурин считает, что весь чистый доход, реализуемый в розничных ценах предметов потребления, представляет собой стоимость прибавочного продукта, созданного в различных отраслях народного хозяйства: легкой промышленности, сельском хозяйстве, а также в некоторых отраслях тяжелой промышленности. В своих работах т. Бачурин придерживается той точки зрения, что экономическая природа таких элементов цены, как прибыль и налог с оборота, одна и та же, поскольку и прибыль и налог с оборота являются формами реализации прибавочного продукта. Однако, если даже согласиться с тем, что налог с оборота целиком представляет собой форму реализации стоимости прибавочного продукта, то и в этом случае он отличается по своей экономической природе от прибыли. Прибыль есть часть стоимости прибавочного продукта, реализуемая в тех отраслях народного хозяйства, где она создана. Следовательно, она является формой распределения национального дохода. Налог с оборота отличается от прибыли тем, что он является формой реализации стоимости прибавочного продукта, созданного не только в промышленности, производящей предметы потребления, но и в промышленности, производящей средства производства, в сельском хозяйстве, строительстве и других отраслях народного хозяйства. Следовательно, налог с оборота в отличие от прибыли, которая является формой распределения национального дохода, выступает не только как форма распределения, но и как форма перераспределения национального дохода.

Самое существенное в налоге с оборота заключается как раз в том, что он является формой перераспределения национального дохода через цены при реализации продукции. Различие между прибылью и налогом с оборота носит поэтому не только технический, но и экономический характер. Общее между ними то, что и прибыль, и налог с оборота являются формами прибавочного продукта. Различие же между ними состоит в том, что прибыль как элемент цены является формой

распределения национального дохода, а налог с оборота, кроме того, является еще и формой перераспределения национального дохода между различными отраслями народного хозяйства (между группами «А» и «Б» в промышленности, между промышленностью и сельским хозяйством и т. д.), а также между государственным и колхозно-кооперативным секторами народного хозяйства.

Однако сказанное выше еще не раскрывает полностью экономической природы налога с оборота. Налог с оборота является сложной экономической категорией, которая содержит в себе различные по своей природе элементы. Его нельзя относить целиком к прибавочному продукту. Несомненно, что стоимость прибавочного продукта является главным и решающим составным элементом налога с оборота, но она не охватывает всей его суммы.

В налоге с оборота содержатся элементы стоимости материальных затрат. Определенная часть налога с оборота является следствием заниженной оценки материальных затрат и, в частности, следствием заниженных норм амортизации, не обеспечивающих своевременного возмещения основных фондов в натуре и по стоимости. Занижение норм амортизации номинально снижает себестоимость продукции и ведет к соответствующему увеличению в цене доли накоплений. В промышленности, производящей предметы потребления, это проявляется конкретно в увеличении накоплений, реализуемых в форме налога с оборота. В какой-то доле налог с оборота соответствует стоимости других элементов материальных затрат, неучтенной в себестоимости промышленной продукции, которая облагается налогом с оборота (нефтяная промышленность, некоторые отрасли текстильной промышленности и др.).

Кроме того, значительную часть налога с оборота составляют элементы косвенного налога. В докладе т. Бачурина говорится о том, что розничные цены используются для установления правильного равновесия между товарной и денежной массой в сфере обращения. Такое равновесие достигается при помощи соответствующего изменения ставок налога с оборота как элемента розничных цен на потребительские товары. Тов. Бачурин признает необходимость использования цены как инстру-

мента регулирования доходов населения. К сожалению, в докладе обойден вопрос об экономической природе регулирования доходов населения через механизм розничных цен на товары. Если бы налог с оборота являлся только формой реализации стоимости прибавочного продукта, то его нельзя было бы использовать для регулирования денежных доходов населения, для сбалансирования объема товарооборота и суммы покупательных средств рабочих, служащих и колхозников. Использование же налога с оборота в этих целях свидетельствует о том, что одним из его источников являются денежные доходы населения, которые перераспределяются путем установления цен, превышающих стоимость, в целях устранения разрыва между спросом и предложением.

Таким образом, налог с оборота является сложной экономической категорией; наряду с элементами прибавочного продукта он содержит в себе некоторые элементы стоимости материальных затрат, а также элементы косвенного налога, посредством которого происходит перераспределение доходов населения.

Наличие в налоге с оборота элементов косвенного налога доказывается не только теоретическими соображениями, но и неопровержимыми историческими фактами. Строительство социализма в нашей стране началось в обстановке превышения спроса на товары над их предложением, разницы в уровне цен на промышленные и сельскохозяйственные товары и при наличии других диспропорций в сфере обращения, обусловленных тогдашней структурой народного хозяйства, еще носившей в себе глубокие следы экономической отсталости царской России, а также следы империалистической и гражданской войн и трудностей восстановительного периода.

Единственным путем избавления от этих диспропорций являлось строительство социализма. Но невозможно было развивать социалистическую промышленность и строить социалистическое сельское хозяйство, не считаясь с реальным положением вещей. Испытывая большие трудности в источниках финансирования социалистического строительства, Советское государство было вынуждено использовать наряду с накоплениями социалистического хозяйства доходы частного сектора, займы у населения и такой источник доходов, как косвенные налоги.

Из 4,8 млрд. руб. доходов государственного бюджета в 1927/28 г. 1,7 млрд. руб. составляли косвенные налоги. По оптимальному варианту первой пятилетки косвенные налоги в доходах государственного бюджета составляли на 1932/33 г. 2,9 млрд. руб. при общей сумме бюджетных доходов в 10,4 млрд. руб. В целом за пятилетие косвенные налоги составляли 12,9 млрд. руб. из 39,6 млрд. руб., или примерно одну треть [1].

Как оценивалась такая структура бюджета в то время? В варианте пятилетнего плана, принятого правительством, прямо говорилось: «В структуре налоговой системы преобладающее значение остается за налогами, перелагаемыми на последнего плательщика как потребителя товара» [2].

В тексте первой пятилетки также давалась оценка этого факта: «Такое строение доходной части государственного бюджета (большая роль косвенных налогов) неизбежно ставит вопрос о том, в какой мере вся эта финансовая система в целом надежна с точки зрения классовой политики пролетарского государства». И далее подчеркивалось: «При ответе на этот вопрос нужно прежде всего отдать себе ясно отчет о том, что в условиях нашего строительства не может быть построена такая финансовая система, которая не апеллировала бы к участию подавляющего большинства трудового населения нашей страны в образовании финансовых ресурсов государства» [3]. Здесь ясно видно понимание того, что, приступая к строительству социализма, необходимо было использовать как один из дополнительных источников накопления косвенные налоги.

Впоследствии косвенные налоги были объединены вместе с другими платежами социалистического хозяйства в бюджет в виде налога с оборота. Динамика продукции промышленности, заработной платы рабочих и служащих, объема розничного товарооборота и цен на товары свидетельствует о том, что элементы косвенного налога не исчезли и содержатся в налоге с оборота и

---

[1] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. I, 1929, стр. 112.

[2] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т II, ч. 2, 1930, стр. 340.

[3] Там же, т. I, стр. 112.

сейчас. Конечно, в отдельные периоды развития народного хозяйства СССР доля косвенных налогов в налоге с оборота менялась, причем в различных направлениях. Она несколько возросла в течение первой пятилетки, резко снизилась во второй пятилетке, несколько возросла в довоенные годы и значительно увеличилась во время Отечественной войны. В послевоенный период произошло большое снижение доли косвенных налогов в налоге с оборота, особенно благодаря массовому снижению розничных цен в 1947—1954 гг. В последние 3—4 года эта доля относительно стабильна, в дальнейшем она, надо думать, будет снижаться.

Наличие в налоге с оборота элементов косвенного налога должно обязательно учитываться при планировании цен на предметы потребления. На практике это так и делается, хотя многие экономисты, занимающиеся теорией, по разным мотивам отрицают эту особенность розничной цены.

Если говорить о необходимости устранения разрыва в уровне и структуре цен на средства производства и предметы потребления, то это может быть достигнуто не только путем роста доли прибыли в цене средств производства и снижения розничных цен на предметы потребления на основе снижения себестоимости (о чем говорится в докладе т. Бачурина), но и путем снижения розничных цен за счет уменьшения в цене доли косвенного налога.

А. В. БАЧУРИН

ЗАКОН СТОИМОСТИ И ВОПРОСЫ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ

(*заключительное слово по докладу*)

Тов. Худокормов в своем выступлении, которое представляется нам в основном правильным и интересным, выдвинул вопрос о том, что, исходя из требований закона стоимости в колхозном хозяйстве, нам надлежит вести работу по упорядочению цен на сельскохозяйственные продукты в направлении установления единых цен.

Это положение, которое уже не раз выдвигалось нашими экономистами, заслуживает серьезного внимания. Нам представляется, что на данном этапе развития сельского хозяйства вопрос уже заключается не в том, целесообразно или нецелесообразно переходить к принципу единых цен на колхозную продукцию, а в том, каким образом конкретно разрабатывать уровни этих цен с учетом издержек производства в сельском хозяйстве.

Тов. Худокормов подверг сомнению целесообразность выдвинутого нами принципа дифференцированного, оптимального уровня прибыли, подлежащей включению в цены продукции различных отраслей производства.

Мы исходим из того, что цена в социалистическом хозяйстве — это важнейшая экономическая категория, имеющая большое экономическое и политическое значение. Она не может устанавливаться механически на базе стоимости. Следует учитывать, что и в капиталистическом обществе товары реализуются всякий раз не по ценам производства или по стоимости, а по рыночным ценам, которые колеблются вокруг стоимости.

Уровень рентабельности зависит от уровня цен и издержек производства (себестоимости). При этом дифференциация размеров рентабельности определяется экономическими потребностями общества и играет важную роль в обеспечении расширенного воспроизводства. В ведущих отраслях промышленности с крупными основ-

ными фондами и большой потребностью в средствах для капитальных вложений уровень рентабельности (прибыли) должен быть выше.

Коснемся затем другого критического замечания т. Худокормова. Цены в социалистическом хозяйстве, по моему личному убеждению и мнению многих других практических работников, имеющих отношение к вопросам ценообразования, не могут устанавливаться на базе стоимости, создаваемой при худших условиях производства. Это касается не только государственных предприятий, но и колхозов. Цены на сельскохозяйственную продукцию никогда у нас не устанавливали и, по-видимому, не будут устанавливать на основе худших условий производства. И мы вовсе не смешиваем два понятия, два вопроса — худшие условия производства и худшие предприятия. Речь идет о том, что мы не можем механически переносить отдельные положения Маркса, сформулированные применительно к частному хозяйству, на социалистическое плановое хозяйство. В интересах стремления социалистических предприятий к снижению затрат на единицу продукции, в интересах установления правильной специализации производства в колхозах и совхозах цены должны устанавливаться по зонам, исходя из средней стоимости или общественно необходимых затрат в данной зоне. Установление цен на основе худших условий производства может тормозить технический прогресс, развитие промышленности и сельского хозяйства.

Нам могут сказать: позвольте, как же в угольной промышленности устанавливать цены, исходя из средних условий, когда у нас есть шахты, работающие в худших условиях и имеющие из-за этого более высокую себестоимость? Так вот, надо всесторонне рассмотреть, что это за худшие условия. И, быть может, целесообразно порой решать вопрос так: не ориентироваться на самые худшие условия, а принимать меры к увеличению производства нефти, являющейся продуктом более эффективным и, с точки зрения стоимости, — более выгодным.

Решая в данное время этот вопрос, мы отдаем предпочтение производству нефти. У нас все большее значение будут получать более рациональные, экономически более выгодные виды топлива. Концепция, которая исходит из положения, что цены должны устанавливаться на

базе худших условий производства, находится в противоречии с указанной тенденцией в развитии производства более экономичных видов топлива.

Тов. Колганов в своем выступлении правильно подчеркивал значение особенностей общественного труда при социализме как причины сохранения товарного производства и действия закона стоимости. Но он совершенно неправильно трактует значение наличия двух форм собственности. По смыслу его суждений получается, что наличие двух форм собственности не имеет для сохранения товарного производства сколько-нибудь существенного значения. Это, конечно, неправильно. Нельзя из этого вопроса выхолащивать диалектику. А диалектика в этой области такова, что в ходе развития нашей экономики по мере устранения различий между двумя формами собственности товарное производство должно будет все больше превращаться в нетоварное.

С критиками цен производства т. Колганов легко разделался при помощи следующего приема: он утверждает, что все, кто отвергает этот принцип, делают это только на том умозрительном основании, что цена производства присуща капиталистическому хозяйству. Но это неверно. Экономисты, критикующие концепцию «цен производства», анализируют ее со всех точек зрения, в том числе и под углом зрения практического применения этого принципа и возможных экономических последствий. У этих экономистов есть ряд сомнений и сомнений весьма основательных; их нельзя сбросить со счетов.

Первое возражение сводится к тому, что установление цен по принципу так называемой цены производства в большей мере отдалило бы цены от действительных затрат, чем существующая практика установления цен, исходя из среднеотраслевой себестоимости и оптимальной рентабельности.

Второй вопрос таков: можно ли, исходя из принципа цены производства, практически подойти к установлению цен и обеспечить единую цену на аналогичную продукцию, выпускаемую разными предприятиями, и, что еще сложнее,— на аналогичную продукцию, выпускаемую предприятиями разных отраслей? У предприятий различных отраслей имеются ведь весьма различные основные и оборотные фонды. Приведу такой пример: многие машиностроительные предприятия производят,

как известно, литье, а структура их фондов отличается от соответствующей структуры металлургических заводов. Какова же должна быть цена на металл?

Товарищи, которые ратуют за систему цен производства, говорят, что при ней мы добьемся более эффективного использования основных средств. Нужно ли стремиться к этой цели? Нужно, никто против этого не возражает. Но является ли прибыль самым совершенным показателем эффективности использования основных производственных фондов? Мы полагаем, что возможно найти другие показатели, более рациональные, и о таком показателе здесь говорили. Следует учитывать, что прибыль не может оставаться неизменной при любом ценообразовании.

Как быть далее с такими явлениями, как освоение новых видов производства?

Известно ведь, что в период освоения прибыль, как правило, снижается. Если мы будем определять эффективность капитальных вложений, исходя только из прибыли, тогда предприятия никак не будут торопиться осваивать новые виды изделий.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗАКОН СТОИМОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ И ХОЗРАСЧЕТА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

З. В. АТЛАС

ЗАКОН СТОИМОСТИ И ПРОБЛЕМА РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

(*доклад на конференции*)

Исследование действия закона стоимости при социализме требует, во-первых, анализа тех новых объективных условий, в которых этот старый закон проявляется, и, во-вторых, изучения процесса его приспособления к этим новым условиям. А приспособление этого закона к условиям социализма означает в то же время сознательное его использование социалистическим государством. Следовательно, теоретический анализ действия закона стоимости в нашей экономике должен неизбежно привести к тем или иным практическим выводам, касающимся путей и методов его сознательного использования при социализме. Вот почему рассуждения на эту тему, оторванные от практики коммунистического строительства, противоречат самому содержанию, самому существу данной проблемы. Но не подлежит сомнению и то обстоятельство, что мы не можем приступить к изучению практики, не имея определенных исходных методологических позиций. Отсюда мы заключаем, что надо идти от теории к практике и от нее снова к теории, но уже обогащенной практикой, и только таким путем, путем критического анализа практики, можно в какой-то степени дальше развивать теорию и определить пути совершенствования нашей практики.

При исследовании проблемы закона стоимости и рентабельности при социализме важнейший методологический вопрос заключается в следующем: из каких условий действия и форм проявления закона стоимости мы

должны исходить, чтобы раскрыть коренные изменения этих форм при социализме? Из условий простого товарного производства, существовавшего в докапиталистических формациях, или же условий капитализма? Нам кажется, что здесь не может быть двух мнений. Ведь по линии промышленности социалистическая революция осуществляет «органический переворот» не в мелкотоварном, а в крупном, высоко развитом капиталистическом производстве, которое становится в результате этого переворота обобществленным, социалистическим производством. Этот общеизвестный факт не принимается, однако, во внимание при анализе вопросов, связанных с объективными условиями действия закона стоимости при социализме. Игнорируя эту историческую предпосылку социалистического способа производства, нельзя правильно понять конкретные формы существующих при социализме товарных отношений, характер, роль и значение хозрасчетно-стоимостных форм планомерной организации социалистического производства.

Социализм унаследовал от капитализма высокоразвитую машинную технику производства и систему глубокого разделения труда в масштабе всего общества. Поэтому по своей материальной, технико-экономической, производственной структуре социализм ближе к высокоразвитой капиталистической системе производства, чем к архаическому, примитивному простому товарному производству феодальной или рабовладельческой эпохи.

Осуществляя социалистическую реконструкцию народного хозяйства, мы ставили перед собой задачу — догнать, т. е. сравняться с передовыми капиталистическими странами, а в дальнейшем и перегнать их по уровню технической вооруженности труда. А сейчас мы ставим и решаем задачу — догнать и перегнать высокоразвитые страны и в экономическом отношении, т. е. по производству продуктов на душу населения.

В успешном решении этой великой исторической задачи важнейшее значение имеет сознательное использование закона преимущественного роста I подразделения общественного производства.

Основываясь на преимуществах обобществленного производства, мы в гораздо более короткие сроки и планомерно, без кризисных нарушений, решаем в интересах трудящихся те задачи экономического развития страны,

которые в порядке стихийного процесса были разрешены в XIX—XX вв. передовыми капиталистическими странами в интересах класса эксплуататоров. В СССР в 1956 г. свыше 70% промышленных рабочих было занято в отраслях, производящих средства производства. На долю этих отраслей приходилось 4/5 всех основных фондов промышленности.

Из исторического факта технико-экономической преемственности социализма от капитализма вытекает важный вывод относительно действия закона стоимости при социализме. При коренном, принципиальном отличии роли и характера действия закона стоимости при социализме по сравнению с капитализмом существуют и некоторые тождественные моменты в условиях действия закона стоимости. И при социализме обмениваются товары, производимые преимущественно на гигантских предприятиях при помощи мощных производственных агрегатов, а отнюдь не ручным трудом или с применением примитивных малоценных орудий труда, как это имеет место в мелкотоварном производстве кустарей и ремесленников или в посессионной мануфактуре.

Историческая преемственность социализма от капитализма конкретно проявляется наряду с другими моментами в том, что в переходный период и при социализме коренным образом преобразуются, т. е. меняют свою природу и приспосабливаются к условиям и требованиям социализма, те экономические формы, которые специфичны для закона стоимости в условиях капиталистического, а не простого товарного производства. К таким формам относятся: заработная плата, прибыль, кредит и ссудный процент, капиталовложения и т. д. При социализме сохраняются и преобразуются такие унаследованные от капитализма формы предприятия, как банки, тресты, комбинаты. Рассмотрим преобразование той категории, которая является темой нашего доклада — прибыли, рентабельности производства.

Социалистическая прибыль — это противоположность капиталистической прибыли, ее отрицание.

Коренное отличие прибыли при социализме от капиталистической прибыли проявляется как в ее роли и значении, так и в источниках образования, размерах, системе распределения и использовании, на чем мы не можем здесь останавливаться.

* * *

Как же конкретно проявляется прибыль, рентабельность производства при социализме?

Создаваемые в процессе производства источники действительного социалистического накопления выражаются в денежном накоплении, полученном в результате реализации продукции в форме налога с оборота и прибыли — плановой и сверхплановой.

Налог с оборота — это тот минимум чистого дохода, создание которого обеспечено предшествующими достижениями промышленности в области повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции. Эта часть чистого дохода путем безналичных перечислений поступает целиком в государственный бюджет, ввиду чего и получила наименование «централизованного чистого дохода».

Сумма налога с оборота определяется исключительно объемом товарной продукции отраслей, производящих предметы потребления.

Величина же другой части чистого дохода — прибыли находится в прямой зависимости от результатов работы данного предприятия, от выполнения плана как по объему продукции, так и по уровню ее себестоимости.

Поскольку прибыль действительно является результатом текущих всесторонних усилий предприятий по созданию максимума чистого дохода, по выявлению и использованию источников действительного социалистического накопления, постольку каждое социалистическое предприятие наряду с выполнением плана по объему продукции должно стремиться и к возможно большей прибыли, т. е. к перевыполнению плана по денежным накоплениям. Естественно, что непременным условием осуществления этой производственно-хозяйственной задачи должно быть соблюдение каждым предприятием требований, предъявляемых к нему народнохозяйственным планом в отношении объема, ассортимента и качества продукции, а также соблюдение вообще всех принципов и правил социалистического хозяйствования.

Некоторые способы получения прибыли, являющиеся при капитализме вполне естественными, нормальными и законными, при социализме квалифицируются как недопустимые, а в ряде случаев как преступные и уголовно наказуемые действия. К ним относится получение при-

были путем снижения заработной платы или ухудшения условий труда; путем монопольного повышения цен на продукцию за счет спекулятивных и особенно биржевых операций с использованием для этого банковского кредита; путем использования рекламы для обмана покупателей, для продажи фальсифицированных и даже прямо вредных для здоровья продуктов.

Со всеми этими уродствами капиталистической экономики у нас покончено. В то же время нельзя сказать, что практическое осуществление принципа рентабельного ведения хозяйства всецело и вполне соответствует у нас его назначению и требованиям в условиях социализма. Мы имеем, с одной стороны, целый ряд извращений социалистических принципов рентабельного ведения хозяйства, порождаемых пережитками капитализма в сознании известной части наших работников. К ним относится прежде всего стремление некоторых хозяйственников противопоставить рентабельность производства требованиям плана в отношении ассортимента и качества продукции, т. е. стремление обеспечить высокую рентабельность данного предприятия с помощью таких средств, которые наносят ущерб интересам народного хозяйства и общества в целом. Эти извращения сводятся иногда и к прямым преступным действиям, выражающимся, например, в замаскированном повышении цен путем произвольного изменения сортности продукции или ухудшения ее качества без полагающейся в этом случае скидки с цены и т. д. С другой стороны, в системе планирования и в системе хозяйственного расчета существуют серьезные дефекты, препятствующие эффективному и всестороннему использованию такого могучего рычага технического и экономического прогресса, как рентабельность социалистического производства.

Обратимся к рассмотрению некоторых исторических фактов, которые покажут нам уязвимые места действующей в нашей экономике системы хозрасчета и контроля за рентабельностью производства.

* * *

После Великой Отечественной войны в результате происшедшего в военные годы повышения номинальной заработной платы на многих предприятиях повысилась, как известно, себестоимость гражданской продукции, в

то время как отпускные цены остались прежними. Чтобы обеспечивать в этих условиях покрытие производственных затрат, приходилось предусматривать в государственном бюджете и выплачивать в очень многих отраслях промышленности государственную дотацию на каждую единицу производимой продукции.

Система дотаций, которая в определенных условиях была необходима, стала затем тормозить внедрение и укрепление хозрасчета на предприятиях.

Через несколько лет после окончания войны передовые предприятия, развернув борьбу за повышение производительности труда и снижение себестоимости продукции, поставили себе целью отказаться от дотаций, и они этого достигли. Это движение возникло в начале 1948 г. по инициативе 9 московских заводов, которые заявили об отказе от госдотации на производимую ими продукцию и обратились ко всем предприятиям страны с призывом развернуть борьбу за рентабельность производства на основе перевыполнения планов снижения себестоимости продукции.

В ходе борьбы за осуществление этой цели передовые люди нашей промышленности обратили внимание на то, что рентабельность производства (рассчитанная в процентах к себестоимости продукции), хоть и имеет весьма важное значение, не выражает собой, однако, все возможности внутрипромышленного накопления, и поэтому не свидетельствует о рациональном ведении хозяйства в целом, о режиме экономии по всему хозяйственному фронту.

На многих предприятиях после войны образовались большие запасы различных, ненужных им материалов и полуфабрикатов, в которых другие предприятия испытывали острую нужду. В числе «затоварившихся» ненужными материалами были и передовые предприятия, перешедшие на бездотационную и рентабельную работу. Они имели большие сверхнормативные запасы, что, однако, никак не отражалось на рентабельности производства, на выполнении ими плана по себестоимости и накоплениям.

Обнаружив указанные факты бесхозяйственности, передовики московских предприятий проявили весьма ценную инициативу в борьбе с этим вредным для народного хозяйства явлением, которое создает диспропорции

и тормозит развитие всей социалистической промышленности в целом. Своим почином и призывом они содействовали развертыванию движения производственников за выявление и реализацию избыточных материальных запасов в промышленности, за ускорение оборачиваемости оборотных средств.

26 января 1949 г. коллективы 103 московских предприятий опубликовали в центральной печати письмо, в котором взяли на себя обязательства высвободить в 1949 г. для нужд народного хозяйства за счет ускорения оборачиваемости оборотных средств 400 млн. руб. Через пять месяцев — 5 марта 1949 г. совещание работников этих московских предприятий, подведя итоги выполнения своих обязательств за этот срок и подсчитав свои возможности, пересмотрели ранее принятые обязательства и решили высвободить в 1949 г. не 400 млн. руб., а в два с половиной раза больше — 1 млрд. руб.

Взятые на себя обязательства коллективы московских предприятий и других предприятий страны успешно выполняли.

В этом движении проявился высокий уровень коммунистической сознательности передовых советских людей. Надо иметь в виду, что коллективы предприятий не получали никаких материальных выгод от сокращения запасов, от ускорения оборачиваемости средств.

В борьбе за мобилизацию неиспользованных резервов в интересах коммунистического строительства передовики производства не ограничились только развертыванием соревнования за улучшение использования оборотных средств. По инициативе 88 предприятий в ноябре 1949 г. развернулось массовое движение за лучшее использование основных производственных фондов, за увеличение выпуска продукции на один рубль основных средств.

Движение за ускорение оборачиваемости и эффективное использование основных и оборотных средств получило в течение известного периода широкое развитие и дало реальный материальный и финансовый эффект. Однако энтузиазм инициаторов этого движения не был дополнен материальным стимулированием, созданием личной и коллективной заинтересованности работникам каждого предприятия в ускорении оборачиваемости производственных фондов, а также фондов обращения.

Более того: успехи, достигнутые в этой области отдельными предприятиями, нередко создавали для них затруднения и ухудшали их положение, так как давали основание для снижения им нормативов собственных оборотных средств вышестоящими организациями. Неудивительно поэтому, что движение за ускорение оборачиваемости основных и оборотных средств стало вскоре спадать. Значительные успехи, достигнутые по этой линии, не были закреплены, так как в результате этого движения не были внесены необходимые коррективы в систему организации хозяйственного расчета и рентабельности производства, которые позволили бы превратить борьбу за всестороннюю и повседневную экономию производственных фондов в постоянно действующий фактор социалистического производства.

В период, когда развертывалось соревнование за ускорение оборачиваемости оборотных средств и повышение эффективности использования основных средств, были разработаны соответствующие экономические показатели и методика их расчета. Выдвигались предложения о внедрении в практику планирования указанных выше показателей с тем, чтобы при оценке качественных результатов работы предприятий учитывать их наряду с рентабельностью, связанной лишь с выполнением плана по себестоимости продукции.

В отдельных отраслях и на отдельных предприятиях начали пользоваться этими показателями для целей внутризаводского планирования и экономического анализа. Но они, однако, не были включены в систему обязательных показателей планирования промышленности в целом и каждого предприятия в отдельности. Отчасти это было связано с отсутствием общепризнанной методики исчисления оборачиваемости оборотных средств. Но главная причина заключалась, по нашему мнению, в том, что увеличение числа показателей усложнило бы и запутало систему планирования и контроля за работой предприятий, еще более ограничило бы их самостоятельность и инициативу, ослабило бы значение себестоимости как качественного показателя результатов деятельности предприятия.

В каком положении оказались бы предприятия, если бы были введены в качестве обязательных одновременно несколько обобщающих качественных показателей?

Ведь фактически каждый качественный показатель (себестоимость, скорость оборота оборотных средств, использование основных фондов) в отдельности и все они вместе не могут в целом характеризовать качественный уровень работы отраслей промышленности и предприятий, так как они изменяются неодинаково, а подчас и в противоположных направлениях.

На основе изучения послевоенного опыта борьбы за рентабельность и ускорение оборачиваемости средств надо поставить два важных вопроса и дать на них ответ.

Чем объяснить, во-первых, то обстоятельство, что наряду с движением за рентабельность возникло особое движение за ускорение оборачиваемости и повышение эффективности использования основных и оборотных средств? Тем, очевидно, что выполнение плана по себестоимости и денежным накоплениям не отражает в современных условиях действительную рентабельность производства, не означает рационального ведения хозяйства в целом, использования всех внутренних источников накопления, т. е. внутрипромышленных резервов.

Чем же объяснить, что эти новые формы социалистического соревнования наших производственников сошли на нет, т. е. почему борьба за эти показатели не стала постоянно действующим фактором, в то время как борьба за снижение себестоимости и рост накоплений таким фактором является? Причина, очевидно, заключается в том, что они не были органически увязаны с борьбой за выполнение планов по снижению себестоимости и повышению прибыли и потому материально не стимулировались за счет фонда директора предприятия.

Рассмотрим теперь некоторые аспекты современной практики рентабельного ведения хозяйства.

При действующей системе хозяйственного расчета и организации финансов предприятий прибыль непосредственно связана с ценой и себестоимостью продукции. При данной цене на продукцию прибыль предприятия находится в обратном отношении к себестоимости продукции. Поэтому предприятие заинтересовано в снижении себестоимости, в чем и выражается положительное влияние принципа рентабельности на экономику социалистического производства.

В то же время существующие на практике экономически необоснованные разрывы в рентабельности отдель-

ных продуктов (имеется в виду рентабельность в процентах к себестоимости) способствуют тому, что выполнение и перевыполнение планов по валовой продукции и прибылям подчас сопровождается нарушениями планового ассортимента продукции. За такое извращение принципа рентабельности мы порицаем только хозяйственников и упускаем из виду то обстоятельство, что такая практика поощряется действующей системой планирования и учета рентабельности производства.

Другой крупный порок существующего измерения и планирования рентабельности производства относится к области использования закрепленных за предприятием производственных фондов. Надо указать на то, что в сумме и норме полученной прибыли очень слабо отражается использование основных средств предприятий, так как в большинстве отраслей промышленности удельный вес амортизации в себестоимости продукции весьма низок. Так, по промышленности СССР в целом амортизация составляла в 1955 г. всего 3,4% всех затрат на производство продукции. Лишь в двух отраслях удельный вес амортизации в себестоимости продукции высок: в нефтедобывающей промышленности он составлял 42,2%, в электростанциях и в электросети — 16,8%. Если исключить эти две отрасли, то амортизация по промышленности в целом будет значительно ниже 3,4%.

Вот почему даже сокращение объема производственных фондов на солидную сумму, равную, скажем, 5% их стоимости, дало бы снижение себестоимости продукции (через снижение амортизации) по промышленности в целом всего лишь в размере 0,17%, по хлопчатобумажной промышленности (где удельный вес амортизации равен 1,1%) — на 0,055% и т. д. Следовательно, даже серьезная экономия на производственных фондах, дающая сразу же весьма ощутительный материальный эффект для народного хозяйства, очень слабо отражается на себестоимости продукции.

С хозрасчетной точки зрения предприятиям нет никакого смысла добиваться абсолютного или относительного сокращения объема производственных фондов. Даже очень значительные излишние резервы основных фондов никак не «жмут» на финансы предприятия, поэтому последние предпочитают иметь «на всякий случай» побольше основных фондов.

Кроме того, на оборудование, находящееся в распоряжении предприятия, но не используемое им (на так называемое резервное или законсервированное оборудование), амортизация по существующим правилам вообще не начисляется. Не удивительно поэтому, что на предприятиях нередко имеется оборудование, которое годами валяется без использования, ржавеет и превращается в утиль. И такая вопиющая бесхозяйственность никак не затрагивает рентабельности предприятия. Терпимо ли такое положение?

Еще хуже обстоит дело с оборотными средствами. Использование оборотных средств — экономное в одних случаях, расточительное в других — вовсе не получает никакого отражения в себестоимости продукции и рентабельности производства. Нормативы собственных оборотных средств лишь числятся на балансе. С хозрасчетной точки зрения величина этих нормативов не имеет ровно никакого значения: предприятию безразлично, будет ли у него производственных запасов на один или на десять миллионов рублей. Это не отразится на рентабельности производства и на хозрасчете. Влияние большей или меньшей массы оборотных средств, используемых для производства и реализации данного объема продукции, совершенно не сказывается на себестоимости и рентабельности.

Сказанным объясняется тот общеизвестный факт, что многие предприятия имеют большой избыток оборудования и крупные сверхплановые запасы сырья и материалов. Это явление многократно отмечалось не только в литературе по экономике и финансам, но и с высокой трибуны Верховного Совета СССР при рассмотрении государственного бюджета.

Так, в своем докладе на сессии Верховного Совета СССР в феврале 1957 г. Министр финансов СССР А. Г. Зверев говорил, что на приобретение машин и оборудования расходуются десятки миллиардов рублей... Между тем на многих предприятиях имеется немало бездействующей техники, а используемое оборудование работает не на полную мощность. Значительное количество бездействующей техники имеется на предприятиях нефтяной промышленности. Проверкой, произведенной в 1956 г., обнаружено на трех грозненских заводах бездействующего и частично используемого оборудования

на 164 млн. руб., на Ново-Куйбышевском нефтеперерабатывающем заводе — на 29 млн. руб.

Задача состоит в том, чтобы всемерно повышать экономическую эффективность новой техники, быстрее вводить ее в действие, более рационально использовать имеющиеся на предприятиях машины и оборудование.

Если предположить, что 10% капиталовложений замораживается или используется нерационально, то один лишь ежегодный прирост потерь от нерационального использования основных фондов составлял (в современных ценах) в четвертой пятилетке 6,7 млрд. руб., в пятой пятилетке — 13 млрд. руб., в 1956 г. — 18,1 млрд. руб., в 1957 г.— 21 млрд. руб.

Чтобы освободиться от этих огромных потерь, надо, во-первых, найти правильный критерий определения эффективности капиталовложений (эта проблема выходит за пределы нашей темы) и, во-вторых, по линии действующих предприятий, т. е. эксплуатационной деятельности, надо добиться такого положения, чтобы наши хозяйственные руководители действительно «болели» за каждый бездействующий станок или силовую установку, чтобы они не допускали консервации оборудования, чтобы хозрасчетный механизм побуждал их повседневно выявлять бездействующую технику в целях быстрейшего изъятия ее из данного предприятия для производительного использования на других предприятиях.

Ниже будет показано, что у нас имеется полная возможность решить эту важную экономическую задачу. А пока она не решена, масштабы наших потерь, связанных с бездействием или низкой загрузкой основных фондов, будут увеличиваться в соответствии с ростом объема капиталовложений в народное хозяйство.

Весьма большие потери несет народное хозяйство и вследствие накопления на предприятиях излишних оборотных средств.

В упомянутом мной докладе т. А. Г. Зверев указал, что, по данным на 1 октября 1956 г., на одних предприятиях имелось сверхнормативных запасов товарно-материальных ценностей на 16,6 млрд. руб., в то время как другим предприятиям недоставало производственных запасов на сумму 7,2 млрд. руб. Но излишек производственных запасов был фактически значительно больше 16,5 млрд. руб., ибо в докладе т. Зверева речь шла толь-

ко о сверхнормативных запасах. Между тем излишней является и немалая часть нормативных запасов, так как при существующей системе организации оборотных средств предприятия в подавляющем большинстве случаев стремятся искусственно обосновать и получить завышенные нормативы собственных оборотных средств.

Советское государство не могло, конечно, не реагировать на явные факты бесхозяйственности, выражающиеся в антигосударственной практике накопления огромных, излишних с точки зрения нормальных текущих потребностей производства, запасов производственных материалов, топлива, инструмента, незавершенного производства, а в некоторых случаях и готовой продукции. В целях борьбы с этими антигосударственными тенденциями используется созданная еще в 1931 г. система нормирования собственных оборотных средств предприятий. Эта система при современных условиях хозрасчетной организации производства имеет известное положительное значение, ибо она до некоторой степени обуздывает ретивых снабженцев наших предприятий. Но вместе с тем она страдает серьезными недостатками и бюрократическими излишествами, сковывает или ограничивает хозрасчетную самостоятельность предприятий, далеко не достигает главной цели, т. е. сведения производственных запасов к действительно необходимому минимуму, о чем свидетельствуют приведенные факты.

Система нормирования и контроля применяется только в отношении оборотных средств, наделение же предприятий основными средствами не нормируется. При приобретении нового оборудования за счет финансирования капиталовложений хозрасчетные соображения насчет их правильного использования не играют роли, за исключением тех случаев, когда оборудование приобретается за счет кредитов на новую технику.

Контроль за эффективностью использования средств— такова положительная особенность кредитного метода покрытия затрат на внедрение новой техники. Однако этим способом покрывается лишь незначительная часть капиталовложений в основные средства. Кроме того, расчеты эффективности использования банковских кредитов на внедрение новой техники ведутся изолированно, т. е. основываются лишь на расчете снижения себестоимости от использования данных технических усовершенствова-

ний и не увязываются с общей эффективностью использования основных средств предприятия в целом.

Теперь уместно будет перейти к некоторым теоретическим обобщениям изложенных фактов из практики социалистического хозяйствования.

Бесхозяйственность в деле использования основных и оборотных средств наблюдается не только на отсталых предприятиях, но подчас и на предприятиях, которые по итогам соревнования относятся к передовым и имеют солидную сверхплановую прибыль и отчисления в фонд предприятия.

Этот вопрос надлежит рассмотреть в свете теории социалистического накопления, теории расширенного социалистического воспроизводства.

При данной величине чистого дохода, создаваемого в процессе производства, масштабы расширенного воспроизводства зависят от соотношения между накопляемой и потребляемой его частью.

Если же это соотношение остается стабильным, то источником дополнительного накопления — расширения производства — может быть либо снижение издержек производства (себестоимости), в результате чего соответственно возрастает чистый доход и, следовательно, возможности накопления, либо ускорение оборота производственных фондов, в результате чего увеличивается объем производимой за год продукции, приходящейся на единицу (1 руб., 100 руб., 1000 руб.) стоимости этих фондов.

Насколько велико значение ускорения оборота производственных фондов видно хотя бы из того, что по ориентировочным подсчетам улучшение использования оборудования промышленности СССР на 10—15% может дать прирост продукции, соответствующий всей нынешней годовой продукции машиностроительной промышленности СССР.

Если же высвободившиеся фонды в натуре не нужны для расширения производства в рамках данного предприятия, то они могут тем или иным путем получить производительное использование в результате их передачи другим предприятиям. Мобилизация и перераспределение реальных источников накопления может осуществляться в рамках отрасли или административного экономического района с участием и без участия

финансово-кредитной системы (внутриотраслевое или внутрирайонное межотраслевое перераспределение оборотных средств и основных средств совнархозами).

Из сказанного следует, что **ускорение оборачиваемости производственных фондов, а также фондов обращения является одним из источников действительного накопления — расширенного воспроизводства.** А важнейшая задача организации хозяйственного расчета и финансов социалистических предприятий и заключается в том, чтобы, используя материальные стимулы (личные и коллективные) работников социалистических предприятий, всемерно способствовать мобилизации всех скрытых резервов производства, всех источников внутрипромышленного накопления. Между тем на практике все виды материального стимулирования направлены исключительно на выполнение и перевыполнение плана по объему продукции и по снижению ее себестоимости. В этих целях руководители предприятия стремятся привлечь в свое распоряжение возможно большую массу производственных фондов (основных и оборотных), а также фондов обращения.

Тем самым действующая система организации хозяйственного расчета и финансов предприятий стимулирует использование одних источников внутрипромышленного накопления в ущерб другим источникам, т. е. позволяет добиваться снижения себестоимости продукции ценой концентрации излишней массы оборотных и основных средств, ценой бесхозяйственного их использования. Это один из серьезных недостатков, одно из противоречий действующей системы хозрасчета социалистических предприятий.

Как и все прочие противоречия социалистической экономики, противоречие это не имеет антагонистического характера. Оно вполне может быть устранено путем довольно несложной перестройки действующей системы планирования и учета рентабельности производства.

Полученная прибыль должна отражать реальные успехи каждого предприятия не только по линии снижения себестоимости продукции, но и по линии эффективного использования производственных фондов, ускорения их оборачиваемости.

Как же этого достигнуть?

Для этого прибыль, как разность между плановой

себестоимостью и ценой реализации продукции, надо относить (исчислять в процентах) к объему основных и оборотных средств каждого предприятия и отрасли по активу баланса. Исчисленная таким образом норма прибыли будет являться истинным показателем рентабельности производства.

Конечно, для марксиста азбучной истиной является положение о том, что только труд и именно живой труд создает стоимость и прибавочную стоимость. Однако азбучным является и положение о том, что прогресс техники, рост технической вооруженности труда повышает его производительность, его эффективность. Поэтому в условиях социализма мы должны знать, какова для общества в целом эффективность использования производственных фондов при данной массе затраченного общественного труда. Это значит, что мы должны учитывать и планировать отношения прироста чистого дохода общества к массе накопленного обществом прошлого труда, воплощенного в основных и оборотных фондах. Это и является обобщающим показателем экономической эффективности использования производственных фондов, который до сих пор не применяется на практике.

Следуя ленинским заветам, мы должны использовать все то из практики рентабельного ведения хозяйства, что способствует экономии прошлого труда, овеществленного в колоссальных основных и оборотных производственных фондах нашей страны. Применение и планомерное использование в интересах социализма расчета рентабельности производства в процентах к объему используемых основных и оборотных производственных фондов будет способствовать серьезному росту действительного накопления и использованию всех резервов производства. Фактический уровень прибыли будет при данной цене тем выше, чем ниже себестоимость единицы изделия. Поэтому неправильно утверждение, будто бы при предлагаемом нами методе планирования прибыли сбрасывается со счета себестоимость. И норма прибыли будет тем выше, чем относительно меньше будет находящаяся в распоряжении предприятия и числящаяся на его балансе среднегодовая масса всех его основных и оборотных средств.

Чтобы выполнить и перевыполнить плановый норматив прибыли (от которого будут зависеть размеры от-

числений в фонд предприятия), руководители предприятий, общественные организации и все рабочие и ИТР будут стремиться при таком методе планирования прибыли не только к выполнению и перевыполнению плана по выпуску продукции и снижению себестоимости, но также и к максимальной экономии основных и оборотных средств. Эта экономия будет таким же фактором повышения прибыли предприятия, как и снижение себестоимости продукции. А это и есть то, что требуется для подлинно рационального, экономного ведения хозяйства предприятий.

Далее возникает вопрос: каков должен быть этот норматив прибыли — единый или дифференцированный по отраслям и предприятиям?

Всякому ясно, что при социализме не действует закон равной нормы прибыли, осуществляющийся путем стихийного колебания цен и столь же стихийного перелива капиталов из одних отраслей в другие. Это — азбучная истина. Совершенно бессмысленно вести полемику по этой линии, потому что никто из сторонников нашей точки зрения — экономистов и неэкономистов, инженеров-проектировщиков — не имеет в виду никакого стихийного перелива фондов и стихийного уравнения прибыли. Все мы отрицаем стихийный процесс уравнения прибыли, но из этого вовсе не следует, что при социализме не может применяться сознательно устанавливаемый для всего народного хозяйства норматив прибыли. На основе такого норматива могут устанавливаться для отдельных отраслей и предприятий и для отдельных экономических районов дифференцированные, т. е. индивидуальные, нормативы прибыли. Чтобы определить, где нужно дать более высокий и где менее высокий норматив прибыли, мы должны знать, какова норма прибыли по промышленности в целом, и только на этой основе можно устанавливать дифференцированные нормативы прибыли для отраслей и предприятий. Но дифференциацию норматива прибыли надо устанавливать лишь в том случае, если она экономически обоснована.

Исчисление и внедрение в практику планирования нормативной прибыли не только возможно, но и необходимо в социалистическом хозяйстве. Оно необходимо для радикального улучшения системы организации хозрасчета и финансов предприятий, для более правильного

построения системы цен и решения на практике проблемы учета эффективности введения новой техники и вообще капиталовложений в народное хозяйство.

Многие экономисты до последнего времени открещивались от средней прибыли, принципиально отрицали нормативную или среднеплановую прибыль, утверждая, что никакой вообще средней прибыли при социализме быть не может.

Подобные утверждения представляют собой образец догматизма, оторванного от практики, ибо в действительности такая среднеплановая норма прибыли уже давно существует на практике. Ведь каждый раз при пересмотре цен на продукцию предприятий тех или иных отраслей производства правительство устанавливает среднюю норму прибыли в размере 3—4% к себестоимости продукции (при снижении цен с 1 июля 1955 г. была установлена более высокая средняя норма для промышленности — 4,8%, на что указывал в своем докладе т. Бачурин). Следовательно, цены на продукцию предприятий и сейчас фактически устанавливаются как сумма издержек производства и среднеплановой прибыли. Это факт, а с фактами, как говорится, не спорят, их нужно понять и объяснить. Правда, исчисление средней прибыли производится теперь несовершенным методом — в процентах к себестоимости,— но тем не менее это средняя прибыль.

Укажем далее, что плановый норматив прибыли широко применяется при проектировании капитального строительства и при выдаче банковских ссуд на новую технику. В области проектирования капиталовложений этот норматив прибыли применяется под наименованием «срока окупаемости» капиталовложений.

На совещании при секции энергетики Гостехники СССР, состоявшемся 10 июня 1957 г., подавляющим большинством участников совещания была санкционирована действующая практика проектирования и признана необходимость учитывать при технико-экономических расчетах величину чистого дохода в определенной пропорции к сумме основных фондов, т. е. по принципу нормативной прибыли.

Если на практике существует себестоимость (т. е. издержки производства предприятий) и среднеплановая норма прибыли (хотя бы в процентах к себестоимости)

как нормальные элементы ценообразования, то, по-видимому, надо признать наличие в нашей практике категории социалистической цены производства. Ведь последняя и есть не что иное, как сумма себестоимости (издержек производства) и средней (а при социализме — нормативной или плановой) прибыли. Поэтому сказанное о категории нормативной или средне-плановой прибыли полностью относится и к цене производства. Она существует при социализме, но, конечно, в новом качестве, а механизм ее установления принципиально иной, чем при капитализме.

Мы сделали здесь попытку теоретически обосновать сохранение в новом качестве таких категорий, как прибыль и цена производства. Задача теоретиков — не закрывать глаза на факт существования этих экономических форм, а исследовать их и содействовать их правильному использованию в практике социалистического хозяйствования.

На основе планируемого уровня себестоимости и рассчитанной по общесоюзным данным нормы прибыли может быть установлена плановая хозрасчетная цена производства (отличающаяся от полной цены производства тем, что в нее не включается налог с оборота) на продукцию каждой отрасли, каждого экономического района и каждого предприятия. Исходя из плановой себестоимости продукции и планируемого роста объема производственных фондов, можно рассчитать плановую — отраслевую и индивидуальную — хозрасчетную цену на продукцию всех отраслей промышленности и предприятий. Так следует, по нашему мнению, устанавливать цены (без налога с оборота), по которым предприятия должны сбывать свою продукцию сбытовым организациям промышленности.

При предлагаемой системе планирования рентабельность производства и финансовое положение каждого предприятия будет зависеть от рационального ведения хозяйства по всему фронту: и по линии выполнения плана по объему производимой продукции, и по линии себестоимости продукции, и по линии относительного сокращения объема всех производственных фондов, находящихся в распоряжении предприятия, максимального ускорения их оборачиваемости.

С. К. ТАТУР

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ РАСЧЕТ И ЗАКОН СТОИМОСТИ

(доклад на конференции)

Определение сущности хозрасчета сводится прежде всего к характеристике его объективного и субъективного содержания.

Объективное содержание хозрасчета заключается в том, что он основан на использовании экономических законов, действующих в социалистическом обществе, в том числе и закона стоимости; возникновение хозрасчета было объективно обусловлено и необходимо.

Субъективное начало в системе хозрасчета заключается в том, что он входит в число элементов хозяйственной политики партии и правительства, что при помощи хозяйственного расчета, расширения сферы его применения, углубления его осуществляется использование экономических законов социалистическим обществом.

По мере экономического развития нашей страны сфера применения хозрасчета расширялась, а его внедрение в той или иной отрасли народного хозяйства определяется рядом субъективных предпосылок.

Хозяйственный расчет требует соблюдения единства объективных предпосылок, которые отражают суть экономических законов, действующих в социалистическом обществе, и хозяйственной **политики партии, определяющей границы и сферу применения хозрасчета, целесообразность его применения в той или иной отрасли или звене социалистического хозяйства.**

Это положение, помимо того, что оно подтверждается всем ходом исторического развития социалистической экономики, может быть подтверждено также и рядом аналогий.

Если мы возьмем такую категорию, как цена, то мы легко убедимся, что она тоже служит элементом хо-

зяйственной политики. Основа цены как экономической категории определяется законом стоимости, а отклонения цен от стоимости определяются субъективными началами хозяйственной политики партии и Советского государства. То же сочетание объективного и субъективного начал мы имеем в системе функционирования ряда других категорий: финансов, кредита и т. д. Каким путем осуществлять пополнение оборотных средств того или иного предприятия? Для чего именно следует пользоваться методом бюджетного финансирования? Для каких нужд следует пользоваться кредитом? Все это вопросы хозяйственной политики, и именно в этой плоскости они решаются.

Вопрос о взаимосвязи хозяйственного расчета с законом стоимости нельзя рассматривать без учета воздействия, оказываемого на систему хозрасчета другими экономическими законами, действующими в социалистическом обществе.

Действие закона стоимости в социалистическом обществе ограничено законом планомерного пропорционального развития. Я делаю ударение на слове «ограничено». Там, где есть ограничения, там возникают противоречия. Противоречия могут проявляться в различных формах, и они в системе хозрасчета действительно проявляются.

В качестве примера таких противоречий можно было бы привести всем известный факт, когда в том или ином предприятии возникает особо «выгодная» по рентабельности продукция. Возникновение особо «выгодной» по рентабельности продукции есть проявление противоречия между действием закона стоимости и закона планомерного, пропорционального развития.

Интересы лучшего и более полного использования действия закона стоимости в социалистической экономике требуют того, чтобы мы умели видеть такие противоречия и находить способы их преодоления.

Прямая связь хозяйственного расчета с законом стоимости проявляется прежде всего в том, что в системе хозяйственного расчета используются все стоимостные категории: себестоимость, цена, прибыль, кредит, система финансовых санкций, деньги, денежная зарплата, различные премии.

Требуется рассмотреть, как практически используются в системе хозяйственного расчета те или иные экономические категории, обусловленные законом стоимости, где мы имеем успехи, в каких областях хозяйственного расчета имеются те или иные неиспользованные возможности, реализация которых может принести народному хозяйству значительную пользу.

Начнем с анализа существующих хозрасчетных форм использования закона стоимости под углом зрения обеспечения наилучшего режима эксплуатации **основных средств** в народном хозяйстве. Практика свидетельствует о том, что в отношении обеспечения наилучшего режима эксплуатации основных средств закон стоимости используется далеко не достаточно.

В настоящее время режим использования основных средств находит свое отражение в стоимостных показателях хозяйственной деятельности предприятия только через амортизацию. Но удельный вес амортизации в производственных затратах, в себестоимости продукции весьма невелик. В среднем в промышленности он составляет 3,4% по отношению к себестоимости продукции. Значит, если мы, например, получаем задание снизить себестоимость на 8%, то соответствующее этой величине уменьшение амортизационных отчислений даст нам снижение себестоимости на 0,12%. Это уж не такая большая величина. Мы привыкли к большим цифрам, и сотые доли процента не представляют собой достаточно сильного экономического рычага. Связь, которая существует между режимом использования основных средств и использованием закона стоимости в форме амортизационных отчислений, является, во-первых, единственной связью, а во-вторых, мне кажется, она недостаточно существенна в смысле ее влияния на итоги хозяйственной работы.

Спрашивается, каковы практические последствия того обстоятельства, что стоимостный механизм используется слабо при регулировании режима службы основных средств? Последствия возникают иногда очень неприятные. Многие, вероятно, знают, что ежегодно списываются сотни миллионов рублей в виде так называемых потерь по ликвидации основных средств.

Сотни миллионов рублей потерь от ликвидации основных средств вследствие преждевременного их вы-

бытия из строя не учитываются ни в каких плановых показателях, служащих для оценки работы предприятия. Предприятие оценивается как хорошо работающее, если оно выполнило план по выпуску продукции и по накоплению, несмотря на то, что у него имеются значительные потери основных средств. Хозрасчетными показателями величина этих потерь никак не охватывается. Она совершенно выпадает из поля зрения.

Отметим далее, что хозрасчетные предприятия заинтересованы в том, чтобы обеспечить финансирование на капитальные вложения и на их модернизацию, а не банковский кредит. Банковский кредит, хотя он и дешев, связан с оплатой известной суммы процентов, с необходимостью погашения полученной ссуды в последующие годы. Между тем экономия, получаемая от модернизации, в последующие годы обезличивается. Это создает для хозрасчетных предприятий определенные затруднения при погашении ссуды, полученной на два, три года.

Здесь также имеет место противоречие между методом кредитования затрат на модернизацию и методом планирования рентабельности и отчислений от прибыли в доход государственного бюджета.

Тот факт, что капиталовложения ничего не стоят хозрасчетным предприятиям (т. е. не влияют на величину текущих его затрат на производство), приводит к омертвлению в ряде случаев значительных средств, воплощенных в оборудовании, которое не используется.

На меня большое впечатление произвел один пример бесхозяйственности, опубликованный в «Комсомольской правде». В одном из номеров газеты было рассказано о том, что комсомольцы выявили в складе большое количество неликвидов. У входа этого склада они повесили плакат: «Товарищ! Остановись здесь и сними шапку. Здесь погребено ненужного оборудования на 1500 тысяч рублей!». И «Комсомольская правда» поступила очень правильно, когда привела этот экономический факт в такой живой пропагандистской обработке. Но спрашивается: где же наши экономические рычаги, почему они отказали и не привели к необходимости выявления администрацией предприятия подобных неликвидов?

Исследуя вопрос о связи режима использования основных средств с законом стоимости, мы должны подумать об отыскании такого рычага, который бы связал

всю систему финансов с методами оценки использования основных средств. Я поддерживаю точку зрения З. В. Атласа о том, что прежде всего и в первую очередь здесь необходимо установить связь между показателями рентабельности и стоимостью используемых основных средств. Наряду с амортизацией в принципе необходимо ввести в практику показатели, отражающие отношение прибыли к стоимости основных средств.

Это не единственный показатель, который может быть введен в практику для усиления использования закона стоимости в целях улучшения режима эксплуатации основных средств. Для этой цели может быть использован и такой показатель, как стоимость продукции на тысячу рублей основных средств. Я усматриваю здесь аналогию с методом отнесения количества продукции в сельском хозяйстве к 100 га земельных угодий. Здесь имеет место аналогия в назначении используемых показателей, хотя форма выражения связи разная.

Но практическое применение таких показателей, как показатель рентабельности по отношению к стоимости основных средств, будет наталкиваться на многие препятствия. Первым препятствием, которое нужно отметить, является неоднородность и несоизмеримость оценки основных фондов. Оценка основных фондов в настоящее время настолько пестра, что говорить о каком-либо обоснованном сопоставлении рентабельности со стоимостью основных фондов, взятых в сегодняшней их оценке,— невозможно. Ведь с 1925 г. генеральной инвентаризации основных средств у нас не осуществлялось. Сколько пятилеток прошло за это время, прошла война, прошел и процесс послевоенного восстановления. Напомним, например, что стоимость основных средств эвакуированных во время войны машиностроительных заводов будет другой, чем у того завода, который не был эвакуирован.

Без унификации оценки основных средств эти показатели могут отражать не качество использования этих средств, а разность в уровне их оценки. Генеральная переоценка основных средств намечена на 1 января 1960 г.

В итоге всего сказанного необходимо сделать вывод, что в комплекс вопросов, связанных с более эффективным использованием закона стоимости для улучшения

режима эксплуатации основных средств, приходится включать и вопрос об их переоценке.

Режим использования оборотных средств достаточно хорошо охватывается системой хозрасчета, хотя и здесь в ряде случаев имеется возможность лучшего использования действий закона стоимости.

Я покажу это потом, при рассмотрении вопроса о себестоимости продукции. А сейчас следует сделать несколько замечаний по поводу некоторых, может быть мелких, вопросов. В некоторых случаях сохраняется, например, использование процента даже там, где это уже не оправдывается интересами хозяйственной практики. Государственный банк платит сейчас по расчетным счетам предприятий 0,5%, а по ссудным операциям взимает примерно на 1,5% больше. Эти 1,5% — хозрасчетная основа существования самого банка, источник для покрытия затрат по содержанию его аппарата. И вот спрашивается: к чему эти развернутые процентные отношения в расчетах банка с государственными предприятиями, к чему вести развернутый счет — взыскивать в свою пользу 2 и платить 0,5%? Ведь можно ограничиться получением лишь ссудного процента, установив его за вычетом процентной ставки по расчетным счетам.

Мне кажется, далее, что действующий порядок установления норматива оборотных средств достаточно хорошо выявляет обеспеченность предприятия нормативами в целом, по их общему итогу. Однако система получения сводных показателей по существу ведет к превращению этих цифр в средние. Отклонения нормативов и в сторону избыточных запасов отдельных видов материальных ценностей, и в сторону недостаточных запасов слабо улавливаются; излишние запасы одних материальных ценностей перекрывают недостаток других. Итоги, полученные даже непосредственно на предприятии, — уже приведены к средним. Надо, очевидно, отыскать какой-то метод, при помощи которого мы могли бы выявлять отклонения материальных ресурсов от установленного норматива по отдельным группам.

С себестоимостью продукции дело в настоящее время обстоит так, что в ее состав включаются все затраты предприятия, в том числе и непроизводительные потери. Если потери на капиталистическом предприятии — это потери капитала, и с частнокапиталистической точки

зрения включение этих потерь в себестоимость обосновано, то ведь мы обязаны подходить к этим потерям с другой, с общественной меркой.

При решении вопроса о том, следует ли включать в себестоимость продукции всякого рода непроизводительные расходы, затраты и т. д., необходимо выяснить, как этот порядок согласуется с углублением борьбы за экономию в затратах на производство.

Форма должна воздействовать на содержание. С этой точки зрения форма, применяемая к исчислению себестоимости, ослабляет борьбу за экономию, а не усиливает ее. Если всякого рода непроизводительные потери и затраты входят в себестоимость, то тем самым они в известной мере скрываются от общественного контроля.

Мне кажется, методология исчисления себестоимости и определения финансовых результатов должна быть в этом отношении уточнена.

Было бы целесообразно часть непроизводительных потерь относить за счет тех ресурсов, которые хозрасчетные предприятия получают в свою пользу, например за счет фонда предприятия. Во всяком случае, усиление хозрасчетной ответственности предприятия за потери необходимо.

Теперь о ценах и об их использовании в системе хозяйственного расчета.

Вопрос о ценах рассматривается нами в непосредственной связи с рентабельностью, с финансовыми показателями. В подавляющем большинстве случаев цены содержат значительные отклонения от стоимости. В одном из предыдущих докладов было указано, что у нас в стране, даже после организации совнархозов, еще имеется много убыточных предприятий. Это показывает, что, по-видимому, использование из одного центра системы цен, установленных для всего Союза, может оказаться недостаточным.

В нашей практике должна получить значительно более широкое применение система расчетных цен. Причем, по всей вероятности, цены надо строить различно по товарам, предназначенным для личного потребления, по товарам, потребление которых ограничено рамками экономических районов, и по средствам производства, распределяемым централизованно, в общегосударствен-

ном масштабе, на которые должны существовать, безусловно, единые цены.

Что касается товаров, которые имеют характер местный или потребление которых ограничено отдельными районами, то степень варьирования уровня цен может быть более высокой, чем это имеет место сейчас. Эта сторона дела заслуживает большого внимания.

Мне кажется, что использование в системе совнархозов расчетных цен может переложить ряд финансовых тягот непосредственно на совнархозы, что позволит локализовать дотации пределами систем совнархозов, не затрагивая Министерство финансов. Решать подобные вопросы централизованным порядком труднее, а гибкость в маневрировании финансовыми ресурсами здесь особенно нужна. Такая практика укрепила бы значение хозрасчета. Система ценообразования должна быть более гибкой, чем это имеет место в настоящее время; бóльшая гибкость может выразиться в более широком варьировании цен на отдельные разновидности одних и тех же товаров, в дифференциации цен по экономическим районам и в более широком применении на практике расчетных цен.

Вопрос об использовании цен необходимо рассматривать также под углом зрения развития специализации и кооперирования. В ряде случаев недостатки в системе ценообразования препятствуют развитию специализации и кооперирования. Приведу такой пример. Некоторые автомобильные заводы производили наряду с основной продукцией и велосипеды. Раньше они делали их целиком, в том числе и такие детали, как звонки и цепи. Затем в порядке специализации и кооперирования звонки и цепи начали поставлять специализированные предприятия, причем отпускные цены на эти детали по прейскуранту оказывались более высокими, чем их себестоимость в старых условиях производства. В результате этого автомобильный завод, изготовляющий велосипеды, получает сотни тысяч рублей убытка на разнице между закупочной ценой деталей и себестоимостью их изготовления на том же заводе. По-видимому, вопрос о ценообразовании на полуфабрикаты, поставляемые в порядке специализации и кооперирования, должен рассматриваться отдельно, особо от других вопросов, связанных с ценообразованием. Развитие специализации и коопе-

рирования требует применения такой системы цен, где ценою стимулировалось бы развитие специализации, а это значит, что поставляемые извне полуфабрикаты должны стоить меньше, чем они стоят на том заводе, где ими заменяют свою собственную продукцию.

Это вопрос сложный, он требует специального рассмотрения; необходимо лишь отметить, что в деле развития специализации и кооперирования вопрос ценообразования играет весьма существенную роль.

Об использовании кредитов. Использование кредитов в системе хозрасчета по линии основной деятельности предприятий достаточно хорошо разработано и обеспечивает возможность контроля работы. Практика кредита по обороту показывает, что желательно расширение использования этой формы кредитов.

Большие возможности для расширения сферы использования кредита есть у Госбанка по линии кредита на модернизацию оборудования, на капиталовложения, быстро оправдываемые полученной экономией. Однако на пути использования этой формы кредита есть много рогаток. Одна из рогаток заключается в том, что этот кредит должен быть покрыт экономией, а в распоряжении предприятия экономия оказывается фактически только в течение первого года; во втором или третьем году она попадает в общий итог финансовых ресурсов и тем самым обезличивается.

До уплаты ссуды, полученной от банка, экономия от применения таких мероприятий не должна затрагиваться при планировании прибыли.

Есть и другие рогатки, связанные с относительно малым развитием этой формы кредита. Мне кажется, что Государственный банк все же найдет возможность усилить эту работу. У меня сложилось впечатление, что сам Государственный банк не очень заинтересован в развитии этой формы кредита. Во всяком случае, в высказываниях представителей Госбанка, в частности т. Геращенко, я находил положения, которые свидетельствуют о том, что работники Госбанка считают желательным эту форму кредита передать спецбанкам.

Считаю уместным сказать несколько слов о необходимости **усилить использование принципа личной материальной заинтересованности работников.** Дело в том, что об этом принципе мы много пишем, а в жизни

он слабо связывается с рентабельностью работы предприятия и с получаемой экономией.

Действующая система премирования, особенно система премирования инженерно-технических работников, отражала до 1957 г. в основном практику, сложившуюся в годы войны, когда премия выплачивалась за выполнение производственной программы, а по линии себестоимости считалось достаточным выполнение задания по снижению себестоимости. При определении величины премии размер снижения себестоимости очень редко принимался во внимание. При недостаточно хорошо организованном нормировании затрат материальное стимулирование за экономию может способствовать сохранению ненапряженных норм, т. е. таких норм, применение которых обеспечивает получение экономии без достаточных к тому усилий за счет резервов, заключенных в самих нормах. Поэтому прямое стимулирование за достигнутую экономию может осуществляться лишь тогда, когда в нормативах не содержатся скрытые резервы на получение премии. В этой связи, в частности, слабое развитие получил так называемый «нормативный хозрасчет» (одна из форм внутризаводского хозрасчета). Из тех шести заводов, где эта форма применялась, она сохранилась лишь на двух.

В последнее время появляются разнообразные формы премирования, связанные с теми или иными качественными показателями, например с уменьшением трудоемкости, снижением себестоимости и т. п. Более широко, чем раньше, применяется материальное стимулирование за показатели ритмичности. На заводе им. Владимира Ильича введено в действие специальное положение о премировании инженерно-технического персонала за экономию. Это положение утверждено Московским городским совнархозом. Кроме поисков новых форм материального стимулирования, осуществляемых Комитетом по труду и зарплате (я имею в виду применение новых тарифных условий на 14 машиностроительных заводах), имеются еще мероприятия, проведенные снизу, так что опыт в этой области постепенно накапливается. Однако делается это сравнительно медленно.

В отношении разработки системы премирования следует подчеркнуть в качестве основной мысли необходимость комплексного решения вопроса, т. е. такого, при

котором все виды премии и все ее источники в известной мере связаны были бы с достигнутой экономией. В конечном счете хозрасчет направлен на обеспечение экономии затрат и живого и перенесенного труда, и системы материального стимулирования должны способствовать увеличению такой экономии.

Хочу в заключение отметить то обстоятельство, что общий уровень всей нашей планово-экономической работы в промышленности, в смысле ее технической оснащенности, не соответствует в настоящее время техническому оснащению самой промышленности. Если на заводе занято 20—30—40 тыс. рабочих, если они изготовляют сотни наименований изделий и в каждом из них сотни и тысячи деталей, то сколько же отдельных позиций нужно уловить в процессе управления предприятием? При применении в планово-экономической работе ручного труда нельзя своевременно обеспечить необходимое качество и быстроту экономических расчетов.

В шестом пятилетнем плане предполагалось увеличить производство соответствующей техники (счетно-вычислительных машин) в 4—5 раз. Требуется увеличить эту цифру по крайней мере в 3—4 раза и изменить ассортимент выпускаемых счетных машин.

Перейдем к выводам.

Глубина применения принципов хозрасчета свидетельствует о степени овладения действием закона стоимости, об умении ограничивать его действия и подчинить их закону планомерного, пропорционального развития.

Хозрасчет представляет собой метод, направленный на овладение экономическими законами, действующими в социалистическом обществе.

Возможности использования действий закона стоимости еще далеко не исчерпаны. Необходимо разработать механизм, усиливающий использование системы финансовых санкций, принципы материальной заинтересованности работников в результате их труда. Все это обеспечит углубление борьбы за экономию и будет содействовать дальнейшему развитию социалистической экономики.

З. С. КАЦЕНЕЛЕНБАУМ

НАДО ЛИ СТРЕМИТЬСЯ К ПОСТРОЕНИЮ ЕДИНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОСНОВНЫХ И ОБОРОТНЫХ СРЕДСТВ?

Размеры основных фондов и оборотных средств в народном хозяйстве СССР. Неправильность утверждения, что действующий показатель рентабельности нисколько не отражает эффективности использования основных и оборотных средств. Целесообразно иметь три финансовых показателя, характеризующие отдельно: рентабельность, оборачиваемость оборотных средств и эффективность использования основных фондов. Эффективность использования основных фондов может быть адэкватно выражена только отношением стоимости продукции к стоимости основных фондов.

Проф. Атлас правильно подчеркивает то обстоятельство, что мы, обращая должное внимание на вопросы себестоимости, недостаточно уделяем внимания вопросам использования наших основных и оборотных средств. Между тем основные и оборотные средства составляют главную часть нашего национального богатства.

Приведу некоторые цифры. Я напомню, что Министр финансов СССР А. Г. Зверев в речи, произнесенной 19 декабря 1957 г. на сессии Верховного Совета СССР, сказал, что у нас оборотные средства составляют во всем народном хозяйстве свыше 250 млрд. руб.

В дополнение к этому наши промышленные, сельскохозяйственные, торговые и другие предприятия располагают заемными средствами, получаемыми ими из Госбанка. Общие кредитные вложения Госбанка в народное хозяйство составили на 1 января 1957 г. 244 млрд. руб.

Чтобы получить представление об общем объеме оборотных средств в нашем хозяйстве, мы не можем полностью сплюсовать эти цифры, потому что в цифрах Госбанка имеются некоторые расчетные статьи и при сложении собственных оборотных средств с кредитами Госбанка возможно некоторое дублирование.

Тем не менее я думаю, что при таких общих оценках мы можем сказать, что вложения Госбанка в оборотные средства составляют не менее 150 млрд. руб., а может быть и больше. Таким образом, наши оборотные средства составляют теперь не менее 450—500 млрд. руб.

Каков же размер основных средств, основных фондов? Точных подсчетов мы не имеем, поскольку переоценка основных фондов еще не произведена. Но, исходя из целого ряда данных, мы имеем основание считать, что в нашем хозяйстве вложения в основные фонды примерно в 2—3 раза превосходят наши вложения в оборотные средства.

Конечно, в разных отраслях мы имеем разное соотношение. Скажем, в промышленности мы имеем соотношение примерно 2—3 к 1, на железнодорожном транспорте мы имеем соотношение примерно 9—9,5 к 1, т. е. 90—95% составляют там основные средства и только небольшую часть составляют оборотные средства, в МТС мы имели примерно такое же соотношение: около 90—95% составляли основные средства и только около 5—10% оборотные средства.

На основании некоторых общих оценок можно грубо приближенно сказать, что вложения в основные фонды в 2—3 раза превосходят наши вложения в оборотные средства. Наши вложения в основные и оборотные средства составляют огромные суммы.

Проф. Атлас правильно ставит вопрос, что мы должны думать о том, как эти средства используются. Между тем этому вопросу не уделяется должного внимания. И в этом смысле постановка данного вопроса является совершенно правильной и очень актуальной.

К тому, что сказал докладчик, я добавил бы только одно, что у нас в деле использования оборотных средств недостаточно уделяется внимания такому вопросу, как нормирование оборотных средств.

Проф. Татур утверждал здесь, что режим использования оборотных средств достаточно хорошо охваты-

вается системой хозяйственного расчета, хотя, говорил он, и здесь есть возможность лучшего использования действия закона стоимости.

Под этим тезисом я бы лично не подписался. Я думаю, что т. Татур, если ему приходится преподавать студентам правила нормирования оборотных средств, сталкивался с тем обстоятельством, с которым мне и другим моим товарищам приходится сталкиваться. Мы учим студентов, что так-то и так-то нужно исчислять нормативы оборотных средств, пишем об этом в наших книгах, учебниках, а если они не очень хорошо отвечают по этим вопросам на экзаменах, мы им понижаем оценку. А когда они кончают институт или приходят на производственную практику на завод, приходят к начальнику финансового отдела и говорят: вот как нас учили исчислять нормативы оборотных средств по сырью, по незавершенному производству, то тот выражает удивление и говорит: вас так учили, а мы этого не делаем, да и в прошлые годы не делали. Предприятия получают нормативы сверху. Раньше получали из министерства, теперь из совнархоза. Но, может быть, в вышестоящих организациях рассчитывают нормативы так, как это было бы теоретически правильно? Я бывал в министерствах, был и в совнархозе и знаю, как там делают эти расчеты. Там берут нормативы прошлого года, коечто в них изменяют и исправляют и исчисляют таким образом нормативы на планируемый год. С таким порядком расчета нормативов оборотных средств нельзя согласиться. Вот почему в этом отношении нельзя согласиться с утверждением проф. Татура. Таким образом, в этой области я считаю постановку вопроса и целый ряд мыслей, высказанных т. Атласом, совершенно правильными. Он правильно подчеркнул, что мы в 1949 г. с увлечением занимались вопросом о том, как лучше использовать основные и оборотные средства, ввели целый ряд показателей, и рассказал нам, как эти показатели некоторое время применялись и как потом, в 1955 г., эти показатели были оставлены и ими перестали заниматься.

Но я намерен не только хвалить доклад проф. Атласа. Я хотел бы сделать по поводу выдвинутых им положений ряд критических замечаний и отметить некоторые положения, с которыми я согласиться не могу.

З. В. Атлас утверждает, что мы недоучитываем значение основных и оборотных средств и их эффективного использования и что по части наблюдения за использованием основных фондов у нас делается недостаточно. Это правильно. Но все же так резко заявлять, что между показателями рентабельности, которые мы в настоящее время применяем, между показателями рентабельности, характеризующими снижение себестоимости, и эффективным использованием основных и оборотных средств нет никакой связи, нельзя ни в теоретическом разрезе, ни в практическом.

Утверждение З. В. Атласа, что в сумме прибыли не отражается использование основных фондов, я считаю неправильным. Если мы в этом году, например, имеем общую прибыль в народном хозяйстве в 188 млрд. руб., а несколько лет тому назад эта прибыль составляла 80—90 млрд. руб., если прибыльность нашего хозяйства из года в год возрастает, то это ведь является результатом, в частности, лучшего использования техники, т. е. лучшего использования наших основных фондов.

Другое дело, что мы этого не учитывали, что у нас нет соответствующего показателя. Но сказать, что мы этого вообще не имеем и что лучшее использование основных фондов не отражается на рентабельности, нельзя, это неправильно.

Бывают, конечно, отдельные случаи, когда предприятие может иметь слишком много основных и оборотных фондов, недостаточно их использовать и давать в то же время рентабельную продукцию, но это бывает в отдельных случаях, скорее как исключение. Как правило, тот самый факт, что мы в настоящее время имеем рост прибыли и повышение рентабельности, является отражением того, что у нас повышается производительность труда, а рост производительности труда является в значительной части результатом улучшения использования основных фондов и оборотных средств. В этом связь между рентабельностью и эффективным использованием основных и оборотных средств.

Я не собираюсь преуменьшать недостатки в области использования основных и оборотных средств. В частности, в своих лекциях я для иллюстрации этого привожу цифры, например цифру, которую привел Министр

финансов СССР, что у нас имеется в строительстве на 14 млрд. руб. неустановленного оборудования. Это все совершенно верно, но в целом делать отсюда вывод, что наша рентабельность никак не связана с использованием основных фондов, что у нас имеется излишек оборотных средств, нельзя.

Больше того, если бы меня спросили, существует ли в нашем хозяйстве, где имеется больше чем на 450—500 млрд. руб. оборотных средств, излишек оборотных средств, то я не ответил бы положительно. Я не буду на этом останавливаться подробно, но скажу, что изучал практику США, Англии в этом отношении, делал некоторые сравнения и я бы сказал, что у нас в целом излишка оборотных средств не имеется. У нас имеется некоторая неупорядоченность в области распределения оборотных средств между отдельными отраслями и отдельными предприятиями внутри одной отрасли; это обусловлено тем, что мы уделяем недостаточно внимания вопросу нормирования оборотных средств, мы не следим за этим участком работы и поэтому, конечно, получается так, что в одном месте имеются излишки оборотных средств, а в другом месте — недостаток. Регулирование и перераспределение оборотных средств проводится недостаточно аккуратно и хорошо. Это относится и к основным фондам.

Надо иметь в виду то, что у нас в настоящее время имеется основных фондов на огромную сумму. Некоторое количество неустановленного оборудования при нашем огромном строительстве, очевидно, неизбежно, хотя размеры неустановленного оборудования, конечно, нужно снижать.

З. В. Атлас ссылался на то, что у нас есть оборудование на консервации, оборудование в резерве. Должен сказать, что оборудование в резерве — необходимая и неизбежная часть совокупного оборудования, и у нас нет основания утверждать, что оно у нас в излишке.

В отношении оборотных средств я напомню, что на июльском Пленуме ЦК КПСС в 1955 г. говорилось, что у нас на ряде предприятий мало запасов. Так что повторяю: хотя постановка вопроса о необходимости усиления внимания к делу лучшего использования основных и оборотных средств вполне правильна, общий крен доклада проф. Атласа, по которому получается, что у нас

в этой области ничего не делается, представляется мне неправильным, и я не присоединился бы к этому мнению.

Те же критические замечания я хотел бы сделать и по поводу другого утверждения. З. В. Атлас говорит, что наделение предприятий основными средствами не нормируется и вообще ничем не лимитируется. Это, по-моему, неверно. Разве мы не имеем спецбанков, которые, наоборот, лимитируют и постоянно контролируют введение новых основных фондов? Что же касается действующих основных фондов, то разве у нас не существуют в каждой отрасли хозяйства натуральные технико-экономические показатели, за которыми обязаны следить и следят соответствующие организации и по ним — по съему стали, по выработке машин и т. д. — судят о работе агрегатов и оборудования?

Тем не менее я соглашаюсь с основным, что этому делу мы уделяем недостаточно внимания. В чем я усматриваю недостаток внимания? Именно в том, в чем усматривает проф. Атлас, но я это несколько иначе формулирую. Недостаток в том, что у нас нет единого финансового показателя, комплексного финансового показателя, который позволил бы нам следить за использованием основных фондов. У нас был комплексный финансовый показатель, который позволял следить за использованием оборотных средств. Это была оборачиваемость, но мы от нее отказались. А комплексного показателя использования основных фондов у нас нет, хотя мы в нем очень нуждаемся.

Здесь выдвигалось предложение ввести такой комплексный показатель. В качестве такого комплексного показателя проф. Атлас предлагает ввести известную надбавку к себестоимости в виде нормы прибыли, отнесенной к общей стоимости основных и оборотных средств. Я считаю, что комплексный показатель использования основных фондов должен быть другой. Этим комплексным показателем, который, между прочим, упоминается и в тезисах проф. Атласа и о котором здесь говорили, должен быть выпуск в течение года валовой продукции на тысячу рублей основных фондов. Этот показатель является, по моему мнению, более правильным и более соответствующим тем задачам, которые мы перед собой ставим.

Для того чтобы этот тезис немного обосновать, я должен сказать следующее. Выдвигая комплексный показатель, нужно отдавать себе отчет в том, для чего он нужен. Доклад проф. Атласа богат по части теоретических соображений, методологических посылок. Но есть один важный методологический вопрос, который в докладе не поставлен. Какой же? Раньше чем сказать, какие выработать показатели эффективности использования средств, надо ответить на вопрос: а что значит «эффективно использовать средства»? Это первое. И второе: какую цель преследует этот показатель?

Ни на первый, ни на второй вопрос мы в докладе проф. Атласа ответа не находим. В рамках краткого выступления я, естественно, не могу вдаваться в подробный разбор этих вопросов. Но я бы сказал, что эффективное использование средств в условиях социалистического хозяйства означает получение при данных возможных условиях и при данной технике возможно больше продукции на каждый рубль основных фондов. Это же относится и к оборотным средствам.

Отнюдь не убедительной является мысль, которая мимоходом была высказана проф. Атласом, мысль о том, что мы должны стремиться к ускорению оборота основных и оборотных средств. Необходимость ускорения оборота оборотных средств — это бесспорное положение, а ускорение оборота основных фондов — это дело сложное. Не в отношении всех элементов основных фондов можно ставить перед собой такую задачу.

Когда речь идет о машинах и мы ставим вопрос о моральном износе, то это очень важное положение: надо возможно скорее использовать машины для того, чтобы можно было в дальнейшем ввести более совершенные машины. Но когда мы говорим о таких элементах основных фондов, как здания и сооружения, когда мы говорим, например, о гидростанции, то положение о необходимости ускорения оборота основных средств не столь бесспорно, ибо это означало бы требование, чтобы они скорее износились. А нам нужно, наоборот, чтобы они служили более длительное время. Этот вопрос, таким образом, является спорным и о нем надо думать. Поэтому постановка этой задачи — ускорения оборота — в одинаковом смысле в отношении основных и оборотных средств, по моему мнению, неубедительна.

Итак, мы должны, во-первых, отдать себе отчет в том, что следует понимать под лучшим использованием основных средств и что значит лучшее использование оборотных средств. Мы должны, во-вторых, отдать себе отчет в том, что для того чтобы иметь мобилизующий показатель (а значение показателя именно и заключается в мобилизации на лучшее использование), нет надобности создавать один общий показатель использования оборотных и основных средств. Нам нужны два отдельных показателя, отдельно характеризующих использование основных и оборотных средств. И мы должны иметь третий показатель для себестоимости. Объединять же все три показателя в один показатель, как это предлагает проф. Атлас, во-первых, необязательно и, во-вторых, его предложения не дают нам возможности разработать правильный показатель для каждого из этих трех элементов.

З. В. Атлас говорит: мы имеем показатель рентабельности, который в настоящее время действует, при помощи которого мы узнаем, как снизилась себестоимость, как осуществляется процесс снижения себестоимости. Но может случиться, что мы будем иметь на предприятии хорошие показатели в отношении снижения себестоимости и в то же время на этом же предприятии мы будем иметь неудовлетворительные результаты по использованию основных и оборотных средств.

Проф. Атлас предлагает: давайте будем этот показатель — сумму прибыли — ориентировать и относить не к себестоимости продукции, а к стоимости основных и оборотных средств. Но в этом случае, если иметь только один такой показатель, мы не гарантированы от того, что получится обратное положение, т. е. у нас будет показатель, который станет показывать очень хорошее использование основных и оборотных средств, в то время как будет происходить рост себестоимости вместо ее снижения. Таким образом, если проф. Атлас возражает против действующего показателя на том основании, что этот показатель не дает возможности определять эффективность использования основных и оборотных средств, то аналогичное возражение может быть выдвинуто и против предлагаемого им самим показателя, ибо он не дает возможности определить ход снижения себестоимости. Поэтому я прихожу к такому выводу, что мы

не должны стремиться иметь единый показатель, что нам нужны три показателя. Нам нужен действующий ныне показатель рентабельности, характеризующий снижение себестоимости. В дополнение к нему мы должны иметь **второй** показатель, характеризующий оборачиваемость оборотных средств, т. е. мы должны восстановить тот показатель, который применялся до 1955 г. И мы должны ввести **третий** показатель, характеризующий использование основных фондов; его надо построить так, как это предлагается в литературе и как он частично применяется и на практике, а именно в виде суммы выпуска продукции на 1000 руб. основных фондов.

Какие же у меня основания считать, что необходим показатель, дающий соотношение валовой продукции и стоимости основных фондов, и что он лучше показателя, предлагаемого проф. Атласом? Основания у меня для этого следующие. Прежде всего в наших условиях вопрос о прибыли не является тем критерием, которым мы должны определять эффективность использования средств. Я считаю, что для нас основным вопросом является выполнение производственной программы, выпуска продукции и поэтому финансовый показатель мы также должны устанавливать исходя из выпуска продукции, т. е. брать соотношение суммы выпущенной продукции и стоимости основных фондов.

Второе. Я с интересом выслушал то, что говорил по поводу накоплений выступавший передо мной т. Кондрашев. Ведь если мы будем говорить о том, что накопления характеризуют у нас использование основных фондов, то почему же нам при выработке показателя эффективности использования фондов ограничиваться только той частью накоплений, которая остается в распоряжении предприятий, а не брать накопления в целом, тем более, что соотношения между двумя частями накоплений, налогом с оборота и прибылью, под влиянием разных обстоятельств меняются.

В настоящее время происходят известные изменения в этих соотношениях. В частности, в связи с реорганизацией управления промышленностью увеличивается удельный вес прибыли и возможны дальнейшие изменения в этих соотношениях. Таким образом, получается, что мы имеем деление, которое может меняться, а это

может оказать влияние на тот показатель, который нам предлагают.

По этим соображениям я и считаю, что мы не должны останавливаться на одном показателе, что у нас должны быть разные показатели и что лучшим показателем эффективности использования основных фондов является показатель отношения валовой продукции к стоимости фондов как комплексный финансовый показатель.

Межотраслевые вопросы мы при помощи этого показателя не можем решать. А поскольку речь идет о внутриотраслевых задачах, о мобилизации внимания к лучшему использованию из года в год средств внутри отрасли и на одном предприятии, показатель этот является более совершенным и более соответствует нашему хозяйству.

Проф. Атлас, желая меня озадачить, задает мне вопрос: по какому показателю я предлагаю премировать предприятие, выделять фонд директора?

Этого вопроса я не касался, но я должен подчеркнуть, что следует правильно оценивать значения фонда премирования. Премирование имеет огромное значение на наших предприятиях, но существуют разные формы премирования, и не один фонд предприятия является тем элементом, который решает вопросы премирования. Вы ведь знаете, какая сравнительно небольшая часть прибыли идет в фонд предприятия, а из сумм фонда предприятия лишь часть идет непосредственно на премирование отдельных работников, 50% сумм фонда идет на внедрение новой техники, жилстроительство и другие нужды. Если нужно премировать за лучший показатель использования основных и оборотных средств, можно установить для этого добавочный фонд. Такой большой вопрос, как вопрос эффективного использования основных и оборотных средств, не следовало бы ставить в зависимость от вопросов премирования из фонда предприятия.

Л. А. ВААГ

ПРАКТИКИ-ПРОЕКТИРОВЩИКИ ДАВНО ОПЕРИРУЮТ КАТЕГОРИЕЙ ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА, КОТОРУЮ ТЕОРЕТИКИ-ЭКОНОМИСТЫ ПРОДОЛЖАЮТ ОТВЕРГАТЬ

Необходимость учета и соизмерения трудовых затрат при помощи стоимостных форм. Правомерность и необходимость применения метода так называемого срока окупаемости при сравнительной оценке проектируемых капитальных вложений. Минимальная стоимость и минимальная себестоимость. Четыре подхода к проблеме количественного измерения трудовых затрат. Цена производства позволяет оценивать затраты труда с точки зрения общества в целом.

Одним из непременных требований закона стоимости является в наших условиях учет и соизмерение труда. Для чего? Для того, чтобы в процессе производства, будь то в промышленности или сельском хозяйстве, мы получали бы наибольший экономический эффект. Это значит, что мы должны уметь правильно соизмерять затраты труда, должны уметь находить наименьшие затраты труда на единицу продукции с тем, чтобы в целом по обществу при имеющихся ресурсах живого и овеществленного труда получать максимально возможный национальный доход. Общеизвестно, что в любой сфере производства возможны различные комбинации, различные формы сочетания живого и овеществленного труда, и задача заключается в том, чтобы суметь найти то конкретное сочетание, которое обеспечивает минимальную суммарную затрату труда на единицу продукции, и тем самым добиться экономии труда.

В процессе производства мы должны знать полные затраты труда. И должны уметь определять их правильно. Определять и соизмерять их через стоимостные формы.

Надо ли учитывать и те затраты труда, которые создают прибавочный продукт? Безусловно это нужно делать. Себестоимость продукции не выражает полных затрат труда. Но у нас принято думать, что себестоимость продукции полностью отражает затраты труда на предприятии. Уместно спросить: а где же происходят затраты труда, соответствующие прибавочному продукту (m)? Разве они происходят не в процессе производства? Бесспорно, они происходят в производственном процессе. Эти затраты труда мы обязаны учитывать, иначе мы будем иметь потери в народном хозяйстве. Я считаю, что этот вопрос имеет важнейшее теоретическое значение.

Давайте посмотрим, как на практике решаются вопросы определения затрат труда. Как сейчас поступают на практике, определяя экономичность работы предприятия? Любое производственное предприятие можно строить по-разному. Можно данному предприятию дать много основных фондов, тогда мы добьемся снижения себестоимости продукции на данном предприятии. Дадим еще больше фондов — еще больше снизим себестоимость продукции. И только тогда, когда амортизационные отчисления будут превышать экономию, получаемую на других компонентах себестоимости,— себестоимость продукции начнет возрастать. Где тут предел, где мы должны остановиться при выборе технических параметров? Какой размер основных фондов следует дать данному предприятию,— вот вопрос, который интересует практиков.

Дело в том, что практики никогда не идут на капитальные вложения, соответствующие минимуму себестоимости продукции. На практике пользуются методом так называемого срока окупаемости.

Рассматривается ряд вариантов. Допустим, второй вариант дороже первого. Берут соответствующую разность капиталовложений и делят ее на разность себестоимости продукции, соответствующую этим вариантам. Говорят, что получается срок окупаемости (он может быть к примеру 5 или 10 лет и т. д.). И по величине этого срока пытаются делать заключение об экономичности того или другого варианта. Однако в чем заключается сущность метода срока окупаемости? Многие экономисты, к сожалению, с этим методом расчета совершенно

незнакомы. В экономической литературе по этому вопросу имеется несколько статей и книга проф. Ноткина. Профессор Ноткин разбирает этот вопрос и делает определенные выводы. Основной вывод автора состоит в отрицании необходимости учета амортизационных отчислений в себестоимости при пользовании этим методом. Почему он делает такой вывод?

Дело в том, что проф. Ноткин, анализируя метод срока окупаемости, приходит к выводу, что этот метод есть не что иное, как учет процентных отчислений от капиталовложений, т. е. категория цены производства. Чтобы это не было похоже на цену производства, тов. Ноткин предложил при определении издержек не учитывать амортизационные отчисления. Это, конечно, неверно.

Возникают следующие вопросы: правомерно ли применение категории цены производства в условиях социалистической экономики и как правильно ею пользоваться? Дело в том, что от этого зависит экономичность наших технических решений.

Приведу пример. Допустим, что мы примем оптимальный срок окупаемости 5 лет, т. е. что капитальные затраты подсчитываются с учетом 20% прибыли в год. Это будет означать, что ни одна гидростанция в Европейской части СССР строиться не должна. Создается представление, что они невыгодны экономически, так как цена производства электроэнергии будет состоять из себестоимости плюс большие отчисления от капиталовложений. Если не будет точно известна оптимальная величина срока окупаемости, то будут допускаться ошибочные технические решения, приводящие к потерям в народном хозяйстве.

Несмотря на то что методом срока окупаемости у нас пользуются на практике давно, экономисты не прилагают должных усилий к теоретическому обоснованию этого метода и к точному определению оптимальной величины срока окупаемости. Следует напомнить, что до 1930 г. в большинстве технических учебников технико-экономические расчеты рекомендовалось производить с учетом 6% от капитальных вложений. Пользуясь такими расчетами, мы строили объекты плана ГОЭЛРО. С применением в расчетах таких процентных отчислений строили объекты первой пятилетки и т. д. После этого

правомерность таких расчетов начали в экономической литературе отрицать. Однако, если проводить экономические расчеты без учета этих процентных отчислений, то создается представление о целесообразности чрезмерно больших капиталовложений в данный объект. А если в один такой объект будет вкладываться много капиталовложений, то это означает, что таких объектов можно будет построить мало при заданном суммарном объеме капиталовложений. А раз мало будет построено таких объектов, то будет и малый выпуск продукции, хотя каждая единица продукции будет иметь меньшую себестоимость. С народнохозяйственной точки зрения подобное решение, конечно, не будет правильным. Поэтому техники не могли согласиться с таким омертвлением капитальных вложений и начали применять другие методы расчета. Однако все эти методы представляют собой не что иное, как расчеты по цене производства.

В 1948 г. в журнале «Вопросы экономики» № 10 появилась статья П. Мстиславского. В этой статье отрицалась возможность подобных расчетов. Все эти практические методы расчета объявлялись недопустимыми в условиях социализма. Однако практики и поныне продолжают идти по этому пути. В этом безусловно сказывается объективная необходимость применения метода процентных отчислений, и никакие возражения теоретиков-экономистов не могут свернуть с этого пути нашу практику, ибо это означало бы нанесение прямого ущерба народному хозяйству.

Сейчас имеются четыре предложения, относящиеся к вопросу о количественном определении стоимости.

Первое — это предложение акад. Струмилина, рекомендующего учитывать затрату труда «m» пропорционально «v». Здесь уже говорили, что такая практика приведет к тому, что неправильно будут производиться подсчеты трудовых затрат. Но при этом все делали упор на ценообразование и говорили, что большая норма прибыли будет неправильно находиться у предприятий с низким органическим составом производственных фондов. Я считаю, что против концепции акад. Струмилина можно привести более сильные доводы. На совещании по обсуждению этого вопроса в Гостехнике СССР защитником этой точки зрения выступал один ученый экономист. Его спросили, как он будет решать

такой простой практический пример. Два варианта одного и того же предприятия дают равную себестоимость продукции. Но в одном случае на сооружение предприятия надо затратить 2 млн. руб., а во втором случае — 1 млн. руб. Какой технический вариант предприятия нужно строить? Он ответил, что нужно избрать тот вариант предприятия, который стоит 2 млн. руб. Его попросили обосновать такой неожиданный вывод. Тогда он заявил, что, по его мнению, вариант, который стоит 2 млн. руб., хотя и является более дорогим, но в техническом отношении он более совершенный, поэтому его и надо избрать. Он рассуждал так: если оба варианта дают одинаковую себестоимость выпускаемой продукции, то там, где капиталовложения больше, зарплата будет меньше. А раз «m» пропорционально «v», то ясно, что там, где зарплата меньше, там меньше и «m». В итоге у него получается, что затраты труда будут меньше при более дорогом варианте. Вот какой абсурдный вывод можно получить, если последовательно стоять на позиции, что затраты труда следует определять, подсчитывая «m» пропорционально «v».

Почему такой расчет является неправильным? Потому, что он не учитывает различий в технической вооруженности живого труда.

Сущность второй концепции заключается в том, что подсчет затрат труда необходимо производить по цене производства; этот метод сейчас в скрытом виде повсеместно применяется у нас на практике.

Кстати говоря, применяемый сейчас метод расчета учитывает не только процентные отчисления от капитальных вложений, но и имеющееся несовершенство цен. Дело в том, что цены на продукты первого подразделения, как правило, не включают в себя налога с оборота и поэтому они ниже стоимости. На практике сейчас поступают следующим образом: при подсчетах всех капиталовложений, связанных со строительством данного объекта, учитываются и смежные капиталовложения, в том числе и в предприятия, которые будут производить для проектируемого предприятия необходимое сырье или материалы. А что это означает? После того как ко всем этим капитальным вложениям будет применен общий срок окупаемости, получится, что к цене товаров,

употребляемых на данном предприятии в виде сырья, и к соответствующей себестоимости автоматически прибавляются процентные отчисления от капиталовложений в предприятие, производящее это сырье. Таким образом, несмотря на то что ценообразование сейчас идет по другому пути, на практике это обстоятельство корректируется и фигурирующие в расчетах цены практически приближаются к цене производства.

Затраты труда на производстве должны исчисляться по цене производства. Это требование практики вытекает, на мой взгляд, из объективной необходимости, состоящей в том, что затраты труда, производимые на данном предприятии, если учесть существование различий в технической вооруженности живого труда, получают правильную количественную общественную оценку только при подсчете их по формуле цен производства.

Третья точка зрения — это точка зрения т. Кондрашева. В одной из своих работ он заявил, что затраты труда надо исчислять по цене производства. Но т. Кондрашев неправильно понимает цену производства. Он ее определяет путем учета определенного процента рентабельности, исчисляемого по отношению к себестоимости. По т. Кондрашеву, минимальная стоимость, независимо от размера капитальных вложений, имеет место там, где получается минимальная себестоимость продукции. В этой части данная версия ничем по существу не отличается от четвертого предложения, согласно которому нужно добиваться минимума себестоимости, не считаясь по сути дела с необходимыми для этого капитальными вложениями.

Чем обусловлена необходимость применения категории цены производства? Дело в том, что цена производства позволяет учитывать затраты труда с точки зрения всего общества. Сейчас можно дать некоторый прогноз и на будущее. В свете современного развития науки и техники можно сейчас сказать с уверенностью, что и при коммунизме мы не сможем непосредственно определять общественные затраты труда, подсчитывая их только на данном предприятии. Дело в том, что при коммунизме, хотя и отпадет необходимость учета труда в денежной форме, но затраты труда на одном предприятии никогда не будут равны затратам на другом предприятии. Из-за различий в технической вооруженности

живого труда час труда, затраченного в одном предприятии, не будет равен часу труда, затраченного в другом предприятии. Появится необходимость сведения индивидуальных затрат труда к средним общественным затратам.

Я приведу простой пример. Будем вести рассуждение не в рублях, а в часах. Представим себе, что нашему обществу надо произвести две тысячи пар обуви. Мы имеем одно предприятие, технически более оснащенное, где на 1000 пар обуви затрачивается 100 часов труда. Предполагаем, что мы сумели подсчитать также и овеществленный труд. На другом предприятии на такое же количество пар обуви нужно будет затратить 200 часов, т. е. вдвое больше. Почему там такие большие затраты труда? Потому, что второе предприятие имеет меньшую техническую вооруженность. Нельзя предполагать, что технический прогресс будет идти при коммунизме так, что все предприятия будут сразу оснащаться новым, более совершенным оборудованием и иметь одинаковую техническую вооруженность живого труда.

Давайте рассуждать дальше: чему равняются общественные затраты труда на одну тысячу пар обуви? Ясно, что в среднем общество тратит на тысячу пар обуви 150 часов, и это и есть общественная оценка затрат труда.

Что же происходит? Получается, что передовое предприятие, которое выпускает тысячу пар обуви при затрате только 100 часов, производит продукт, который имеет общественную оценку в 150 часов, а то предприятие, которое тратит 200 часов, также получает оценку только в 150 часов. И такая оценка затрат труда будет происходить без рыночных отношений, затраты труда будут подсчитываться прямо в процессе производства.

Ограниченность производственных фондов, или, вернее, необходимость наиболее рационального использования всех имеющихся производственных фондов, будет существовать и при коммунизме. Если одно предприятие снабдить большим размером производственных фондов, то там затраты труда будут относительно меньше (в нашем примере 100 часов на тысячу пар обуви), но зато на другом предприятии, где таких фондов значительно меньше, затраты труда по необходимости становятся большими — 200 часов.

При таких условиях не существует возможности определять размеры общественно необходимых затрат, считая затраты труда только на данном предприятии. Нужно будет учитывать связь этого предприятия со всем обществом. И такая связь в полной мере отразится в категории цены производства.

Мне представляется, что цена производства, которая сейчас так настойчиво пробивает себе дорогу в жизнь, несмотря на все преграды, является объективной оценкой затрат труда, рассматриваемых с точки зрения всего общества, а не с точки зрения одного предприятия или одной отрасли производства.

Нельзя больше отвергать категорию цены производства. Не следует думать, что она является специфической категорией капитализма. Если она там проявляется при помощи перелива капитала, регулируемого конкуренцией, то у нас будут другие принципы ее использования, вытекающие из плановости нашей экономики. Категория цены производства является объективным способом оценки затрат труда при учете различий в технической вооруженности живого труда. Пора это понять и использовать эту категорию в интересах быстрейшего развития народного хозяйства, более полного выполнения требований основного экономического закона социализма.

И. П. МИНАЕВ

ОСНОВНЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ КРИТЕРИЕМ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО НОРМА ПРИБЫЛИ

Нельзя определять размер прибавочного продукта, создаваемого в социалистических предприятиях, без учета объема средств производства. О максимальной прибыли в социалистических предприятиях.

Требуется дать ясный ответ на крайне важный вопрос, выдвинутый практикой, реальной действительностью, на вопрос о том, как определять величину прибыли, которая создается на наших социалистических предприятиях.

Какая бы проблема ни обсуждалась — идет ли речь о ценообразовании, рентабельности, хозрасчете — все в конечном счете упирается в этот вопрос, борьба мнений вращается по существу вокруг него.

Причем речь идет именно об определении прибыли, а не о распределении прибыли, как говорил здесь т. Кондрашев. Я считаю, что термин этот не выражает сути спора и говорю именно об определении прибыли. Тов. Кондрашев перечислял здесь четыре подхода к данному вопросу. Я считаю, что мы имеем по сути дела только два воззрения и что борьба ведется в сущности между сторонниками этих двух воззрений. Одно сводится к тому, что величину прибыли надо определять исходя из фондов, выделенных предприятию; это то, что было высказано в докладе З. В. Атласа, то, о чем говорил т. Вааг. Все остальные версии совпадают в главном: они отрывают определение величины прибыли от вопроса о фондах, выделенных предприятиям.

Этот ясный водораздел настолько затемняется всякими дополнительными, привходящими материями, что неискушенный в этих спорах человек подчас и не поймет, о чем же идет речь.

Чтобы представить вопрос об определении величины прибыли, создаваемой в социалистических предприятиях, в простой и ясной форме, я возьму самый простейший, примитивный пример, относящийся к созданию прибавочного продукта или продукта для общества. Возьмем заготовку дров: тут и прошлого труда немного, тут и отношения проще. Пусть заготовка ведется вручную и представим себе, что каждый рабочий вырабатывает по 4 куб. м в день и установилась практика, что 2 куб. м из этих четырех — это работа на себя, а остальные 2 куб. м — это работа на общество, это продукт для общества. Все примирились с этими пропорциями и согласны с тем, что человек получает 2 куб. м (для упрощения мы не берем денег) и этими 2 куб. м удовлетворяет свои потребности. Но вот возникает новое обстоятельство: изобретается и пускается в производство электрическая пила, и в эту отрасль, вместо ручной пилы, вводится новое средство производства — электрическая пила. С точки зрения сторонников определения прибыли, независимо от производственных фондов, здесь ничего не изменилось: наш лесоруб попрежнему работает 8 часов, но с той только разницей, что вырабатывает не 4 куб. м, а в три раза больше — 12 куб. м.

И вот я задаю стороннику этой точки зрения, который, допустим, владеет высшей математикой, которого не смутишь дифференциальными и интегральными исчислениями, простую арифметическую задачу: как тут решить вопрос о величине продукта для общества? Лесоруб вырабатывает не 4, а 12 куб. м, как же решить этот вопрос? И я глубоко убежден, что при всей его эрудиции, при всем владении математическими методами, он этой задачи не решит.

Живой труд остался тот же, а от средств производства сторонники критикуемой мной точки зрения при определении прибыли абстрагируются. Значит, продукт для общества — 2 куб. м, 2 куб. м для рабочего, а что делать с остальными 8 куб. м? Если наш лесоруб придерживается критикуемой нами точки зрения, то он резонно скажет: почему я должен отдать обществу 10 куб. м, когда рядом работает лесоруб без электрической пилы и дает обществу только 2 куб. м?

Невозможно решить вопрос о распределении продуктов труда для общества и для себя, не учитывая средств

производства. Мы должны учитывать средства производства и тогда «задача» сразу решается. Поскольку создан дополнительный продукт за счет дополнительных средств производства, которые созданы обществом, этот продукт должен пойти обществу. Я оперировал примитивным примером, на фабриках и заводах это сложнее,— там и цена, и норма времени, и налог с оборота. Но основа решения проблемы выступает и в этом примитивном примере.

Положение о том, что нужно определять прибавочный продукт с учетом средств производства, выдвинуто не сегодня. Практики его выдвинули десятки лет назад. И отношение экономистов-теоретиков к этой идее претерпело за это время 4 стадии развития.

Первая стадия — это та, когда они называли сторонников этой идеи апологетами капитализма и предлагали привлечь их к ответственности.

Но затем оказалось, что зачеркнуть то, что выдвигается жизнью, невозможно. И тогда была применена новая тактика: тактика замалчивания.

Дальше дело пошло так: идея проникла в печать. И тут решено было занять среднюю линию. Такую позицию занял здесь, между прочим, проф. Каценеленбаум, который в своем выступлении вначале пел дифирамбы в честь проф. Атласа, а потом заявил, что его предложение не годится.

И вот последняя фаза обсуждения этого вопроса — экономисты-теоретики разделились на две группы: за и против применения категории цены производства.

Несколько слов о понятии максимальной прибыли в применении к нашим условиям. Долго нас пугали этим страшным словом «максимальная прибыль». Но что такое максимальная прибыль? Если предприятие при данной цене его продукции добилось минимальной себестоимости, то оно тем самым достигло также максимальной прибыли. А нас партия и правительство призывают бороться за минимальные затраты на производство единицы продукции.

Максимальной прибыли нечего бояться. У нас комсомольцы предприняли поход за сверхплановые накопления. А экономисты-теоретики боятся понятия максимальной прибыли.

А. Я. БОЯРСКИЙ

СЕБЕСТОИМОСТЬ МОЖЕТ И ДОЛЖНА СЛУЖИТЬ МЕРОЙ ТРУДА

Может ли заработная плата отражать собой весь затрачиваемый труд? Несколько замечаний о принципах маневрирования ценами.

Стоимость и цена имеют значение не только в хозяйственной практике, но и для получения сводных стоимостных показателей, всех почти без исключения. Без цены нельзя получить ни национального дохода, ни общественного продукта, ни национального богатства, а на подавляющем большинстве предприятий — даже сравнительно простых показателей производительности труда.

Поэтому статистика, естественно, заинтересована в том, чтобы эта «косвенная мера» была как можно более совершенна. Некоторые статистики ставят вопрос о том, чтобы научиться прямо исчислять количество общественно необходимого труда, содержащегося в отдельных продуктах. Разумеется, что эта задача практически исключительно трудная, но возлагают определенные надежны на применение новейших электронных вычислительных машин.

Хотя причины, вызывающие упомянутые поиски, понятны и сама задача представляется интересной, как задача познавательная, но в практике хозрасчета на данном этапе правильным является иное решение: постараться сделать рубль, выраженную в рублях себестоимость, более точной мерой труда по сравнению с тем, что наблюдается практически.

Товарищи, которые ставят вопрос о том, чтобы подойти к непосредственному, прямому измерению труда, сразу же наталкиваются на одну из основных трудностей, которая является едва ли не наиболее уяз-

вимым местом во всем их построении. Речь идет о том, что существует труд разного вида, разных уровней квалификации и поэтому неизбежно возникает задача сведения одного вида труда к другому, сведения сложного труда к простому.

Есть, как известно, предложение преодолеть эту трудность путем соизмерения по тарифным коэффициентам. Но как же в этом случае трактуется остальная часть зарплаты, т. е. то, что остается за вычетом части, пропорциональной тарифным коэффициентам? Разве эта часть зарплаты должна нарушать основной принцип вознаграждения по количеству и качеству труда? Наоборот, в идеальном случае эта остальная часть зарплаты должна помогать полнее осуществить этот принцип, а раз так, то для сведения разных видов труда надо взять не таблицу тарифных коэффициентов, а всю зарплату полностью.

Правда, сейчас я оставляю в стороне другой вопрос: насколько принцип вознаграждения по количеству и качеству труда правильно проводится. Как известно, в этом деле имеются крупные недостатки, но это другой вопрос, который мы сейчас имеем право оставить за скобками и считать, что зарплата приведена в порядок, что она точно отвечает принципу оплаты по количеству и качеству труда.

Если быть логичным, то отдельные виды труда в этом случае надо сводить не по тарифным коэффициентам, а по полной сумме зарплаты. Но тогда учет «в часах труда», к которому стремятся, при этом фактически превращается в учет «в рублях зарплаты», а ведь именно рубли зарплаты и образуют себестоимость, включая и ту ее часть, в которой представлены затраченные средства производства, ибо они также не сваливаются с неба, а являются овеществленным трудом, за который выплачена зарплата (при этом, разумеется, не следует повторять известную ошибку А. Смита, подвергшуюся критике со стороны Маркса).

Мы, следовательно, снова приходим к себестоимости. Но здесь мы встречаемся с главным возражением, которое заключается в том, что в зарплате нет так называемого «труда для общества», что она не может поэтому отразить полностью весь труд.

Это возражение основано на простом недоразумении. Зарплата может отразить весь труд или по крайней мере пропорции между величинами затраченного труда. Вот простой пример: представим себе два продукта, на производство которых затрачено 100 часов и 200 часов и соответственно выплачено зарплаты 500 руб. и 1000 руб. И вот с этими двумя суммами зарплаты сделаем ту самую операцию, которую предлагает акад. Струмилин: исходя приблизительно из пропорции, приведенной в учебнике политэкономии, прибавим по 30% и тогда будем иметь 650 и 1300 руб. Но подобно тому, как 1300 и 650 составляют отношение 2 : 1, отвечающее отношению чисел часов труда 200 : 100, также и отношение 1000 и 500 руб. отвечают этому же 2 : 1. Иными словами, себестоимость может быть не худшим мерилом всего труда и без той искусственной прибавки, с которой идет речь.

Этот вывод кажется многим экономистам парадоксальным, а между тем, если вдуматься, то в нем ничего неожиданного нет. Ведь речь идет о себестоимости. А в калькуляции себестоимости зарплата нигде и никогда не фигурировала иначе, как в качестве цены труда. Возьмем, например, капиталистическое предприятие. Калькулятор на заводе Форда включает в себестоимость зарплату, конечно, не как стоимость рабочей силы, а как цену труда, и если он включает всю зарплату, то эта зарплата и представляет при этом весь труд. Другое дело, что при этом остается затушеванным общественное отношение между капиталистами и рабочими, т. е. что калькуляция не заменяет политической экономии. Но для нее это все же факт. Таким образом мы приходим к выводу, что себестоимость и без всякой прибавки может быть при определенных условиях достаточно точной мерой труда.

Этот вывод, разумеется, ни в какой мере не исключает ни возможности отклонения цен от стоимости, ни тех добавлений к себестоимости, которые должны быть использованы для стимулирования достижений лучших показателей, и пр. Возможность отклонения розничных цен на предметы потребления от стоимости ясна сама собой. В отношении средств потребления границей служит необходимость балансирования суммы товарооборота и суммы денежных доходов населения.

Возможно и в ряде случаев целесообразно маневрирование отклонениями цен и внутри государственного сектора. Также нельзя возражать и против стимулирования за счет разницы между ценой и себестоимостью. В этой связи нам хотелось бы сделать несколько замечаний.

Первое замечание. Та часть разности между ценой (для предприятий) и себестоимостью, которая в той или иной форме обращается на повышение уровня жизни членов коллектива (путевки, культурное обслуживание и пр.), в теоретико-экономическом анализе не должна отделяться от фонда заработной платы. В практике хозяйственного расчета это разделение должно иметь место, это — особая форма, которая для данной цели является наиболее подходящей. Но в теоретико-экономическом анализе есть полное основание прибавить это к фонду заработной платы и рассматривать указанную сумму не как надбавку к себестоимости, а как составную часть себестоимости.

Второе замечание. Если для ряда целей допускается маневрирование ценами, которое нарушает пропорции стоимостей, то вряд ли целесообразно таким маневрированием увлекаться; его, очевидно, следует применять только там, где это действительно вызвано необходимостью. В частности, здесь упоминалось о том, что с помощью установления, например, более высоких цен на дефицитные материалы, мы стимулируем бережливое к ним отношение. В ряде случаев это действительно так, и в подобных случаях это целиком оправдано. Но если речь идет о самых дефицитных материалах, то та же самая цель достигается и другим путем, ибо эти материалы отпускаются предприятию с учетом каждого грамма и со строгим последующим контролем, направленным к тому, чтобы каждый грамм был использован по его прямому назначению.

Наконец, третье замечание — о накидке на себестоимость (или на все фонды). Говорилось, что она должна быть «оптимальной». Но что значит оптимальная накидка, какой она должна быть? И здесь обнаруживается, что не всякая такая накидка возможна без довольно крупных неприятностей.

Представим себе, что угольная шахта пользуется электроэнергией со станции, работающей на ее же угле.

В этом случае в себестоимости 1 т угля имеется какая-то часть, представляющая собой в сущности оплату своего же угля через оплату энергии, полученной со станции. Конечно, это количество своего же угля, нужного для добычи 1 т, должно быть меньше тонны, в противном случае производство было бы бессмысленно и невозможно. Допустим, оно равно 0,5 т. Однако, если при этом будет установлена накидка на себестоимость, выходящая за известные границы, то может получиться такое положение, что накидка, которая была сделана при передаче угля станции, плюс вторая накидка, которая была сделана при подаче электроэнергии со станции на шахту, приведут в конце концов к тому, что эти полтонны угля будут стоить шахте больше, чем она выручила за свою собственную тонну при отпуске продукции на сторону. Издержки тогда не покроются. Причем положение нельзя будет спасти путем перераспределения средств, т. е. путем, скажем, изъятия части прибыли станции для дотирования шахты, ибо в описываемом случае аналогичное же положение создается и на электростанции: выручка за энергию не покроет издержек и там. Выход только один: признать, что та накидка, которая была установлена, слишком высока, что такая накидка не позволяет правильно вести хозяйство, что ее надо пересмотреть в сторону снижения. Вывод наш, следовательно, таков: маневрирование соотношением цен на средства производства целесообразно, но только там, где оно действительно необходимо. При установлении цен внутри государственного сектора накидка на себестоимость должна определяться с большой осторожностью на основе тщательного расчета.

М. С. ТУПИКИН

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СУЩНОСТИ ХОЗРАСЧЕТА

Недостатки определения сущности хозрасчета, содержащегося в учебнике политической экономии. Опережающий рост производительности труда по сравнению с ростом заработной платы должен быть главным мерилом хозрасчета.

Некоторые товарищи пытаются точно измерить величину стоимости. Стоимость — это производственное общественное отношение. Самые тонкие математические приемы не дадут нам возможности точно определять величину стоимости. Этого сделать нельзя. Вот движется поезд,— находится ли он в этой точке или нет? Он находится и не находится. Он движется. Так и стоимость, как форма выражения воплощенного в товарах общественно необходимого абстрактного труда представляет собой непрерывный процесс движения.

Когда мы определяем фабрично-заводскую цену, потом — оптовую цену (я говорю о практике определения цен, которую мы применяем сейчас), то мы говорим о той или иной степени приближения к стоимости. И с этой точки зрения я считаю, что предложение акад. Струмилина относительно того, чтобы разработать ориентиры, показывающие, в какой мере увеличивается степень точности в определении стоимости продукции с тем, чтобы мы могли правильно проводить политику цен, осуществлять стимулирование процессов производства, — предложение это очень интересно.

Когда вышел в свет учебник политической экономии, то содержащийся в нем раздел о хозрасчете мы в то время считали большим достижением. Данное в нем определение хозрасчета было тогда, в известной мере, ценным и положительным. Ныне же то определение хоз-

расчета, которое дано в учебнике политэкономии, не стало удовлетворять наших слушателей — студентов.

Хозрасчет, как сказано в учебнике, это есть метод планового ведения хозяйства, требующий выполнения планов, возмещения расходов собственными доходами и обеспечения рентабельности производства.

Это определение крайне абстрактно. Представим себе, что студент, хорошо усвоивший это определение, попадает, скажем, на химический завод. И вот он видит, что на химическом заводе производятся калоши, макинтоши и автопокрышки. Калоши и макинтоши можно продать очень выгодно, и поэтому по калошам и макинтошам план перевыполняется на 200%, а по автопокрышкам план «заваливается». Все расходы между тем возмещаются, и рентабельность производства обеспечивается. Все требования, выдвигаемые определением хозрасчета, содержащимся в учебнике, как будто соблюдены! Аналогичные явления можно встретить и на ряде машиностроительных заводов и в других отраслях производства.

В чем же порок интересующего нас определения? В том, что такое определение является абстрактным, что оно не показывает, как стимулировать при помощи хозрасчета неуклонный рост производительности труда.

Учитывая многолетний опыт применения хозрасчета на социалистических предприятиях, принцип хозрасчета должен быть сформулирован следующим образом.

Хозяйственный расчет есть метод планового ведения хозяйства в социалистических предприятиях в соответствии с требованиями экономических законов социализма. Он требует выполнения планов и договорных обязательств при наибольшей экономии труда, материальных и денежных средств. При этом контроль за выполнением планов в стоимостных показателях (т. е. контроль рублем) ведется с таким расчетом, чтобы доходами, которые получаются за произведенную и реализованную продукцию, во-первых, возмещать стоимость израсходованных средств производства, во-вторых, осуществлять оплату труда работников в соответствии с ростом их производительности (с тем, чтобы рост производительности труда опережал рост заработной платы) и, в-третьих, обеспечивать рентабельность.

В отношении заработной платы главным принципом

хозрасчета должен являться принцип **опережающего роста производительности труда по сравнению с ростом заработной платы.**

У нас по Москве имеется сейчас ряд крупных предприятий, на которых рост заработной платы опережает рост производительности труда. Это является грубым нарушением коренного принципа хозрасчета.

В принципе опережающего роста производительности труда по сравнению с ростом зарплаты мы имеем перед собой форму правильного сочетания заинтересованности социалистического общества в развитии производства и личной материальной заинтересованности работника при подчинении личных интересов — общим.

Если обозреть всю практику и весь пройденный путь у нас и в странах народной демократии, то мы увидим, что нельзя рассчитывать на успех социалистического строительства там, где личная материальная заинтересованность работников игнорируется. Вместе с этим практика социалистического строительства показывает, что нельзя рассчитывать на успех социалистического строительства также и там, где личная материальная заинтересованность выпячивается в ущерб общественным интересам (излишества в расходовании фонда зарплаты в промышленности и строительстве, опережающий рост заработной платы по сравнению с ростом производительности труда, недостаточная борьба с рваческими тенденциями спекулятивных элементов и т. п.).

Успех социалистического строительства в значительной мере определяется тем (как это было установлено В. И. Лениным), что наша партия нашла ту форму сочетания личных интересов с общественными, которая представляла собой камень преткновения для многих и многих социалистов.

Экономически правильное соотношение между ростом производительности труда и ростом заработной платы при опережающем росте производительности труда обеспечивает возможность расширенного социалистического воспроизводства, условия неуклонного роста производительности труда. Вот почему декабрьский (1957 г.) Пленум ЦК нашей партии с такой силой подчеркнул именно это руководящее положение об опережающем росте производительности труда по сравнению с ростом заработной платы.

З. В. АТЛАС

ЗАКОН СТОИМОСТИ И ПРОБЛЕМА РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

(*заключительное слово по докладу*)

Несомненно, что дискуссия всех нас обогатила: было высказано очень много ценных и интересных мыслей.

Можно подвести некоторые итоги дискуссии по вопросу о рентабельности социалистического производства. Лишь двое выступавших держались старых позиций, а именно, что среднеплановая норма прибыли с учетом использования фондов, а тем более цена производства не могут применяться в социалистическом хозяйстве. Проблему прибыли и цены производства впервые вынесли на широкое обсуждение тт. Малышев и Вааг на дискуссии по закону стоимости в Институте экономики АН СССР. Тогда они были в меньшинстве, теперь положение изменилось.

Никто из советских экономистов, говоря о нормативной средней плановой прибыли, не имеет, конечно, в виду «рекомендовать» закон равной нормы прибыли в качестве регулятора общественного производства. Для такого закона нет места в системе планового хозяйства.

Принципы цены производства и нормативной прибыли, фактически действующие на практике, должны служить выявлению всех возможностей внутрипромышленного социалистического накопления, должны ликвидировать ряд недостатков в нашей экономике.

Здесь высказывалось опасение насчет того, что, внедряя принцип цены производства, мы можем подпасть под власть стихии, повторив ошибки Югославии, где якобы нечто похожее уже применялось. Это неверно, ничего подобного не было в Югославии и ничего похожего на югославский «опыт» ни нами, ни другими не предлагается.

В чем сущность югославского «опыта»? В том, что там произошло развязывание конкуренции на рынке между

предприятиями, и прибыль является результатом не только внутренней экономии и использования источников внутрипромышленного накопления, но и конкурентной борьбы на рынке, а когда возможно—повышения цен.

Мы же не предлагаем ничего менять в системе организации нашего планового хозяйства. Мы должны держаться твердых государственных цен. Поэтому, когда речь идет о прибылях, о денежных накоплениях, то речь идет о накоплениях **при данных ценах**, и, следовательно, источником этих накоплений может быть только мобилизация внутрипромышленных резервов.

Следовательно, между нашим предложением и югославским «опытом» не существует никакой связи.

Выступление проф. Каценеленбаума было посвящено практическим проблемам, связанным с рентабельностью. В этом выступлении были ценные моменты, в частности указание на то, что и при нынешней системе борьба за снижение себестоимости требует лучшего использования оборудования.

Это правильное замечание, но это совершенно не снимает поставленной проблемы. При огромной общей стоимости основных фондов в стране даже небольшой процент экономии, небольшое повышение эффективности их использования дает колоссальный материальный и финансовый эффект. Поэтому важное значение имеет перестройка системы планирования прибылей, создание такой системы, которая обеспечила бы ликвидацию элементов бесхозяйственности в использовании основных и оборотных средств нашей страны, о чем беспрерывно говорит вся наша печать.

Для повышения эффективности использования основных фондов проф. Каценеленбаум считает необходимым ввести в практику, вместо нашего предложения, показатель выпуска продукции на единицу, сотню или тысячу рублей основных фондов.

Этот показатель существует. Возьмите любую книжку по анализу хозяйственной деятельности. Там рекомендуется для целей анализа хозяйственной деятельности и выявления «узких мест» применять этот показатель. Но этот показатель не увязан с себестоимостью и прибылью. Мы же предлагаем его неразрывно связать с прибылью, с рентабельностью производства.

Наше расхождение с А. В. Бачуриным состоит в том, что он считает, что предлагаемый нами показатель можно применять наряду с другими показателями, а мы считаем, что рентабельность в процентах к фондам — это синтетический показатель, потому что по прибыли мы судим о результатах работы предприятия.

Если привязывать рентабельность только к себестоимости, как это имеет место сейчас, то на практике может оказаться, что выпуск продукции на единицу основных фондов будет не повышаться, а понижаться, потому что завезли излишнее оборудование, а с себестоимостью и прибылью дело будет обстоять благополучно.

Значит, предприятие может неэкономно использовать основные средства, иметь излишние оборотные средства, излишнее накопление материальных запасов и в то же время выполнять план по себестоимости и прибыли, а за счет последней будет создаваться крупный фонд предприятия.

Принцип определения рентабельности по отношению к фондам это не надуманный принцип. Он утверждает себя на практике вопреки теории.

Несколько лет тому назад были введены банковские ссуды на новую технику. Еще раньше, с 1949 г., стали практиковаться ссуды Госбанка на расширение производства товаров широкого потребления и на развитие производства строительных материалов местной промышленности и промкооперации. Ссуды на новую технику, предоставляемые всем отраслям народного хозяйства, составляли, по данным на 1 января 1957 г., 2329 млн. руб., а вместе с ссудами на расширение производства товаров широкого потребления — 3127 млн. руб.

В каких случаях выдаются эти ссуды? Лишь в тех случаях, когда обеспечено высоко эффективное использование всех авансируемых средств. В чем выражается эта эффективность? В полученной прибыли от применения новой техники, т. е. в массе прибыли, исчисляемой по отношению к массе используемых основных фондов.

Правительство своими решениями установило, что Госбанк может выдавать такого рода ссуды из расчета двух-трехлетней окупаемости, а Промбанк — из расчета окупаемости до шести лет. Это значит, что использование ссуд, получаемых из расчета трехлетней окупаемости, должно давать каждый год прибыль в размере 33%

(за три года это составит 100%). Кроме того, приходится выплатить банку и проценты за эту ссуду. При шестилетнем сроке ссуды норматив прибыли в отношении к основным средствам составит 17% годовых.

Эта форма покрытия затрат на капиталовложения является более гибкой, чем бюджетное финансирование капиталовложений. В то же время эта форма финансирования капиталовложений в основные фонды требует от каждого хозяйственника, купившего какую-то установку, мотор или станок и т. д., чтобы он снизил себестоимость и за счет этого получил запланированную прибыль, которая должна в определенный срок полностью возместить произведенные затраты. А это заставляет считать каждый рубль, каждую копейку при использовании этих производственных фондов, чего мы не наблюдаем при использовании собственных основных средств.

Таким образом, принцип отнесения прибыли к сумме фондов практически проверен как гибкая, целесообразная форма стимулирования экономного использования основных средств.

Принцип окупаемости, широко применяемый при проектировании и финансировании капиталовложений, есть оборотная сторона принципа нормативной прибыли.

Остановимся на примере, который привел здесь т. Вааг.

Одно проектируемое предприятие стоит 1 млн. руб., а другое — 2 млн. руб., себестоимость же продукции получается одинаковая (100 руб. на единицу). Какой же вариант строительства избрать? Конечно, первый. Однако экономист, о котором рассказал здесь т. Вааг, выбирает второй вариант, несмотря на то, что он требует вдвое больших капиталовложений при одинаковой себестоимости.

Он рассуждает так: при втором варианте будет больше техники, больше основных средств, следовательно больше амортизации. Поэтому в структуре стоимости продукта, в цене единицы понизится величина «v», и, следовательно, понизится также и сумма «m», поэтому хотя себестоимость такая же, но стоимость, по рассуждению упомянутого экономиста, во втором случае ниже. Вот к какому абсурду приводит игнорирование объема используемых фондов, т. е. капиталовложений, при расчете стоимости продуктов. Ведь по существу это значит,

что мы должны идти по пути гигантомании, должны выбирать наиболее дорогие проекты, требующие больших капиталовложений, даже при равной себестоимости.

Перед нами теория, оправдывающая бесхозяйственность, оправдывающая излишества в строительстве,— то, с чем решительно борются партия и правительство.

Приводим ниже формулу расчета нормы прибыли. Мы можем пока совершенно не трогать ничего в действующей системе цен и все же применять эту формулу для планирования нормы прибыли

$$НП = \frac{К(Ц - С)}{Ос + Об} \times 100.$$

Количество выпущенной продукции (К) умножается на цену этой продукции (Ц) минус ее себестоимость (С). Это в числителе, а в знаменателе стоимость основных средств (Ос) плюс стоимость оборотных средств (Об). Допустим для примера, что конкретные числовые значения этих алгебраических величин дают нам норму прибыли (НП) в 5%.

При всех данных условиях, т. е. при нынешних ценах и нынешнем уровне прибыли, предприятию устанавливается рассчитанный по этой формуле норматив прибыли в размере 5% в год. Как предприятие может выполнить эту плановую норму в 5% и как оно может ее перевыполнить? Оно может это сделать, во-первых, путем увеличения количества выпускаемой продукции, во-вторых, за счет снижения себестоимости продукции. И есть третий способ — это сэкономить количество основных и оборотных средств. Это и есть тот показатель, который предлагает проф. Каценеленбаум (количество продукции на 1 руб. основных средств). Следовательно, и показатель проф. Каценеленбаума включен в нашу формулу, поскольку в ней основные средства значатся в знаменателе, а количество продукции — в числителе.

Имея плановый норматив прибыли, предприятие должно будет бороться за снижение себестоимости (ибо себестоимость представлена в числителе формулы) и в то же время должно будет не менее энергично бороться за экономию, за ускорение оборачиваемости всех средств — основных и оборотных. Следовательно, норма прибыли является функцией всех указанных переменных величин, за исключением отпускной цены, которая

является для предприятия величиной данной. Такое исчисление нормы прибыли дает оптимальное использование всех внутрипроизводственных резервов.

Для обоснования предлагаемого расчета прибыли полезно будет коснуться вопроса, поднятого т. Аракеляном в его докторской диссертации об основных средствах. Тов. Аракелян видит недостатки в области использования основных средств и ищет пути их преодоления. Он справедливо отмечает недопустимость положения, когда на предприятиях скапливается большая масса резервного оборудования и это никак не отражается на хозрасчетном положении предприятия. Для борьбы с подобной бесхозяйственностью т. Аракелян предложил начислять амортизацию на все фонды, а не только на действующие. Выходит так, что стимулировать полное использование фондов через амортизацию можно лишь ценой искажения себестоимости, ценой отказа от правильных принципов калькулирования. И при современной системе планирования прибыли — это неразрешимая проблема. А при предлагаемом нами методе планирования прибыли она решается очень просто. Себестоимость мы совершенно не трогаем; излишек же основных средств фигурирует в знаменателе дроби и снижает рентабельность.

Социалистическому предприятию даны все объективные условия для того, чтобы использовать основные и оборотные средства несравненно полней и эффективней, чем это возможно сделать в капиталистическом предприятии.

В противоположность капитализму плановое социалистическое хозяйство объективно позволяет использовать абсолютно все внутрипромышленные резервы на полную мощность, на все сто процентов. На практике же этого нет. Почему? Исключительно в силу субъективного фактора, в силу того, что мы еще не создали такой системы хозяйственного расчета и контроля за рентабельностью, которая стимулировала бы максимально возможное ускорение оборота всех средств предприятия. Такая система должна быть создана. И чем скорее, тем лучше.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Необходимость товарного производства и действия закона стоимости при социализме

И. И. Козодоев, доцент, кандидат экон. наук. Необходимость товарного производства и закона стоимости в социалистической экономике 15

Ф. П. Кошелев, профессор. «Чистый» социализм — необоснованная абстракция, ведущая к заблуждениям 32

М. В. Колганов, доктор экон. наук. Распределение по труду создает необходимость эквивалентных отношений между государственными предприятиями 41

Н. В. Хессин, доцент, кандидат экон. наук. Следует говорить не о необходимости товарного производства при социализме, а о необходимости использования товарно-денежных форм 50

К. В. Островитянов, академик. Против антиисторического, догматического подхода к проблеме товарного производства при социализме 64

Э. Я. Брегель, профессор, доктор экон. наук. Является ли смена собственника непременным признаком товарно-денежных отношений? 78

А. Я. Кошелев, доцент, кандидат экон. наук. Новое содержание старых категорий товарного производства и новые функции закона стоимости при социализме 92

Н. А. Вязьмин, доцент, кандидат экон. наук. Товар, не являющийся формой экономической связи между различными собственниками (индивидуальными или групповыми), не является в политико-экономическом смысле товаром . . . 98

А. И. Юдкин. Товарное производство и непосредственно общественное производство 109

Б. М. Мочалов. Выделение того или иного отдельного признака товара в качестве всерешающей характеристики товарных отношений ведет к заблуждениям 119

П. А. Скипетров, кандидат экон. наук. Чем полнее и совершеннее социалистическое общество использует товарно-денежные отношения, тем быстрее протекает процесс превращения товара в нетовар 130

А. И. Пашков, профессор, член-корреспондент АН СССР. Против надуманных схем в объяснении причин сохранения товарного производства при социализме 138

В. Н. Черковец. Спор о том, является ли причиной сохранения товарного производства характер труда или различие форм собственности, лишен содержания 146
Н. С. Спиридонова, доцент, кандидат экон. наук. В социалистическом обществе товарные отношения не имеют универсального характера: земля, рабочая сила, фабрики и заводы — не товары 153
А. Н. Цаголов, профессор, доктор экон. наук. Пути изучения товарного производства и роли закона стоимости при социализме 159

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Закон стоимости и политика цен при социализме

А. В. Бачурин, доцент, кандидат экон. наук. Закон стоимости и вопросы ценообразования (доклад на конференции) 174
Г. Н. Худокормов, кандидат экон. наук. О соотношении цены и стоимости в социалистической экономике. 192
М. В. Колганов, профессор, доктор экон. наук. При планировании цен целесообразно исходить из принципа «цены производства» 201
Д. Д. Кондрашев, доктор экон. наук. Система планирования цен должна базироваться на принципе распределения прибыли пропорционально себестоимости 210
В. Г. Лопаткин, доцент, кандидат экон. наук. Сохранение низких цен на средства производства не означает для общества потери части чистого дохода 220
И. Л. Маринко, доцент, кандидат экон. наук. Некоторые вопросы планирования цен на продукцию совхозов 225
А. И. Пашков, профессор, член-корреспондент АН СССР. Сравнительные достоинства и недостатки трех обсуждаемых принципов построения цен 241
П. С. Мстиславский, кандидат экон. наук. Существующая система цен имеет объективную экономическую основу . . . 245
Б. П. Плышевский. О характере существующей системы цен 256
А. В. Бачурин, доцент, кандидат экон. наук. Закон стоимости и вопросы ценообразования (заключительное слово по докладу) 265

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Закон стоимости и проблемы рентабельности и хозрасчета при социализме

З. В. Атлас, профессор, доктор экон. наук. Закон стоимости и проблема рентабельности производства при социализме (доклад на конференции) 269
С. К. Татур, профессор, доктор экон. наук. Хозяйственный расчет и закон стоимости (доклад на конференции) . . . 288

З. С. Каценеленбаум, профессор. Надо ли стремиться к построению единого показателя использования основных и оборотных средств? 299
Л. А. Вааг, доцент, кандидат техн. наук. Практики-проектировщики давно оперируют категорией цены производства, которую теоретики-экономисты продолжают отвергать . . 309
И. П. Минаев. Основным экономическим критерием производственной деятельности социалистических предприятий может быть только норма прибыли 317
А. Я. Боярский, профессор, доктор экон. наук. Себестоимость может и должна служить мерой труда 320
М. С. Тупикин, кандидат экон. наук. К вопросу об определении сущности хозрасчета 325
З. В. Атлас, профессор, доктор экон. наук. Закон стоимости и проблема рентабельности производства при социализме (заключительное слово по докладу) 328

ЗАКОН СТОИМОСТИ И ЕГО РОЛЬ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Редактор *В. П. КИРИЧЕНКО* Технический редактор *Е. С. Герасимова*

Корректоры *О. М. Беркова* и *М. А. Стрельникова*

Сдано в производство 6/X 1958 г. Подписано к печати 5/II 1959 г. А-00060. Тираж 7400 экз. Бумага 84×108 1/32—5,25 бум. л. = 17,22 печ. л. Уч-изд. л. 17,17. Изд. № 37. Цена 10 р. 60 к. Зак. 857.

Госпланиздат

Москва, Дьяковский пер., 4.

20-я типография Московского городского совнархоза
Москва, Ново-Алексеевская, 52

Отпечатано в ЦТ МО. Заказ 4126.

